

Александр Александрович Матюхин

Абсолютное правило

, OCR & conv. san175ACT; Москва; 2005
ISBN 5-17-025814-3

Аннотация

Нарушено АБСОЛЮТНОЕ ПРАВИЛО ИГРЫ. Мелкий ворюшка решил раз в жизни совершить благородный поступок — и спас от смерти девушку... Теперь он — ИГРОК.
«Темная лошадка» в странной Игре, которую ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАЗАД начали Создатель Зари и Создатель Сумерек — пришельцы, вставшие на стороны Света и Тьмы.
Ставка в игре — судьба ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.
После битвы — Земля.
Но далеко НЕ ВСЕ ИГРОКИ — ЛЮДИ!

Александр Матюхин
Абсолютное правило

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Среди людей всегда находятся растяпы и простаки. Их просто не может не быть.

Например, как тот ухажер, вьющийся около молодой девушки. Сразу видно — человек глупый, хоть и выглядит интеллигентно. Черный пиджачок с галстуком поверх белой рубашки, стираной, наверное, много-много раз. На носу — очки с прозрачной оправой. Да и походочка, как у пингвина в период спаривания...

С чего ты взял, что он ее ухажер? — прошипел Генка Сорокин. У него привычка такая — шипеть, выплевывая слова вместе со слюной мне в ухо.

Сам погляди, если не видишь, — пробормотал я.

Ну? — глупо переспросил Генка.

От человека, имеющего пять классов образования и опыт жизни на мусорных свалках, трудно было ожидать знания тонкостей амурных дел. Я предпочел ограничиться молчанием, продолжая наблюдать за предполагаемой жертвой.

Парочка пересекла зал и остановилась около окошка кассы. Помимо них и нас с Генкой, вокруг не наблюдалось никого. Как раз мое любимое время — где-то между двумя и тремя часами ночи, — когда лишь самые торопливые и нетерпеливые отваживаются сунуться в подземку.

Мы с Генкой сидели в креслах чуть поодаль от касс. Генка лениво перелистывал утреннюю газету, слушая новости, а я делал вид, что дремлю, время от времени бросая взгляд из-под полузакрытых век на настенные часы. Единственный аэрокатер должен был прийти минут через пятнадцать. Если, конечно, опять не опоздает: в последнее время вполне обычными стали обвалы в запутанных лабиринтах подземки. Давненько их не ремонтировали.

«Из достоверных источников стало известно, что вчера вечером на орбите Луны был обнаружен предмет неизвестного происхождения...» — устало бормотал невыспавшийся диктор из радио.

А ничего девочка. Если бы не этот очкастый уродец, я бы за ней приударил, — прошипел Генка, толкая меня локтем в бок.

У тебя бы не было шансов! — ответил я и зевнул. Наш растяпа с озабоченным видом рылся в спортивной сумке, висевшей у него на плече. Почему-то мне показалось, что и он, и девушка сильно взволнованы. Или, может быть, просто торопятся?

Как это — не было бы шанса? — не унимался Генка. — Да ты знаешь, что я в своем квартале каждую третью поймел!

Корову?

Чего корову?

Поймел, спрашиваю, корову? — Глядя, как удивленно вытягивается Генкина физиономия, я громко захохотал. Почему-то мне пришло в голову, что ему совершенно не идут рыжие усы, которые он отрастил месяц назад. Хотя сам Генка был от них без ума.

Шутишь? Откуда в городе коровы?

Конечно! Вот и я думаю — где ты в городе коров нашел?

Я снова залился смехом. Девушка посмотрела в нашу сторону. Испуганно, или мне просто показалось?

Ладно, Генка, шутки в сторону. Пора действовать.

Пока не прилетел аэрокатер.

Да. И пока здесь никого нет.

Я поднялся и неторопливым шагом направился в сторону входа в подземку — на случай, если девушке с мужчиной вздумается бежать. Остальное Генка сделает сам. Он мастер в подобного рода делах. Чего не скажешь обо мне. Во всех наших делах я являлся не чем иным, как мозговым центром, потому что для моего напарника умножить двенадцать на три было просто чудом, ниспосланным свыше. Силковую же часть операции Генка выполнял просто великолепно.

Не оборачиваясь, я подошел к телефонной будке и остановился, разглядывая ее. Изрядно потрепанная. Ногами ее били, что ли?

Эй, мужик, сигаретки не будет?

Цифровой диск сорван, вместо трубки — кусок провода с оголенными проводами на конце. Кто-то получил большое удовольствие, вырывая ее с корнем.

Постойте, я вот что еще хотел сказать!

Над телефонным аппаратом, на стенке, несколько неприличных надписей, в основном в адрес нынешнего мэра города. Несколько фраз высказаны довольно точно.

Эй... эй! Стой, сволочь!

Вероятно, бежали ко мне. Глухой приближающийся топот ботинок. Я неторопливо обернулся, оценивая ситуацию.

Мужчина-простофиля во всю прыть мчался к выходу. Очков на нем уже не было, из носа текла размазанная по губам и подбородку кровь. Зато сумка болталась на плече, частыми ударами в спину словно подталкивая его. Девушка стояла около путей, прижав руки к лицу и опустив голову. Совершенно недвижимая. А Генка лежал на полу около кассы, скорчившийся, как от сильного удара, и громко хрипел. Видать, наш простак проявил немного героизма. Что ж...

Наверное, мужчина хотел попросить у меня помощи. По крайней мере, в его подслеповатом и испуганном взгляде именно это и читалось, но я не стал слушать. Под курткой у меня была припрятана великолепная электрическая дубинка, одного удара которой хватило на то, чтобы мужчина хрюкнул и растянулся на полу лицом вниз. Прямо у моих ног.

Генка продолжал хрипеть и дрыгать ногами. В окошках касс всего на секунду показались два женских личика. Вероятно, сейчас вызовут милицию. Надо было действовать быстрее.

Я нагнулся, рывком срывая сумку с плеча бесчувственного тела, откинул ее в сторону и пошарил по карманам. Улов вышел небольшой: блокнот в кожаной обложке да не слишком пухлый на ощупь бумажник. В брюках торчал пистолет, заткнутый за ремень. Я не стал его брать — совершенно не разбираюсь в оружии, да и ни к чему мне пистолет. Подхватил сумку и быстрым шагом подошел к лежащему Генке. Девушка все еще недвижимо стояла

около путей, только уже опустив руки, и не сводила с меня глаз. Посмотрев на нее, я увидел, что по щекам девушки, размазывая тушь, текут слезы. Неужели ей так жалко своего ухажера? Никогда не понимал влюбленных людей.

Генка, ты как, идти сможешь?

С-сука! — прохрипел в ответ Генка.

Я понимаю, но у нас времени нет. Вставай, и поковыляй! — Я нагнулся, ухватив его за плечо.

Генка перевернулся на спину и попытался сесть, прижимая руку к груди. Из его рта вслед за хрипом вдруг с бульканьем хлынула кровь.

А, черт! — Я отпрянул назад и тут только разглядел, что же произошло с Генкой. Вероятно, в него выстрелили (а может, и пырнули ножом). По крайней мере, я отчетливо разглядел два красных пятна, расплывшихся по рубашке. Одно около правого плеча, а второе чуть ниже груди. За него-то и держался Генка. Кровь закапала у него с подбородка, и, открыв рот, Генка прошептал:

Вытащи меня отсюда, Виталик.

Я постараюсь. Что случилось-то?

Он смотрел... в меня... Г-гад... Не ожидал, ничего не успел сделать. Ты остановил его, да?

Остановил. Но я не слышал выстрелов. Ты идти-то сможешь?

Глупо было задавать подобный вопрос. Генка уже сейчас выглядел как оживший мертвец из фильмов ужасов. Кровь залила ему всю рубашку и продолжала идти изо рта и из ран.

Вот тут я действительно растерялся. Что мне оставалось делать, кроме как бежать — ведь с минуты на минуту сюда нагрянет милиция? Наше правило — брать и очень быстро исчезать. Но, с другой стороны, — как я мог оставить Генку? Самого близкого моего друга! Единственного за несколько последних лет. Без него мне уже не выжить. Слишком зависимы мы стали друг от друга...

Я положил сумку на пол, размышляя, как мне взять его удобнее. Посмотрел на девушку. Она все еще неотрывно глядела на меня, слегка склонив голову набок. Скорее заинтересованно, чем испуганно. Тушь оставила у нее на щеках две извилистые дорожки, а глаза стали как будто вдвое больше.

Зря вы это сделали, — прошептала девушка, делая шаг назад. Я заметил, что она почему-то босая. Генка дико захрипел и вцепился рукой в мою куртку. Медлить было нельзя.

Давай, подымайся. — Я рывком поднял Генку на ноги. Он тотчас навалился на меня всем телом, выплюнув в ухо:

— Ты меня в больницу вези. Я выпутаюсь.

Ясное дело, выпутаешься, — проворчал я. О сумке можно было забыть. Самим бы теперь ноги унести.

Девушка отступила еще на шаг, когда мы проходили мимо. Теперь она стояла у самого края платформы, где заканчивался кафель и начинался туннель четырехметровой глубины, чтобы аэрокатеру было достаточно места для посадки.

Смотри, не сорвись. Размажет в лепешку, — зачем-то сказал я. Девушка повернула голову назад и посмотрела вниз. Затем неожиданно резко развернулась на пятках и замерла.

Не вздумай, — сорвавшимся голосом прошептал я, неожиданно поняв, что именно она собирается делать.

Генка глухо закашлял. Я почувствовал, как что-то липкое медленно стекает по шее за шиворот, но не обратил на это внимания. Мне вдруг подумалось, что вечер складывается не слишком удачно. Вот и осталось его довершить разглядыванием разбившейся насмерть девушки на дне посадочной ямы. Одним медленным и вялым движением, как будто она стояла в воде, девушка занесла ногу над пропастью. Я непроизвольно дернулся в ее сторону, опуская хрипящего Генку на пол, вытянул руки и...

Почему-то мне показалось, что я не успею. Девушка выскользнет из моих рук, как

перышко, и неслышно упадет в темноту туннеля. Раздастся глухой звук, как будто упал мешок с картошкой, а я не буду видеть ее из-за темноты. Только представлять, что осталось от бедной девушки, парня которой мы только что ограбили. Возможно, мне потом всю жизнь будет сниться тот самый момент, когда я смотрю на исчезающий в темноте женский силуэт в белом платье... Ухватить ее за талию и оттащить метра на два от туннеля оказалось легче легкого. Едва мои руки коснулись ее спины, девушка обмякла, потеряв сознание. В самый раз. Теперь можно с легким сердцем оставлять и ее, и парня, а самим сматываться подсобро-поздорову. Хватит с меня сегодня благотворительности. Осталось только вызвать Генке врача, а самому засесть недели на две на чьей-нибудь квартире. Можно даже и у Генки пожить, пока он не выздоровеет. Хотя, скорее всего, милиция нагрянет к нему, как только выяснится, от чего Генка пострадал. Да и сестра его — вредная баба. Меня на дух не переносит, словно это я виноват в том, что у них родители закоренелые алкоголики, и поэтому она с детства должна была работать, чтобы прокормить своего младшего брата. Здорово он ей отплатил, ничего не скажешь.

Я посмотрел на спасенную. Недурна. Я бы даже сказал, что как раз в моем вкусе. Наверняка привлекает взгляды парней на улице. Может, именно поэтому я и спас ее? Но все равно она не в своем уме. С чего бы ей бросаться в туннель из-за того, что кто-то огрел ее хахалю дубинкой по голове и забрал деньги? А что за странные слова она говорила, когда я тащил Генку?

Я повернулся в его сторону, но в это время в кармане у девушки кто-то тихо произнес: Вероника?

Портативный голосовой информатор! Ого-го! Пошарив по карманам девушки, я извлек на свет небольшую металлическую коробочку светло-серого цвета.

Вероника, Максим, как слышно? Я еще раз повторяю — как слышно? Черт, да ответьте же!

На бледном диске замигал синий огонек — говоривший ждал ответа. Честно говоря, я знал, как обращаться с информатором, только понаслышке. Это относительно новое изобретение и пока доступное только людям с огромными карманами. Интересно, что тогда оно делает у девушки по имени Вероника? На богатеньких особ и она, и ее парень не тянули.

Синий огонек моргнул и переменялся на зеленый. Все тот же мужской голос, с легкой хрипотцой (возможно, от помех), взволнованно пробормотал:

— Да вы хоть знак подайте!.. Вероника! Нажми на курсор!.. Где Максим! Он рядом? Где вы оба? Ответьте!

Максим — это, наверное, хахаль, которому я успешно облегчил ношу. Мне хотелось остаться на пару минут, чтобы послушать, что еще будет бормотать мужской голос, но Генка вдруг громко, вздохнул и выблевал недавний бутерброд с сосиской прямо на кафельный пол. В это же мгновение подземку наполнил дикий рев турбин, и в туннель влетел аэрокатер. Поток сопровождающего воздуха отбросил Веронику в сторону, да и меня самого чуть не сбил с ног. Генка что-то прокричал, но я уже ничего не слышал: уши заложило, как при бомбежке. Недаром при входе в подземку раньше выдавали специальные ушные тампоны. Теперь уже нет, потому что почти никто не ездит.

Стальной обтекающий бок аэрокатера задрожал, выплевывая посадочную лесенку и образуя входную дверь. А затем вновь стало тихо.

Я приподнял голову, осторожно вглядываясь в раскрывшуюся перед нами кабину. Как правило, у аэрокатеров шестиместные кабинки, но с недавних пор сократили до четырех для увеличения скорости. Мне повезло — все кресла были пусты. Вскочив на ноги, я первым делом схватил Генку под мышки и, кашляющего и хрипящего, затащил в кабинку. Генка еще пытался сохранять равновесие, но не удержался и упал на бок, на второе кресло. Девушка лежала недвижимая, но дышала. Отлично, все так и оставим, а теперь пора сматываться.

Если бы не одно «но»...

Возле Максима стояло трое. Три мужика. Скорее всего, они появились пару минут назад, пока я был занят Генкой. Все, как один, в черных пиджаках, с зализанными назад

волосами и мрачными взглядами. Один лениво покручивал в руке металлическую цепь. Второй похрустывал пальцами. Третий не сводил глаз с лежащей девушки.

Местные фортсайдеры — отпрыски богатеньких родителей, ищущие острых ощущений. Не стоит упоминать, что их не всегда безобидные шалости никогда и никем не преследуются. Я без труда представил, что они могут сделать с незащитной Вероникой в подземке. Хотя сейчас сюда приедет милиция. Но что она сможет сделать? И успеет ли?

Была не была! Я резво подхватил Веронику одной рукой (а второй рукой — сумку, не пропадать же добру) и затащил ее в кабинку, затем запрыгнул следом. Высажу где-нибудь по дороге.

Выражение лиц фортсайдеров изменилось, но за нами они уже никак не успевали. Аэрокатер завибрировал всем корпусом. Лесенка плавно скользнула внутрь, вход затянулся, и мы молниеносно понеслись в лабиринт подземки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ощущения полета в аэрокатере нет совсем, хоть он и летит со скоростью, во много раз превышающую скорость любого поезда конца прошлого века. Герметично закупоренные кабинки сохраняют полную иллюзию того, что аэрокатер стоит на месте. Поглощающая звук обшивка еще больше усиливает эффект. И нет ни тряски, ни равномерного покачивания, как в самолетах. Мы просто сидим, и все.

Мой первый полет на аэрокатере совпал с прочитанным на днях рассказом какого-то американского писателя о том, как в недалеком будущем изобрели сверхбыстрые межпланетные корабли, во время полета на которых полагалось спать. Один мальчик решил выяснить, почему нельзя бодрствовать, ведь во время полета можно увидеть столько интересного? И не заснул. В результате с ним произошло нечто настолько страшное, что, залезая с мамой в аэрокатер, я посильнее зажмурил глаза и всю недолгую поездку боялся их открыть. Все родственники во главе с мамой потом жутко забавлялись. Мне же было совершенно не до смеха, и в следующий раз я уже ехал с широко открытыми глазами, потев от страха в ожидании, что сейчас мои зрачки лопнут и... я думаю, понять образы, возникающие в голове тринадцатилетнего подростка, будет не так уж сложно.

В кабинке сидел я один. Генка лежал на двух крайних креслах, полузакрыв глаза, и тихо хрипел, дыша ртом. На полу под ним уже образовалась небольшая кровавая лужица. Я не знал, успею ли довезти его до больницы. Расстояние — минут пятнадцать на аэрокатере, а больница находится как раз около выхода из подземки. Думаю, что если он будет еще жив к тому моменту, как мы доедем, то врачи его вытащат. Медицина сейчас намного лучше, чем лет двадцать назад. За девушку Веронику я ничуть не беспокоился. Полежит, очухается и пойдет искать своего ухажера. В любом случае, она мне еще и спасибо сказать должна за то, что не валяется сейчас на дне посадочного туннеля. Я откинулся в кресле и закрыл глаза. Все-таки немного сумбурным получился сегодняшний день. С утра никак не мог найти в городе свежего хлеба, пришлось ехать до Кооперативного рынка в забитом до отказа трамвае. Затем была не слишком приятная встреча с некоторыми конкурентами в нашем вечернем бизнесе. Пришлось долго удирать по дворикам, ломая тощие деревянные заборы, пугая собак и бабушек. Потом пришел Генка и напомнил о вечернем предприятии. На самом деле у него закончились деньги, и я одолжил ему немного. Затем — нудная распря с Варей, у которой я снимаю квартиру. Стандартный набор «не»: не плачу за квартиру уже третий месяц, не убираюсь (вонь страшная), не уважаю соседей, приводя подозрительные компании посреди ночи, и все остальное в том же духе. А к вечеру все вроде бы успокоилось. Мне удалось даже немного вздремнуть, пока в полночь не пришел Генка. Ну, а на закуску досталось происшествие в подземке. Первый раз за два года наш примитивный план дал трещину и развалился. А ведь последствия могли быть намного хуже...

Аэрокатер еле заметно задрожал, и я понял, что мы остановились. Вход вновь открылся, впуская внутрь холодный воздух, выдвинулся трап, и я увидел станцию подземки.

Почти такую же, с которой улетели мы. Они все похожи. Тот же просторный зал с рядами деревянных скамеек, те же однообразные окошечки касс, лестница на поверхность. Только здесь не горело несколько ламп, и от этого на станции было полутемно и мрачно.

Несколько одиноких пассажиров, не обращая на нас внимания, стали садиться в открывшиеся кабинки. Я подхватил Генку и вышел. Вероника осталась лежать — пускай едет, пока не очнется, а там сама разберется, как ей вернуться.

Генка навалился на меня всем телом и еле передвигал ногами, кашляя и хрипя мне в ухо. Слава богу, что не кровью, но тоже не слишком приятно. По крайней мере, его кровь уже изрядно запахла мою куртку и джинсы. Если он выживет, подумал я, поднимаясь по ступенькам, то надо будет содрать с него мзду за спасение. Кто еще ради него будет так корячиться?

Пол под ногами завибрировал, и через секунду аэрокатер с визгом, воем и грохотом умчался к следующей остановке.

Доктор не стал особо любопытствовать насчет того, где Генка получил такие ранения. Возможно, решил, что лишние проблемы ему не нужны. Я тоже так думал.

Как зовут молодого человека? — безразлично поинтересовался он, наблюдая, как Генку кладут на носилки.

Генк... надий. А фамилии не знаю.

Плохо. Как прикажете его лечить без данных?

Я знаю, где он живет и как найти его сестру, — ответил я.

Носилки, в которых хрипел Генка, подняли два санитара и унесли куда-то из холла.

Тогда пройдемте, я запишу. — Доктор легко развернулся и пошел к концу холла, где уходил в сторону неширокий коридор. Я последовал за ним.

Мы прошли в небольшой кабинет. Уютный, как и у всех докторов, с небольшим диваном в углу и с портретом нынешнего президента на стене. Мода вешать подобные картины уже прошла, но привычка, видимо, у многих сохранилась. Доктор уселся за стол, жестом приглашая сесть и меня. Я был не против.

Ну-с, начнем? Где живет молодой человек и кто его сестра? — На столе перед ним лежала тетрадь; он открыл ее и выжидающе посмотрел на меня.

Я рассказал все, что знал о Елене, и добавил, как ее можно найти.

Ну, конечно, не в это время суток, — улыбнулся доктор. — Если вы не в курсе, сейчас начало четвертого.

Конечно, — согласился я.

За Геннадия не беспокойтесь. Ранения его не слишком серьезные. Стреляющий, я бы сказал, делал это крайне неумело и, видимо, не целился.

Я пожал плечами. Как я мог видеть, целился стрелок или нет, если в то время я пилился на телефонную будку?

Пока мы подержим его на жизнеобеспечении. Как найдем сестру, решим, что делать дальше. Видите ли, здесь существует два варианта: либо лечить быстро, но неважно, либо медленно и отлично. Все решает сам больной. В основном у нас предпочитают лечиться более тщательно. Но это, соответственно, и дороже.

Мне кажется, он выберет первый вариант, — пробормотал я. Еще чересчур заботливого доктора мне не хватало. Вдруг ужасно захотелось спать, и я решил, что пора отчаливать. Да и милиция наверняка крутится где-нибудь поблизости.

Знаете, молодой человек, для него это ранение не так опасно, как кажется. Молодой организм, через пару месяцев он и не вспомнит о двух дырках у себя в теле.

Самому доктору на вид было чуть больше тридцати. Сильно его старила густая борода и толстые очки. А так — довольно молодое лицо.

Что-нибудь еще хотите добавить? — поинтересовался он. — К примеру, кто его доставил, и что нам делать с испорченной одеждой раненого?

Первое не имеет значения, — я постарался улыбнуться как можно раскованней и встал с кресла, — а одежду я бы посоветовал выбросить. На кой она ему с дырками?

Доктор тоже поднялся.

Иногда мне даже нравится вот так управлять жизнью и смертью людей, — неожиданно произнес он, — ощущать, что только от тебя зависит, каков будет их следующий день. Очень необычные ощущения! — и он широко улыбнулся.

Еще один ненормальный! Что-то их сегодня ко мне просто как магнитом притягивает.

Постарайтесь, чтобы для моего друга завтра наступило как можно быстрее, — ответил я.

Завтра уже наступило!

Мы вышли из кабинета, и я, не оборачиваясь, заторопился к выходу. Единственное, что я сейчас хотел, так это быстрее добраться до квартиры, миновать очередного разговора с Варей и хорошенько поспать часиков эдак восемь — десять. Сумку еще надобно обшарить, может, найдется что-нибудь интересное. Как информатор в кармане у Виктории, например. Но это — завтра. Вернее, сегодня, но попозже. Скорее всего, вечером. Как проснусь.

Тихая и темная улица. Ни одного прохожего. Все спокойно. Я пересек дорогу и стал спускаться в подземку. Здесь уютнее. А если успею на следующий аэрокатер, то уже через полчаса буду дома. Сразу усну, думаю. Даже сегодняшнее происшествие с Генкой не сможет мне помешать быстро уснуть. Я чересчур сильно устал за последние сорок с лишним минут. Необходимо было передохнуть...

Неосвещенный зал подземки не скрыл от меня трех ожидающих пассажиров. Один сидел на скамейке и перелистывал газету — толстенький коротышка в шляпе с широкими полями, какие не носят уже лет пятнадцать. Второй, плотный мужичок с густой шевелюрой а-ля афро, с задумчивым видом рылся в карманах около кассы. Нетерпеливая кассирша ловко орудовала пилочкой для ногтей, о чем-то переговариваясь с невидимой мне соседкой.

Третьей была Вероника. Я сразу узнал ее, хотя разводов от туши на щеках уже не было, а волосы аккуратно собраны в пучок на затылке. Девушка, увидев меня, привстала, но вновь села, не сводя с меня глаз. Что-то в ее взгляде мне не понравилось. Неужели эта чокнутая сейчас скажет мне спасибо за свою жизнь? Верилось с трудом.

Вероника, если не ошибаюсь? — Я присел рядом с ней на скамейку, невозмутимо выдерживая ее взгляд.

Услышав свое имя, девушка вздрогнула и отвела глаза в сторону.

Откуда вы узнали? — все тот же тихий, подрагивающий голос.

Информатор у тебя в кармане заговорил, — ответил я, — уже после того, как ты...

Зря вы меня вытащили, — прошептала она.

Я обомлел. Вместо слов благодарности услышать такое?! Нет, она сумасшедшая на все сто процентов!

Зря? Ты думаешь, что, покончив жизнь самоубийством, ты бы сделала счастливым своего ухажера? Как его там... Максима?

Она открыла было рот, удивленно вперившись в меня взглядом. Наверное, хотела спросить, откуда я знаю его имя, но вовремя сообразила сама.

А как же твоя семья? Думаю, она у тебя есть, если ты можешь позволить себе носить информатор.

Никого у меня нет. И вообще, это не ваше дело, хочу я жить или нет! — Несмотря на то, что Вероника шептала, еле заметно шевеля губами, мне показалось, что сейчас она кричит во все горло. — Или вам мало кошелька и сумки? Погеройствоваться захотелось?

Вовсе нет. — Я замялся, потому что и вправду не знал, зачем я оттащил ее от пропасти. А вот Вероника специально ждала меня, чтобы это выяснить. Что мне ей сказать? — Ты думаешь, мне надо было стоять и спокойно смотреть, как ты разбиваешься насмерть о дно туннеля?

Девушка неожиданно резко поднялась, беря меня под локоть. Я вынужден был тоже встать.

Послушайте, нам надо поговорить в более безопасном месте. — Вероника затравленно огляделась, словно в любое мгновение ожидала нападения инопланетных монстров. Вокруг

никаких маньяков-убийц не наблюдалось. Разве что только толстячок мог хранить в шляпе полкило взрывчатки. — Поверите ли вы мне или нет, это ваше дело. Мое дело предупредить вас.

С чего бы это?

Услуга за услугу. Вы спасли жизнь мне, а я спасаю вашу.

Что за переменчивая натура. Не она ли минуту назад прокляла меня за то, что я вытащил её?

И как же ты собираешься это делать?

Вероника решительно направилась к туалету, ведя меня за локоть. Я не сопротивлялся. Хотя я сильно устал, происходящее меня забавляло. Хотелось посмотреть, что будет дальше. На секунду застыв перед дверьми, Вероника выбрала женский туалет и направилась внутрь.

Ты серьезно хочешь затащить меня туда? — поинтересовался я, следуя за ней.

В туалете, слава богу, никого не было. Только убедившись, что все кабинки пусты, Вероника отпустила мой локоть и отошла к раковинам. Встала лицом к зеркалу, облокотившись на умывальник. Я оперся о стену, скрестив руки. Интересно, что она сделает дальше?

Как вас зовут? — спросила она нормальным голосом. Куда подевался ее милый шепоток?

Виталик. Думаешь, что это повод для знакомства?

Мы знакомы с того самого момента, как вы ударили Максима дубинкой. — Немного обвиняющее выражение, но я и не против, — Вы знаете, Виталий, что он уже мертв?

Я пожал плечами:

С чего ты взяла?

Я знаю это. Скажите, когда вы садились в аэрокатер, около него был кто-нибудь?

Так ты видела? — Неожданная мысль вспыхнула в голове. — Так ты вовсе не теряла сознания? Просто притворилась, чтобы...

А для чего, собственно? У меня было одно предположение — Вероника все-таки не в своем уме. Другого и быть не могло.

Почему ты решила, что фортсайдеры убьют твоего ухажера?

Он не мой ухажер. Он мой напарник. Вы все равно не поймете.

Я не такой глупый, как, может быть, кажусь. И перестань называть меня на «вы», мы почти одногодки.

Вероника хмыкнула и посмотрела в зеркало.

Если я говорю, что Макс мертв, то так оно и есть, поверь мне, Виталий. И это были никакие не фортсайдеры.

Почему я должен верить несостоявшейся самоубийце, которая затащила меня в женский туалет и несет какую-то чушь?

Действительно, зачем? — Казалось, Вероника спрашивает у своего отражения в зеркале. — Наверное, я действительно сумасшедшая, Виталий, потому что в один момент мне стало тебя жаль. Когда мы летели в аэрокатере, я думала просто не открывать глаз и добраться до следующей остановки, а потом выйти. Но передумала.

Почему?

Сама удивляюсь. Наверное, потому, что ты каким-то чудом все еще жив.

Я не стал интересоваться, с чего она взяла, что я должен умереть. Вероника глубоко вздохнула, посмотрев на меня своими удивительно глубокими глазами. Как и час назад, мне показалось, что она сильно чего-то боится. Может, и вправду ей и мне угрожает опасность? Но какая? Все вокруг вертится слишком быстро, чтобы я успевал что-либо понимать.

Я не преувеличу, если скажу, что те, кому ты перебежал дорожку, спасая меня, не остановятся ни перед чем, чтобы убить тебя!

Что?!!

Вот вам и чокнутая девушка! Дальше она скажет, что я, оказывается, попал в

федеральный розыск. А она не кто иная, как Мата Хари в современном варианте. В самый раз пожалеть, что я вообще дотронулся до нее там, в подземке.

— Ты можешь повторить чушь, которую несешь?

Это не чушь, Виталий. Когда ты, наконец, поймешь, что я говорю правду? Ты нарушил одно из правил Игры, и за это тебя выведут из нее.

Какая, к черту, Игра? О чем ты говоришь? Мы сидели в подземке и ждали подходящую жертву. Такого вот растяпу, как твой Максим. Когда вы появились, мы с Генкой всего-то хотели отобрать у вас сумку и кошелек. Мы ведь тоже должны на что-то жить, верно? А дальше, заметь, не Генка стал стрелять и все испортил, а именно твой ухажер! Если бы он не вытащил пушку, то мы бы оставили вас спокойно дожидаться аэрокатера и ушли.

В том-то все и дело, что вы отобрали у нас не только сумку и кошелек, а совсем иное! Время! — выпалила Вероника, подходя ко мне почти вплотную. Страх из ее глаз куда-то испарился, теперь его место заполнила злоба. — В тот момент нас уже обнаружили и искали по всей подземке. Если бы мы не задержались, то вовремя бы сели в аэрокатер и улетели. Оба! Понимаешь, когда твой друг неожиданно ударил Максима, тот решил, что нас, наконец, настигли, и не слишком размышлял, что ему делать! Он не различает сумеречных, но в этом я его не виню. Он просто почувствовал опасность! И даже в то время мы еще не опаздывали! Только когда твой друг упал, мы поняли, что ошиблись, и Максим побежал к тебе, чтобы сообщить, что подстрелил грабителя. И только когда вмешался ты, все пошло наперекосяк!

Значит, во всем виноват я один?!

Не только! — сказала Вероника. — Я не могу объяснить всего. Скажу только, что у тебя, Виталий, есть сейчас всего два пути — либо ехать со мной, либо умереть.

Заманчивость альтернативы заключается в том, что у меня просто нет выбора. И куда я должен с тобой ехать? — задумчиво пробормотал я. Тут было над чем подумать. Странно, но в этот момент мне уже не казалось, что Вероника сумасшедшая или же что она просто врет.

Уж больно отчаянно она рассказывала. А в то, что говорит правду, — тоже не верилось: нелепая боязнь, что меня убьют, какая-то Игра, правила которой я нарушил. Немного может поехать крыша.

На раздумья у тебя нет времени, — сказала Вероника. — Есть курить?

Я вытащил из кармана пачку «Примы». Она оказалась заляпана Генкиной кровью и промокла насквозь, смешав табак с бумагой в однородную бурую массу. Вероника как-то устало хмыкнула:

Грабитель хренов. Нет даже нормального курева.

Если встречаешь таких вот клиентов, как вы, то не стоит и жаловаться, — ответил я. — Куда все-таки ты собираешься меня отвезти?

Вероника молча улыбнулась, облокотилась о край раковины, и некоторое время мы внимательно смотрели друг на друга. Кто кого пересмотрит. Победил я. Спустя несколько минут она отвела свои большие глаза:

К человеку, который сможет все объяснить и, по возможности, поможет тебе выжить. Он знает, как это делается.

Так, значит, я не первый?

К сожалению, да. До тебя, Виталий, в правила вмешивались уже семнадцать человек. Лишь один успел уехать из города, прежде чем его поймали... Ну, так ты решил?

А у меня есть выбор?

Иногда смерть предлагает более выгодные условия!

Но я не самоубийца! — После того что она сейчас сказала, я немного засомневался в этом. Очень трудно было поверить, что в данный момент меня уже ищут, чтобы не просто поймать — уничтожить. И почему, спрашивается? Потому что я нарушил какие-то правила, которых отродясь не знал. И дернул меня черт идти сегодня в подземку! — Тот человек, к которому мы поедem... он объяснит наконец, что это за Игра и какие такие правила я нарушил, что меня теперь все так и рвутся убить?

Вероника промолчала. Несколько секунд я ждал, что она скажет хоть что-нибудь.

Ты чокнутая, — уверенно сказал я. — Я поеду с тобой только для того, чтобы ты снова не попыталась откуда-нибудь спрыгнуть.

Постараюсь, — ответила Вероника и вновь улыбнулась.

Ее большие серые глаза вкупе с улыбкой мне определенно нравились...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Всего несколько часов назад я был твердо уверен, что только в темноте и в тишине можно чувствовать себя безопасно. Никто не видит тебя, но зато ты слышишь любого, кто пытается подойти. Теперь мне так не казалось. Вероника определенно умела гипнотизировать людей своими разговорами, какую бы чушь она ни несла. Я поверил ей, но лишь наполовину. И хотя всю дорогу до машины убеждал себя, что, возможно, сказанное Вероникой об охоте на меня лишь красочное вранье, меня не! оставляло ощущение, что за нами непрерывно кто-то наблюдает.

Переходя пустынную дорогу, я бросал взгляды на темные телефонные кабинки, вглядываясь в окна машин и домов, выискивал глазами что-то в переулках. Вероника, шедшая немного впереди, вела себя еще напряженнее. Постоянно останавливалась, оглядываясь по сторонам, и вид у нее был такой, словно она могла в любой момент броситься бежать. Я ей верил. Почему-то нервы у меня были на пределе. Даже мысль о том, что под курткой спрятана электрическая дубинка, не сильно согревала. Мне показалось даже, что дорогу мы переходили минут десять, хотя на самом деле это не заняло и нескольких секунд.

А еще в голове постоянно вертелась глупая мысль о том, что я уже восемнадцатый! Что лишь один из предыдущих, нарушивших правила (что за чушь, в которую я так неожиданно поверил?), успел уехать из города перед тем, как его поймали. Кто поймал? Зачем поймал? Что с ним стало? Вероника не говорила, что их просто убили, она лишь сказала, что могут убить меня. Нов любом случае она не могла все это так связно придумать. Не могла вот так правдоподобно притворяться испуганной, не могла плакать, в конце концов, если бы ее рассказ о смерти Максима был враньем. Она говорила правду. Пускай и чересчур непонятную, а возможно, и приукрашенную. Похоже, что она действительно опасалась за мою жизнь.

Ее автомобиль стоял в нескольких кварталах от подземки в небольшом переулке, освещенном лишь лампой над одним из подъездов. «Ландовер», стального цвета с переливающимися фарами и пластиковым бампером. Девушка определенно знала толк в хороших машинах. А подойдя ближе, я заметил, что из-под крыла заднего колеса торчит турбоускоритель. С такой штучкой это уже не машина — самолет!

После информатора меня можно было удивить только этим, — пробормотал я.

Вероника повернулась, вопросительно изогнув бровь.

Сразу видно, что ты девушка не из бедных.

Если ты доживешь до того, как я привезу тебя к Василию, то вообще перестанешь удивляться!

Он что, миллиардер?

Вероника оставила вопрос без ответа и, распахнув дверцу, жестом пригласила меня залезать. Что я и сделал.

В салоне я просто онемел. Такой красоты мне не приходилось видеть уже очень давно. Стенки и крыша обиты каким-то неизвестным упругим материалом бордового цвета, сзади мягко светит неоновая лампа, разбавляя бордовый до цвета утренней зари. Кресла упругие, не дающие провалиться, но тем не менее чувствуешь себя более чем удобно. А наличие «трехсидишного» магнитофона и громоздких колонок говорило опять же о далеко не безденежности Вероники. Неужели я попал в лапы к сумасшедшим богачам?

Заметив, как я алчно разглядываю стопку компакт-дисков, Вероника сказала:

Если нравятся, можешь взять. Я все равно их не слушаю, а Максиму они теперь уже не

нужны.

У меня нет оборудования для прослушивания, — ответил я.

Если бы у тебя был хоть месяц в запасе, то я бы посоветовала тебе найти нормальную работу и заработать на хороший магнитофон. — Вероника села за руль и захлопнула дверцу, отрезая от нас звуки внешнего мира. Чуть затемненные окна делали вид на улице еще более мрачным. — Но в любом случае месяца у тебя нет.

А сколько у меня есть? — осторожно поинтересовался я.

Два или три дня, не больше. В зависимости от того, как скоро тебя начнут искать. — Мотор завелся неслышно. Вероника ловко вырулила на пустую дорогу и повела машину в сторону центра. — Думаю, что они уже начали. С нарушением правил у них очень строго. Особенно, если это касается не играющих!

В каком смысле?

В том, что я, к примеру, участница Игры, а ты нет. Меня за нарушение правил могут попросту дисквалифицировать на несколько лет, а вот тебя, как я уже говорила, убьют. Чтобы не мешал в следующий раз.

Объясни подробнее.

Мы свернули на перекрестке и помчались по какой-то пустынной улице, сгоняя с дороги зазевавшихся кошек и собак.

Подробнее тебе объяснит Вася.

Тот самый миллиардер?

Он не любит, когда его так называют, потому что считает себя не намного богаче других. Он вообще немного скромный. Ты и сам увидишь.

Я откинулся на сиденье и молча стал созерцать пронесившуюся мимо темную, пустынную улицу. В голове мелькнула мысль: а ведь сел в машину к совершенно незнакомой девушке, которая везет меня неизвестно к кому и зачем. Все рассказанное ею, конечно, могло быть правдой, но я все еще сомневался. Кто докажет, что меня не пытаются вовлечь в секту или не похищают таким вот оригинальным способом? Хотя последнее можно было довольно легко проверить.

Если мы на минутку заедем ко мне домой, ничего не произойдет?

Вероника пожала плечами:

Что-то забыл?

Можно сказать и так. — Впереди замаячил знакомый перекресток. — Сверни здесь, если не затруднит.

Вероника молча свернула, и мы выехали на Красную.

Если я правильно понял все тобой сказанное, то свой дом мне больше увидеть не придется?

Правильно. Я бы даже сказала, что тебе придется уехать и из города, и его ты тоже, возможно, больше никогда не увидишь.

Возле Кооперативного рынка я осторожно попросил свернуть, и Вероника подчинилась. Мы выехали на Октябрьскую, после чего оставалось проехать всего три квартала, чтобы очутиться около своего дома.

Почему ты не спрашиваешь, зачем мне заезжать домой?

А я должна была спросить? — Всего один короткий взгляд в мою сторону. Немного настороженный. Может, она опасается, что я убегу? Или наоборот, что я не успею убежать вовремя? От кого-нибудь. От тех, кто! ищет меня за то, что я нарушил правила Игры.

Ты думаешь, что они могут поджидать меня дома?

Вполне. По крайней мере, им ничего не мешает это сделать. Разве что время. Я успела к тебе раньше них, я тебе все рассказала, по крайней мере, все, что могла рассказать, и теперь пытаюсь вытащить тебя, пока еще не слишком поздно. А у них только твое досье и задание найти тебя и уничтожить.

Прямо как в старых боевиках с глупыми сценариями.

В жизни все еще глупее, чем кажется, — ответила Вероника.

Мы выехали на площадь и отсюда я смог разглядеть свою многоэтажку.

— Вон туда, ко второму подъезду, — объяснил я. Вероника вырулила и встала аккуратно между двумя автомобилями на стоянке близ дома.

Только недолго. Я жду тебя только пятнадцать— двадцать минут, а потом иду за тобой. Ты в какой квартире живешь?

В сто сорок седьмой, на четвертом этаже. Правда, не думаю, что задержусь. Мне взять всего-то документы и кое-что из одежды. Ты же говоришь, что предстоит дол-гое путешествие.

Вероника?

Я вздрогнул и резко обернулся. Вероятно, колонки у нее в автомобиле были подключены к информатору.

Вероника, это Вася, что у вас там произошло?

Василий, Максима, кажется, вывели из игры. — Вероника говорила куда-то в пустоту, но ее явно слышали на другом конце линии.

Не совсем так, Вероника. На данный момент у него пат, но он все еще жив. Звонил мне минут двадцать назад. Говорит, что какие-то ослы помешали вам вовремя уехать.

Верно. Два грабителя решили поживиться его сумкой и кошельком.

Ну и?..

Одного Максим подстрелил, а второй сейчас рядом со мной...

Последовало затяжное молчание. Затем Василий поинтересовался:

Это он вытащил тебя из подземки? — Он.

Василий глубоко вздохнул:

Ты в курсе, что за ним скорее всего уже начали охоту?

Конечно. Он и сам об этом уже знает.

И куда же вы направляетесь?

К тебе.

Ко мне?! И зачем? Чтобы опять посмотреть, как его выводят из Игры? Нет уж, хватит с меня предыдущих смертей. Не забывай, Вероника, что по правилам мы не имеем права прятать его от Исправителей.

Я надеюсь, Василий, что мы успеем раньше них. Надо ему все рассказать и объяснить, а потом Виталий сам решит, что ему делать.

Виталий, значит... Он слышит сейчас меня?

Слышит, — ответил я, прежде чем Вероника успела открыть рот.

Так вот, слушай, Виталя. Ты и не представляешь, во что влип, когда вытащил Веронику из подземки. Помочь тебе уже не сможет никто. Даже, вероятно, и ты сам. У тебя сейчас в запасе от силы два дня. Послушай меня, проведи это время, как хочешь и с кем хочешь. Пей, развлекайся, ограбь какой-нибудь магазин, хоть фокусы показывай в подземном переходе. Только ни в коем случае не вздумай приезжать ко мне. Я не откажусь тебя принять, конечно, если ты надумаешь, но предупреждаю сразу, что когда тебя будут уничтожать на моих глазах, я и пальцем не пошевелю, чтобы тебе помочь. Нас и так мало, а моя жизнь мне дорога.

Хорошая речь, — отозвался я, — но все-таки хоте: лось бы перед смертью поконкретнее узнать, для чего умираю. Гордость, знаешь ли.

В том-то все и дело, что смерть твоя бессмысленна и поэтому видеть ее я не хочу.

Я посмотрел на Веронику. Она с безразличным видом слушала наш разговор, уткнувшись взглядом в зеркальце заднего вида. Видимо, среди них двоих именно Василий принимал решения.

Тогда ответь мне, Василий, для чего твоя подруга так настойчиво уговаривала меня поехать с ней к тебе

Она родилась в эпоху романтизма и ничто не сможет сломать ее понятия о смерти человека, о чувстве долга и о всякой подобной чепухе. Правильно я говорю, Вероника?

Я была о тебе лучшего мнения, — ответила она.

Просто мне уже порядком надоело, что ты все время таскаешь ко мне глупых смертных, нарушивших правила, и просишь, чтобы я их спас. А я не могу их спасать Хочу — может быть. Но не могу. Не в моей власти подобные вещи. Спасти их может только сам Создатель... — всё это Василий буквально выкрикнул, заполнив своим не много подростковым голосом весь салон автомобиля Когда он замолчал, мне вдруг показалось, что я на секунду оглох. — Решение за тобой, Виталий, — спокойным голосом произнес он спустя некоторое время, — если надумаешь приехать, я расскажу тебе все, но на мою помощь не надейся ни в коем случае. Если решишь убежать или просто уйти, то тебя никто не держит.

Я не понимаю ничего! — ответил я. — Вы все ворвались в мою жизнь всего несколько часов назад и вовсю долдоните, что я скоро умру. Но никто не объясняет, почему и из-за чего. Мне надоело вот так ничего не знать... Я приеду к тебе, и ты мне все расскажешь!

Василий вновь вздохнул. Как-то устало, словно все это ему приходилось слышать уже не один раз.

Решение твое. Вероника, я жду вас в течение часа. Потом пеняйте на себя. — И он замолчал.

Вероника оторвала взгляд от зеркала и повернулась ко мне:

Ты уж извини, но он в последнее время то и дело попадает в различные передраги и немного на нервах. А на самом деле Василий неплохой парень.

«Лапочка», я бы сказал. Почему он назвал меня смертным?

Узнаешь, — коротко бросила Вероника, и я понял, что разговор отложен на неопределенный срок. — Виталий, ты, кажется, хотел что-то взять из дома. Василий ждет всего час.

А потом?

Потом не ждет. Его очень трудно застать на месте, особенно в последние несколько недель. Он может уйти, и тогда мы будем искать его твои последние дни.

Тогда постараюсь поторопиться. — Я распахнул дверцу и неторопливым шагом направился к подъезду.

Вокруг все та же тишина. Серое небо, казалось, напряглось в ожидании, когда его разорвут наконец первые лучи солнца, и недвижимые облака молча и угрюмо провожали меня взглядом, нависая над самой головой.

Только теперь мне уже не было так спокойно, как раньше. Почему-то темнота для меня перестала быть лучшим другом и превратилась в хитрого оборотня, готового показать свои зубы в любой момент. Я вдруг вспомнил, что в подъезде не горит ни одна лампочка, и это могло быть прекрасным поводом затаиться кому-нибудь где-нибудь в ожидании, когда я открою входную дверь. Чтобы убить. Исключить из мира живых. А за что?

Вот это и был главный вопрос, который не давал мне покоя. Можно было бы просто плюнуть и на Веронику и на ее странного друга Васю, и на весь тот бред, которым меня «грузили» почти всю ночь. Я мог бы просто запереться у себя в квартире и посылать всех кое-куда, а то и позвонить в милицию, чтобы странную девушку в «Ландовере» упекли на пару суток. А самому все забыть и продолжать жить дальше, спокойно выслушивая крики Вари, пьяные разговоры Эдуарда Викторовича о нашей никчемной жизни в никчемной стране, поворовывать, чтобы не умереть с голоду и не оказаться на улице, и никогда не думать о завтрашнем дне.

Зачем, когда и так есть то, что нужно, — свобода. Только ее одну я никому и никогда не отдам.

Но мне мешал уйти вопрос — за что? И главное — когда? Не верить целиком во все рассказанное я не мог, но и поверить полностью тоже. Странно все это, что ни говори. Василий и Вероника разговаривали так, словно они в каком-то смысле боги, а я простой человек, да к тому же еще и смертен, приговоренный к уничтожению. Словно они и вправду играли в какую-то игру, правила которой мне не понять. Но я все-таки постараюсь

попробовать. Если и вправду меня ожидает смерть, то мне не хотелось умирать, не зная абсолютно ничего.

Зайдя в подъезд, я на мгновение остановился, затаив дыхание и прислушиваясь. Вроде никого, но никогда нельзя сказать наверняка.

Я сделал несколько шагов и, перепрыгивая через три ступеньки, взлетел на четвертый этаж. В кромешной темноте вновь замер.

Тишина.

Как же Вероника умудрилась меня напугать! Сам поражаюсь! Вынул из кармана связку ключей и, стараясь не бряцать ими, долго на ощупь выискивал нужный ключ. Когда нашел, еще Минуты две шарил по двери ладонью, определяя, где ручка, а где замочная скважина. В куртке у меня лежала зажигалка, но вынимать ее я не стал.

Щелкнул замок, и дверь, поддавшись моему напору, со скрипом приоткрылась. Я проскользнул внутрь, неслышно закрыв ее за собой.

Теперь надо было решить, стоит ли включать свет или нет.

Наверное, все-таки придется. Я абсолютно не помнил, куда положил паспорт и кошелек с остатками денег. Возможно, второе и не пригодится, если учитывать, что у Вероники с Васей проблем с деньгами нет никаких, но взять возьму. На всякий пожарный. Свет включу в комнате всего на пару минут, возьму то, что надо, и сразу выключу. Никто и не заметит... Если только кто-нибудь специально не наблюдает за моими окнами.

Яркий свет лампы на секунду ослепил меня, но зато я сразу увидел кошелек на тумбочке и засунул его в задний карман джинсов. Я зашел в комнату. Документы лежали на книжной полке, между Рэем Брэдбери и Стругацкими. Еще в прыщавом подростковом возрасте я накопил всю это, а теперь все никак не доходят руки, чтобы выбросить. Может, правда, отдаю дань уважения безоблачному детству и подсознательно не выкидываю ничего, что с ним связано. Вот, к примеру, до сих пор храню в шкафу старые коньки. Мне довелось прокатиться на них всего раза три, прежде чем одно из лезвий не треснуло ровно пополам, опрокинув меня на лед, следствием чего стала сломанная рука и полтора месяца вынужденных каникул. Спрашивается — зачем они мне? Я не знаю, но все равно не выкидываю. На старом скрипящем диване с выпирающими пружинами я сплю с четырнадцати лет. Думаю, в один прекрасный день диван сдастся и уйдет из мира сего, попросту рассыпавшись в труху. Я мог купить новый несколько лет назад, но что-то меня сдержало. Наверное, все те же воспоминания... Без них мне никуда.

Итак, вроде бы все. Что-то я еще хотел взять, но забыл... Кое-что из одежды, наверное. Что-нибудь легкое! Футболку, к примеру.

Я подошел к шкафу и, распахнув его, критически осмотрел то, что находилось внутри. Ни джинсов, ни футболки не было. Только старая куртка с меховым дырявым воротником, ватные штаны и пара ботинок в углу. Значит, джинсы с футболкой в стиралке. Что ж, придется обойтись без них. Постояв несколько секунд, раздумывая, что бы еще взять, я все же решил, что больше ничей не нужно и направился к выходу. Вероника уже наверняка вся изнервничалась и сейчас начнет меня упрекать в том, что мы теряем время, а нас уже ищут, и все в тон же пессимистичном духе. Ищут, так пускай ищут. А мы к тому времени, как они (кто бы они ни были) найду мою квартиру, уже смоемся отсюда к этому ее Василию..

Мне показалось или действительно в дверь кто-то тихо заскребся?

Я замер на полушаге с протянутой к выключателю рукой. Прислушался.

Крэ-кх, крэ-кх, крэ-кх.

Похоже было, что кто-то осторожно пережевывает чипсы, но это было не так. Кто-то скребся в мою дверь. Когтями? Возможно.

После тех бак, которыми накормила меня Вероника, я мог ожидать чего угодно.

«Слишком рано я расслабился, — подумалось мне, — все же надо было брать вещи и быстро сматываться, вместо того чтобы выбирать еще и одежду. А свет зачем врубал, идиот?»

Крэ-кх... крэ-кх...

Черт!

Только когда входная дверь тонко заскрипела, приоткрываясь, я сообразил, что уже несколько секунд стою посреди комнаты и совершений ничего не предпринимаю.

Но что делать-то? Не прыгать же с четвертого этажа прямо в машину? Это не ковбойский фильм, а я совсем не Клинт Иствуд. Под стол не спрячешься, тем более, он без скатерти... Что остается?

Совершенно не соображая, что делаю, я тихо отступил к двери, ведущей на кухню. Из головы вылетели все здравые мысли, кроме одной — в холодильнике пусто.

Ну так и что?

А вот что! Я развернулся и, залетев на кухню, распахнул холодильник. Действительно пустой!

Я при желании могу поместиться в нем, свернувшись, правда, в три погибели.

Решетчатые перегородки были быстро, но аккуратно положены под стол. Я выдернул шнур и залез внутрь. С кряхтением. Коленки тотчас уткнулись в подбородок, а твердый уголок кошелька уперся в зад. Приятного мало, но что делать? Жить хочется, как известно, всем...

Ну и напугала же Вероника! А вдруг мне все это показалось? Сижу сейчас, как болван, в собственном холодильнике, а ветер спокойно поскрипывает незахлопнутой дверью.

Но стоп.

Я прислушался... Кто-то действительно вошел в комнату. Что-то едва слышно зацокало по линолеуму. Женщина на каблуках? Может, это Вероника пришла проверить, все ли в порядке? Но тогда бы она позвала меня по имени.

А тут кто-то крался. Медленно переставлял ноги, боялся, что его услышат.

Скрипнула дверь на кухню, и я вздрогнул. Вдруг показалось, что страх, словно непереваренная пища, когда тебя сильно укачивает, уже добрался до самого горла. Вот сейчас они откроют дверь своими когтями, которыми скреблись, и я увижу их. Огромных, отвратительных монстров с тонкими лапами и медвежьей головой. Паси их искривится в ухмылке, обнажая острый ряд клыков глаза загорятся бешеным огнем. И они разорвут меня я кусочки в один момент. И я захлебнусь в потоке боли, не в силах не то чтобы закричать — застонать, и последнее что увижу, будут красные огоньки их глаз... Господи, это мои зубы так звонко клацнули друг о дружку?.

Нет, кто-то прочесывал кухню. Цокал по линолеуму; то отдаляясь от холодильника, то вновь приближаясь нему. Я замер, вдыхая воздух маленькими порциями выдыхая через нос. Стук моего сердца, казалось, наполнил все пространство холодильника. Странно, как ищущий не слышит этого стука?

Цоканье на секунду прекратилось, и до меня донеслось тихое, равномерное рычание. Собака, что ли? Ки то ищет меня вместе с собакой? Тогда понятно, что цокало по полу. Это действительно когти, собачьи.

Но мне было все равно, кто собирается меня загрызть. Собака ли, медведь или оборотень. Главное, чтобы он меня не нашли и убрались восвояси да побыстрей.

Рычание прекратилось, и собака зацокала прочь из кухни. Через секунду я расслышал, как она цокает по линолеуму комнаты. Выискивает. Меня.

Но почему не слышно топота ботинок? Разве собака одна может искать человека?

А вдруг? Я же смертный, а они — совсем нет. Если таким образом перефразировать слова Василия, то думается, что они (как их там Вероника называла, «Исправители»?) могут быть кем угодно. Вот это, что называется, влип.

Я чуть подался вперед, прислонив ухо к дверце холодильника, затаил дыхание и прислушался.

Мне показалось, что входная дверь вновь скрипнула. Цоканья слышно не было.

Затаились? Ждут?

А может, перерыли все и ушли, решив, что опоздали.

Вот, блин! Как узнать? Не сидеть же в холодильнике до тех пор, пока не придут из психиатрической больницы и не заберут меня. Варя, увидев распахнутую дверь, горящий свет, ясное дело, решит, что тут что-то неладно. Вероятно, что я тронулся умом. Она, насколько мне известно, именно такого мнения обо мне и держит меня в квартире непонятно из-за чего. Но не из сострадания, это точно. А когда меня обнаружат в холодильнике с трясущимися от страха зубами, то мне прямая дорога на койку между Наполеоном Бонапартом и Владимиром Ильичом. И ведь не поверит никто, если я начну нести тот же бред, что и Вероника...

Что делать? Что же делать?! Что, черт вас всех возьми, делать-то?!!

Из комнаты не доносилось ни звука. Ушли все-таки? Да, наверняка ушли. Зачем им сидеть и ждать меня в пустой квартире, если они знают, что я могу скрываться у Васи?

А с чего ты взял, что знают?

Действительно, с чего? Ну а вдруг? Какой им резон сидеть у меня. Думаю, они все же понимают, что я могу и не прийти. Ушел, допустим... к Генке?!

Точно! Они, не застав меня в квартире, решили, что я остался ночевать у Генки и пошли к нему. Вероника же говорила, что у них есть мое досье. Значит, о Генке-то они не могут не знать. Я даже улыбнулся, так легко пришло решение. Моему напуганному сознанию нужен был хоть какой-то повод, чтобы выбраться из этого холодильника и поскорей залезть в машину к Веронике. Почему-то я был твердо убежден, что именно она сможет защитить меня от Исправителей и их псов. Или кого-то, кто цокает по линолеуму когтями, рычит и вынюхивает меня

Посидев еще с минуту, напряженно вслушиваясь в тишину, я все же решился.

Дверца холодильника распахнулась резко и бесшумно. Хоть это радует. Свет из комнаты освещал небольшой квадрат кухни, кусок стола и раковину.

Вроде бы тихо. Я осторожно поставил левую ногу на пол, коленная чашечка тихонько хрустнула.

Отлично. Теперь вторую ногу. Разгибаясь, я не сводил глаз с освещенного квадрата кухни.

Наверняка, я увижу тень, если кто-то попытается пройти сюда. Но из комнаты по-прежнему не доносилось ни звука.

Выпрямившись, я сделал несколько осторожных шагов в сторону двери. Теперь нужно миновать комнату по коридору, добраться до входной двери и бай-бай, таинственный зверь.

Если только он не поджидает меня на улице. Но там ведь Вероника, она не даст меня в обиду.

Странно, но, подумав о том, что та самая девушка, которую я спас от самоубийства несколько часов назад, та маленькая хрупкая Вероника сможет спасти меня от Зверя, я вдруг совершенно успокоился. Даже, забыв об осторожности, громко затопал, ускоряя шаг.

Вот и комната, надо бы выключить свет, зачем электричество просто так расходовать?

Моя рука потянулась к выключателю, а я сам между тем еще раз осмотрел комнату. Вдруг найду еще что-нибудь полезное?

Рука замерла, так и не дотянувшись до выключателя.

Я увидел их!

Две огромные немецкие овчарки темно-коричневой окраски лежали на диване. Мордами друг к другу, сложив лапы крест-накрест. Хорошо сложены, под гладкой шерстью отлично проглядываются бугорки мускулов. Лениво и с некоторым любопытством они рассматривали меня.

Несколько довольно длинных секунд мы в полной тишине рассматривали друг друга.

«А где же хозяин? — почему-то подумал я. — Ведь должен же быть у них хозяин! Не могут ведь собаки сами знать, за кем им надо охотиться!»

Одна из овчарок зевнула, широко распахнув клыкастую пасть, и поднялась на лапы. Вторая тоже. Сделали они это столь неторопливо, словно были точно уверены, что мне теперь никуда от них не деться.

Лишь когда они одновременно грациозно спрыгнули на пол (цок-цок, это действительно были их когти!), я осознал, что меня сейчас убьют!

Я резко развернулся и бросился к двери. Выскочил на лестничную площадку и буквально скатился по ступенькам на один этаж ниже, краем глаза заметив, как из приоткрытой двери напротив высовывается заспанная физиономия Вари. Снова это ее вечное сверхлюбопытство!

— Что у тебя опять? — сонно проскрежетала она. Я не видел ее, потому что пулей летел вниз, перепрыгивая, казалось, через сто ступенек разом. Сердце в груди колотилось так сильно, словно жизнь в моей грудной клетке его совершенно не устраивала.

— Что за псы? Откуда они у тебя, Виталий? — слабо донеслось до меня. Но я не осознал того, что раздалось вслед за этим вопросом, мои мысли сейчас были только об одном — еще один лестничный пролет, и я на улице!

37

А сверху донесся короткий визг, рычание и звук, словно кто-то разорвал зубами кусок сырого мяса. Варя помешала им выполнять задание. Вари не стало. Только немного позже я понял, что ее убили, в тот самый момент, когда увидел дверь в подъезд, ногой распахнул её и ринулся в сторону «Ландовера».

Быстрее! Теперь только успеть заскочить, захлопнуть! дверь, отрезая звуки улицы, и уехать! Как можно скорее и как можно дальше!

Но почему я не мог разглядеть Вероникин силуэт, хотя кабина хорошо освещалась лучами выходящего из-за крыш домов солнца? Да потому, что ее там не было! Я разглядел, что «Ландовер» пуст, подбежав почти вплотную! Где она? Куда ушла? Может, прошло слишком много времени, она не выдержала и пошла на мои поиски, а в темноте лестничных пролетов заблудилась. Ходит сей! час где-нибудь этаже на шестом и рассматривает номере квартир...

Бессильно я подергал ручку двери. Конечно, заперта. Как ты меня подвела, чокнутая девушка из подземки! Что теперь делать?

Только один смог уехать из города, прежде чем его убили...

Что ж, вторым мне, думается, не стать.

Дверь подъезда распахнулась, и овчарки выскочили на улицу, злобно озираясь и принюхиваясь. Секунда, и голова одной из них повернулась в мою сторону. Я увидел эти собачьи глаза — красные, широкие и совершенные без зрачков. Не собачьи даже — глаза Зверя!

Я думал, что не смогу сдвинуться с места, потому что совсем не чувствовал своих ног. Я превратился в один чудовищно бившееся сердце.

Но так быстро я не удирал никогда!

Скорее! В сторону аллеи! Там деревья, густая трава, запах сырости, запах гниющих листьев, вода...

Они потеряют мой след. Наверняка потеряют!

Перепрыгивая через бордюры, я несея, не чувствуя ничего, кроме страха быть пойманным.

И вот, наконец, аллея. Сколько времени мне понадобилось, чтобы преодолеть расстояние почти с километр? Секунд тридцать, как мне показалось, не больше!

Выскочив на асфальтированную дорогу, я резко свернул в сторону и, ломая ветки, помчался вглубь. Я знал что еще дальше лес станет гуще, а ближе к противоположному краю его пересекает неширокий ручей, в котором я еще в детстве играл с пацанами в морской бой.

Главное — пересечь его, и тогда я в безопасности. Дальше начинался довольно оживленный проулок, который многие жители используют для романтических прогулок. Несмотря на такую рань, я был уверен: там все равно есть люди. Их просто не может не быть. Иначе мне конец!

Сзади дико взвыл один из псов, не так близко, как мне казалось, но вой этот все равно подстегнул меня и я помчался еще быстрее.

Я углубился уже достаточно далеко. Еще чуть-чуть и — ручей...

Кажется, я недооценил свои силы в беге! Ручей появился столь внезапно, что мое разгоряченное пробегом тело не успело среагировать. Я поскользнулся на влажной траве и взлетел! Мир перевернулся за одно мгновение. Я совершенно не понимал, где мои ноги, где руки, а где голова...

Полет кончился падением в грязь около ручья. Сначала хлюпнули кроссовки, набирая холодной проточной воды, потом и все тело последовало за ними.

Хр-русть! И правое плечо, на которое я приземлился, наполнилось резкой болью. Я громко вскрикнул, переворачиваясь на другой бок и не обращая внимания на то, что холодная вода вперемешку с грязью течет мне за шиворот, сквозь брючный ремень, проникая даже между пуговицами куртки. Какая адская боль!

Несколько секунд у меня даже не было сил, чтобы двигаться. Я был полностью поглощен болью. Ерунда, когда говорят, что шок не дает осознать свою боль некоторое время. Я почувствовал ее сразу. Наверное, потому, что шок испытал несколько часов назад. Еще в подземке...

То, что я не вскочил и не продолжил бег, возможно, спасло мне жизнь. Минуты не прошло, а два четких собачьих силуэта в утреннем свете, еще совсем слабо пробивающемся сквозь листву, показались у самого берега ручья.

Силуэты замерли, и я только видел, как овчарки нервно водят головой слева направо и справа налево. Вынюхивают, наверное.

Меня даже немного обрадовало, что я лежу в грязи, в ручье. Наверняка, моего запаха им учуять не удастся.

Но вслед за этим я понял, что боль в плече отступила, сменившись совершенно другими ощущениями: холодная вода насквозь промочила мне всю одежду, мелкие камешки, принесенные потоком, забились за шиворот, а вода так и пыталась протолкнуть их как можно глубже. Хорошо еще, что ручей не такой глубокий. Лежащему (такому, как мне) вода доходила едва ли до подбородка, но холодные брызги все равно попадали в глаза, делая видимость расплывчатой и мутной.

Думать о том, сломал я плечо или нет, почему-то не хотелось. Сейчас передо мной стоял вопрос интереснее — увижу ли я еще хоть один рассвет?

Лежу в ручье, загнанный, как кролик на охоте, воспаление легких, вероятно, в данный момент зарабатываю, и вдруг отчаянно захотелось еще раз увидеть солнце. Пусть и не жаркое летнее, багровым цветом поливающее землю, пусть и не приятное весеннее, а блеклое, остывающее осеннее. Но все же: увижу или нет?

Псы на краю ручья не двигались. Потеряли мой след? Или им просто не спуститься в ручей на их мощных лапах? Для бега они, конечно, хороши, но чтобы по грязи да по склону?!

Я возрадовался, что за мной не послали тварей эффективней. Обезьян, к примеру. Больших горилл. Я бы тогда, наверное, и до первого этажа не успел добежать... Но, с другой стороны, откуда в нашем городе большие гориллы?

Яркий луч солнца пробился наконец сквозь листья и осветил собачьи силуэты. Как мне ни мешала вода, я все же смог разглядеть, что в них что-то изменилось.

Возможно, мне показалось, но я совершенно не видел у них хвостов, морды как будто стали совсем плоскими, передние лапы удлинились. А еще... господи, пусть это будет галлюцинация! Овчарки теряли свою шерсть! Я немного приподнял голову. Даже не приподнял — повернул, чтобы разглядеть получше.

Теперь вода поднималась мне до подбородка и заливала уши, но на глаза не попадала. Да и света прибавилось, так что разглядеть, что же происходит наверху, не составляло особого труда.

А происходило что-то совершенно невероятное! Мне ничего не казалось. Псы действительно превращались в кого-то другого!

Оборотни! Другого слова я придумать не смог. Будем надеяться, что сейчас они

превратятся в людей, а не в тварей похуже, и чтобы меня пока еще не заметили. Хотя я понимал, что солнце встает все выше и выше и, значит, лежащий в ручье человек обязательно привлечет их внимание.

Но не вскакивать же мне сейчас!

Я бы и не смог! Помимо ноющего плеча, я был зачарован зрелищем превращения. Как ни отвратительно она выглядела, в нем все равно присутствовала какая-то своеобразная, извращенная красота. Как заглядываемся мы фильмами ужасов, часто пересматривая искусно поставленные эпизоды превращений человека в волка, человека в мертвеца, человека в еще черт знает кого! Но здесь-то все было совершенно реально. Я видел происходящее своими собственными глазами.

Морды у них сузились, одновременно уменьшалась и пасть, а скулы, наоборот, расширились.

До меня донесся ряд сухих щелчков, таких, как стреляла моя коленная чашечка в квартире. А потом... они просто стали людьми. Произошло это настолько неуволимо, что я ничего не успел сообразить.

Один из них выпрямился и посмотрел на меня в упор. Они видели меня с самого начала.

Знали, что я здесь. Наверное, слышали, когда я вскрикнул, упав в воду. А может, и вправду вынюхали. В любом случае мне теперь от них не скрыться... Мои глаза встретились с глазами второго поднявшегося. Отсюда я не видел, есть ли у него зрачки, но почему-то был уверен, что нет. Просто темные провалы, которые гипнотизируют и заставляют забыть обо всем... И я, словно обезьянка, попавшая в плен к удаву, сейчас поднимусь и сам пойду навстречу своей гибели. Так и будет!..

Тот, который стоял немного ближе к краю, отвел глаза и стал неторопливо спускаться — съезжать по грязи вниз. Второй, подождав чуть-чуть, последовал за ним.

Еще минута-другая, и они встанут надо мной, заслоняя небо, и — прости-прощай!

«Да они же голые! — мелькнуло у меня в голове. — Как им не холодно при такой температуре?»

Не успел я об этом подумать, как мои зубы дружно клацнули друг об друга, выводя меня из оцепенения.

Что я делаю? Ко мне приближаются два голых мужика, а я лежу в ручье и совершенно не могу дать им отпора? В куртке у меня как-никак электрическая дубинка.

Оборотень, шедший впереди, чертыхнулся и поехал на пятках, откидываясь назад. Он был от меня не более чем в двух метрах. Надо было действовать. Но как?

Для начала я перевернулся на живот и попытался подняться, отталкиваясь здоровой рукой от илистого дна. Почти получилось — я сел на колени. Плечо заныло со страшной силой, вдобавок глухой болью отозвался и затылок. Не помню, чтобы я им ударялся.

Оба оборотня теперь находились прямо передо мной, что позволило мне рассмотреть их подробнее.

Первый, возобновивший спуск, но с удвоившейся осторожностью, был черноволосый, с небольшой бородкой. Тощий какой-то, ноги длинные, а руки едва не доставали до колен. Второй не отличался от первого ничем, кроме того что был лыс. И у обоих действительно не было зрачков.

Я оглянулся. С ноющим плечом на другой берег ручья мне быстро не забраться. Значит — сопротивление.

Интересно, кто из семнадцати предыдущих смог дать достойный отпор Исправителям? Тот, который успел уехать из города? Или он просто сбежал, не слушая ни-1 кого и ничего, и убегал до тех пор, пока его не зажали! где-нибудь в темном переулке, и вот такие псы не разорвали на части?

Резким рывком я все же поднялся, прижав поврежденную руку к груди. Это не сильно помогло — рывок отдался новой волной боли, от которой немного помутнело в глазах.

Первый оборотень наконец спустился и осторожно зашел в воду. Холодный ручей

дошел ему до щиколоток, но оборотень словно и не замечал этого. Он смотрел только на меня.

Я — его цель, его задача. Уничтожить — и все. Больше его ничего не интересовало.

— Ну, подходи же, хрен крокодилий, — прошептал я. — угощу кое-чем!

Он сделал еще один шаг вперед, а потом раскрыл рот и сказал:

Виталий Виноградов, вы обвиняетесь в несанкционированном нарушении правил Игры, повлекшем за собой отклонение от норм и установленных критериев...

— Ну так и что? За это мне теперь умирать? Оборотень словно не слышал меня. Его тихий и ровный голос даже не дрогнул:

...За подобное нарушение Высший Совет Исправителей приговорил вас к смертной казни. Мы — инквизиторы!

Приятно познакомиться, — я кивнул, отходя немного назад и здоровой рукой вынимая дубинку.

Ногтем подцепил колесико напряжения и довел его до трехсот шестидесяти вольт. Кончик дубинки покраснел.

Второй оборотень ступил в воду. Кажется, до них не дошло, что я собираюсь делать. Они оба решительно направились ко мне.

Ребята, если вы шевельнетесь, то я опущу вот это в воду. — Многозначительное покачивание дубинкой. — Пускай я и сам изжарюсь, но заберу с собой парочку... Как вы сказали? Инквизиторов?..

Я не успел. Первый вдруг хищно оскалился, изогнулся и прыгнул, выставив вперед руки с изогнутыми пальцами.

Я выставил перед собой дубинку, но оборотень немного отклонился в сторону и оказался слева от меня. Обернуться я бы не успел. А он уже поднял руку и обрушил на мое больное плечо сокрушительный удар!

Я заорал! Сволочи! Скоты! Ну нельзя же так с больным человеком! Не по правилам! Мир вокруг помутнел и перевернулся. Кажется, я вновь падал в воду, роняя дубинку и теряя последнюю надежду на спасение.

Падая, я понял, что мне вряд ли удастся подняться.

Голова погрузилась в ручей, я открыл рот и закричал под водой, ослепляя себя пузырьками воздуха, а потом вынырнул и понял, что упал на колени. Что дубинки нет, а оба оборотня стоят надо мной, искривив свои физиономии в отвратительном оскале.

А я так и не увидел настоящий рассвет...

Черты одного оборотня вновь стали неуловимо меняться. Он вдруг съежился, прижал руки к животу, и... его разорвало изнутри. Мне в лицо брызнула кровь, вперемешку с чем-то еще, то ли кожей, то ли внутренностями. Его левая кисть, описав в воздухе широкую дугу, со шлепком упала в воду в нескольких метрах от нас.

То, что осталось от оборотня, удивленно мотнуло головой, словно отрицало сам факт подобного происшествия, поднесло искалеченные руки к глазам и плавно упало на колени. Из разорванного живота в воду вывалились кишки, и я мог поклясться, что разглядел сквозь отверстие у него в груди противоположный берег. Глаза закрылись, и оборотень упал в воду, на мгновение погрузившись в нее, а потом всплыв. От тела, огибая меня, стали растекаться маленькие ручейки крови.

Все это произошло буквально за несколько мгновений, и ни я, ни оборотни не успели сообразить, что случилось.

Второй оборотень затравленно крутанулся на месте, чуть изогнувшись и выставив вперед руки.

Похоже, он вновь пытался превратиться в пса. Теперь ему было не до меня. Кто-то еще влез в их правила и нарушил их. Причем нарушил сознательно, не просто отгоняла бандитов от беспомощного гражданина, а стреляя на поражение. Причем стреляя из далеко не слабого оружия.

Деревья и кусты на обоих берегах хранили молчание. Я тоже вглядывался, пытаюсь

вычислить, где находится мой невидимый спаситель. Но он либо затаился, либо вновь прицеливался для повторного выстрела.

Я увидел блеск оптического прицела за секунду до того, как луч прорвал заросли и снес оборотню верхнюю половину тела. Наверное, ее просто разнесло на миллиард мелких кусочков, потому что не осталось почти ничего. Немногие остатки шлепались в воду вслед за упавшими ногами оборотня. Для него это была легкая смерть. Боли, в отличие от первого, он не почувствовал.

И вновь наступила тишина. Я вслушался. Неизвестный спаситель не спешил показываться.

Эй, ты кто такой? — крикнул я в никуда. — Дай хоть тебя поблагодарить!

Потом поблаговаришь, — ответил знакомый голос. Ветки раздвинулись, и на берег вышла Вероника. Обеими руками она держала лазерный транстерминатор. Оружие настолько редкое и дорогое, что в России достать его практически невозможно. Правда, для той безумной компании, в которую меня занесло, видимо, нет ничего невозможного.

Вероника! — заорал я, сам того не замечая. — Ты могла бы явиться намного раньше. Когда я подбегал к машине, например!

И это вместо слов благодарности? — отозвалась она. — Сам вылезти сможешь или и здесь тебе помогать придется?

— Смогу, — процедил я сквозь зубы и побрел к берегу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Ландовер» выехал на Октябрьскую, мягко рокоча мотором.

Я откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и некоторое время сидел так, глубоко дыша, чтобы успокоиться. Иногда, в детстве, это помогало. Сейчас — не очень. Потому что я понял, что все, о чем говорила Вероника, — чистая правда. Скоро меня убьют, и убегать, в принципе, бесполезно.

Всю дорогу от ручья мы шли молча. Я хотел взять у нее транстерминатор, но она указала на мою обвисшую руку. Плечо ныло, но не настолько сильно, чтобы к этому нельзя было привыкнуть. Скорее всего, вывихнул или выбил сустав. Мы подошли к машине, и Вероника протянула мне полотенце, чтобы я стер кровь обратной с лица и шеи. Хорошо еще, что не было моей собственное Подождала, пока я это сделаю, потом забралась на водительское сиденье и завела мотор. Я сел рядом, скинул промокшую насквозь куртку на заднее сиденье. В ботинках хлюпало, но что поделаешь?

Уже совсем рассвело, и на улицах стали появляться первые люди. Седьмой час, наверное...

Я, знаешь, что хотел спросить. — Я открыл глаза и повернулся к ней. Вероника не отрывала взгляд от дороги. — Кто были эти оборотни?

Исправители, — коротко ответила она.

Она назвали себя еще и инквизиторами.

Да, они были и ими, только не сейчас. Даже не том да, когда охотились за тобой. В своей другой жизни, еще до того, как они стали игроками. Создатель Сумерек специально выбирал себе игроков из инквизиторов. Он считал, что они жестче и кровожаднее даже наемных убийц и маньяков. На деле так и происходило. Если бы ты знал! каков стал перевес Сумерек после разгрома инквизиции во Франции... Мы думали тогда, что игра проиграна. Хорошо, что ошибались.

Я промолчал, так как почти ничего не понял. Пускай все объяснит Василий, когда приедем. Вместо этого спросил:

Тогда другой вопрос. Куда ты ушла? Меня искать?

Не совсем. — Вероника слегка запнулась, словно подбирала нужные слова. — Если честно, Виталий, я видела, как оборотни прошли в твой подъезд. Тут уж тебе либо удастся выбраться из дома, либо нет. Правда заключалась в том, что я понимала, что скорее всего

тебе не удастся выжить, но с другой стороны, я ведь имею право надеяться? Я порылась в багажнике и нашла изумительный транстерминатор. Он был заряжен. Потом из подъезда появился ты, и я поняла, что сейчас появятся и оборотни. Наверное, тебе лишний раз не надо объяснять, что они ни в коем случае не должны были видеть, что я тебе помогаю. Иначе это было бы нарушением правил с моей стороны, и меня могла бы постигнуть та же участь, что и тебя.

Представляю картинку, — устало буркнул я, — лежат себе два трупа на дне ручья...

Можешь не продолжать. Зрелище не из приятных.

И что же дальше?

Разве непонятно? Я спряталась в кустах, а потом неслась как угорелая вслед за оборотнями. Едва не потеряла их след. Потом чуть не столкнулась с ними на краю ручья, когда они резко так остановились, не зная, куда ты делся. Пока они занимались перевоплощением, мне удалось перебраться на другую сторону и занять удобное место для стрельбы. Оставалось только ждать.

Не хочу тебя обижать. Ты все правильно сделала, молодец, но нельзя было их расстрелять чуточку раньше? До того как меня шандарахнули по голове.

А ты не сдрейфил! Поздравляю. Немногие из людей смогли хоть как-то сопротивляться оборотням!

— А тот, который успел уехать из города? — Что?

Я, когда убегал, все думал. Тот, который смог убежать дальше всех, он как — сопротивлялся или просто убегал, как загнанная крыса, пока его не поймали?

Не знаю. Я тогда еще молодой была, да и средства информации, знаешь ли, отставали от нынешних, как лошадь от автомобиля. Трудно было узнать что-нибудь определенное. Спросим у Василия.

Он у вас как кладезь мудрости.

Почти, — улыбнулась Вероника. — Человек, который знает очень многое в этом городе. Да, пожалуй, не только в городе.

Пусть он расскажет мне все. Я хочу знать теперь не только то, почему меня хотят убить, но и кто вы такие на самом деле. Кто они такие — тоже...

Вероника не ответила.

Мы вырулили на какую-то незнакомую мне улицу, и машина остановилась у небольшого дома.

Честно говоря, он не напоминал дом человека, который пользуется голосовым информатором и считается крупным миллионером. Небольшое одноэтажное зданье из красного кирпича. Треугольная крыша из шифера. Забор-сетка. Перед домом — небольшая бетонная площадка, по краям которой — цветы. Над крыльцом ржавый козырек полукругом. За домом, насколько можно разглядеть, тянулся огород, сейчас уже пустой и вскопанный.

Мы точно приехали к тому Василию? — поинтересовался я.

Поверь мне, — коротко бросила Вероника, глуша мотор и вылезая из машины. Я последовал за ней и, захлопнув дверцу, огляделся.

В этой части города мне бывать не приходилось. Вов руг были одни частные домики с заборами и огородами многоэтажки высились далеко позади. Наверное, это край города, решил я.

Вероника между тем подошла к калитке (не из сетки но тоже из каких-то перекрученных металлических прутьев) и стала что-то тихо наговаривать. Я заметил, что к краю калитки прикреплен небольшой электронный прослушиватель. Сейчас Василий не только нас слышит, но и видит.

Все отлично, он живой, — громко сказала Вероника. Из динамиков донеслось неразборчивое бормотание.

Но меня же не видели...

Во дворе стояла собачья будка. Толстая цепь, уходящая в черную дыру, красноречиво говорила о том, что пес сидит внутри и тоже ждет не дождется, когда мы войдем. Вспомнив

двух немецких овчарок, я вздрогнул. Интересно, когда я теперь не буду вздрагивать при виде собак?

Давай поговорим об этом внутри... — Вероника отступила на шаг, предоставляя возможность калитке распахнуться. Самой. Почему-то я не сильно удивился.

Пошли. Он не слишком рад нас видеть, но поговорить согласился.

Хоть это радует, — пробормотал я.

Мы вошли во двор, и калитка сзади неслышно захлопнулась. Щелкнул электронный замок.

Боб тебя не тронет, можешь так опасливо не коситься, — перехватив мой взгляд в сторону будки, сказала Вероника, — он старый пес. Василий держит его, только отдавая дань уважения. Боб как-то вытащил его из крутейшей передряги.

Пес?

А ты думал. Псы иногда бывают во много раз умнее людей. Со временем и ты поймешь это, если оно у тебя будет — время.

Вот именно.

Мы прошли к крыльцу и, поднявшись, зашли внутрь.

Коридора у дома не было. Сразу начинался широкий и просторный зал.

Все шторы на окнах были распахнуты, и слабые рассветные лучи создавали в зале непонятный полумрак, который, казалось, готов вот-вот рассыпаться, уступив место яркому дневному свету.

Мебели в зале было немного. Диван, несколько стульев, телевизор в углу и стоявший на столике в центре! компьютер. К нему целая куча приамбасов. Из всего, что там лежало, я смог узнать только принтер, вроде бы сканер и новую модель модема. Я про нее по телику смотрел несколько дней назад.

Перед компьютером, на стуле, повернувшись в нашу сторону, сидел молодой парень. На вид даже моложе меня. Выглядел он как интеллигент, которых я не очень люблю. Типа того Максима, только Василий выглядел не рассеянным, а, скорее, наоборот. Но все равно, что-то в нем мне определенно не понравилось.

Мы на секунду замерли в полной тишине, разглядывая друг друга. Он безразлично обвел меня глазами, изучая, и чуть заметно улыбнулся. Может, ему тоже показалось, что я моложе его?

Я так понимаю, Виталий, — произнес он немного надтреснутым голосом. — Не сказал бы, что очень рад, на приятно встретиться с человеком, который не побоялся сражаться против оборотня с электрической дубинкой. — Он повернулся в сторону компьютера и резким движением крутанул на колонке тумблер громкости. Комнату вмиг наполнили звуки тяжелого хард-рока. Старые добрые «Острые перцы» из забытых девяностых. Я сам иногда слушал их, особенно с Генкой, когда хотелось клево оттянуться.

Вы присаживайтесь, чего стоите как истуканы. Вероника, ты словно в первый раз пришла.

Как только мы сели, Василий заговорил:

Итак, пока вы добирались до меня, я тут от нечего делать подсчитал, что наш разговор может занять не больше двух часов. А если учитывать то, что на тебе, Виталик, теперь висят и два убийства, они могут явиться сюда еще раньше. Так что сразу предупреждаю, если вздумается задавать вопросы, постарайся, чтобы они не выглядели чересчур глупыми. Типа: «А что мне теперь делать?» или «Я умру?». Мне кажется, ты и сам понял,

что умрешь.

Я кивнул. Тут он попал в самую точку. Василий продолжил:

Так вот, Виталик, ты влип. Если хочешь, я расскажу тебе все, что знаю сам. В принципе, подобная информация тебе уже не поможет, но ты, как сам выразился, хоть будешь знать, по какой причине умираешь.

Вот именно. Расскажи мне все.

Для начала мне бы хотелось услышать, что там у вас произошло в парке. Вероника что-

то рассказала, но совершенно непонятно. — Василий откинулся на спинку стула. — Чаю или кофе не предлагаю, иначе мы потратим лишнее время. Если хочешь есть, возьми из холодильника бутерброды.

Я покачал головой:

То, что со мной произошло за последние три часа, отбивает всякий аппетит.

Зря отказываешься. Я, к примеру, видел кое-что и похлеще кишок Исправителей. А после довольно прилично ужинал в ресторане.

Я действительно не хочу есть.

Зря, — пожал плечами Василий, — мое дело предложить. Ну, так что же там произошло? Просто сгораю от любопытства.

Я рассказал ему все, что видел сам. Упустив только то, как прятался в холодильнике и какой чудовищный страх испытал в тот момент, когда услышал цокот когтей по линолеуму. Василий слушал внимательно, не перебивая, как и Вероника. Большая часть рассказа была ей неизвестна.

— Лезть на Исправителей с электродубинкой, — хмыкнул Василий, когда я закончил. — Ты, конечно, извини, но так поступают только идиоты, Виталик.

— Раньше это оружие мне помогало, — буркнул я немного обиженно. — У меня же нет денег на плазмометы с оптическими прицелами и шестнадцатью патронниками.

— Ну, на такую штуковину даже у меня денег нет, отозвался Василий, — Точнее, она мне ни к чему. Зачем тратиться на ненужные вещи? Правильно я говорю?

— Верно, — сказала Вероника. Василий посмотрел на часы:

— У тебя остался час и тридцать четыре минуты. Попробуй хочешь узнать все? Я спрашиваю на тот случай, если ты вдруг решишь потратить это время на то чтобы убежать как можно дальше.

— Куда уж дальше? — спросил я. — Не представляю, куда можно убежать от оборотней.

— Поверь мне, Виталик, у Исправителей в запасе не только оборотни. — Василий повернулся к компьютеру и выключил музыку. Мне почему-то сразу стало немного легче. В тишине спокойнее. — Итак. Вероника, как думаешь, показать ему самое начало или лучше упустить?

Вероника пожала плечами:

— Без вступления он не поймет ничего.

— Ты права. Тогда, Виталик, иди сюда. И стул бери. Будешь сидеть здесь. И не дергайся. Вступление у нас записано на компьютере, чтобы легче осознавать. Просто пересказать подобное почти невозможно, приходится переходить на современные способы.

Василий порывлся за мой спиной и выудил из-под компьютера моток проводов. Некоторые заканчивались липучками, которые он стал нацеплять мне на шею.

— Закати рукава. — Я закатал, и на руки тоже был наклеплено с десяток мелких липучек. Мне показалось, что я стал похож на эдакого механического спрута из какого-нибудь фантастического романа.

— Шевелиться хоть можно?

— Шевелись. — Василий пожал плечами, поворачивать к компьютеру, и что-то быстро набрал на клавиатуре.

За его спиной я видел, как по темному экрану бегут и исчезают зеленые цифры. Никогда не разбирался в компьютерах, и смысл подобной операции оставался для меня совершенно неизвестным. С другой стороны, сейчас никто, кроме меня, не волновался, а значит, ничего опасного в этой операции нет. Я надеялся, что нет.

— Все в порядке, можно спокойно приступать. — Василий вновь повернулся ко мне и улыбнулся. Не сказал бы, что улыбка у него вышла успокаивающей, но не хищной — это точно. — Остается одна маленькая вещичка! Вот! — Словно фокусник, Василий извлек из-за спины что-то похожее на темные очки, прочно перемотанные проводом. Конец провода исчезал где-то в недрах компьютера.

— Виртуальная реальность?! — удивился я, откидываясь на стуле и совсем не замечая, как натянулись прикрепленные к моему телу провода. — Быть того не может!

Я слышал о том, что сейчас развитие виртуальной реальности идет многомиллионными шагами.

Дескать, собираются открывать целые телевизионные каналы, которые будут транслировать свои передачи исключительно в виртуальной реальности. Пока, насколько мне было известно, существовало очень мало переносных, компактных приборов, транслирующих виртуальную реальность. Это очень дорогое удовольствие. По-моему, даже не продаваемое.

Увидев очки в руках у Василия, я понял, что ничего невозможного для них не существует. Кто бы они ни были, я начинал понимать, почему они ведут себя как боги.

— Виртуальная реальность, — повторил мои слова Василий, — самая настоящая. Можешь потрогать... Хотя сейчас тебе и так предстоит насладиться всем великолепием подобной вещицы. — Он протянул очки мне. — На девай. Не снимай ни в коем случае без моего разрешения, а то узнаешь, какие бывают последствия.

— Я понял: не дергаться, не снимать очки, стараться не повредить проводки.

— Правильно. Теперь слушай меня внимательно. Он посмотрел мне прямо в глаза, и я поспешил надеть очки, потому что мне вдруг показалось, что сейчас из его зрачков вырвется пламя. Черт, каким я все же стал пугливым и нервным! И всего за пару часов!

За очками ничего не было видно. Одна только темнота. Я, расслабившись, удобнее уселся на стуле и стал слушать, что говорит Василий.

— Сейчас ты будешь смотреть спроектированный мною фильм. Сразу скажу, что в нем говорится о само начале. Об образовании Игры, в которую мы играем. Что будет непонятно, спросишь после. Но, думаю, ты поймешь все. Как я уже сказал, очки не снимать, пока я не разрешу, а если точнее, то пока не закончится фильм. Расслабься и получай удовольствие, насколько это возможно в твоей ситуации. После просмотра у тебя останется минут сорок, прежде чем я попрошу тебя удалиться. Так что хорошенько продумай все возникающие вопросы. Не сказал бы, что ответы на них тебе чем-нибудь помогут, но... чем черт не шутит, в конце концов...

Василий замолчал. Я постарался последовать его совету и расслабиться, но это не сильно получалось. Сказывалось нервное напряжение, и только темнота по-прежнему немного успокаивала, как в прошлой жизни, до этой самой ночи, когда на меня начали охоту овчарки оборотни и — как там говорил Василий — еще кое-кто похуже. Да, именно в прошлой жизни. По-другому ее назвать уже не мог.

— Внимание, — голос Василия прозвучал откуда-то издалека. Наверное, он снова сидел за компьютером, через пятнадцать секунд вход в виртуальную реальность. Желаем приятного просмотра и острых ощущений.

— Спасибо за пожелания, — пробормотал я одними губами. Он меня не услышал.

Кто-то (Вероника, кто же еще) заботливо надел мне на уши мягкие резиновые наушники, отрезав от внешнего мира полностью. Теперь я был не только слеп, но и глух.

Хотя не совсем так. Из наушников тихо доносился слабый шум. Как помехи в радио, только не совсем похоже. Шум нарастал постепенно и вдруг возник резко, громко ударив по ушам.

Это была музыка. Хаотичный хеви-металл, с неразличимыми мелодиями и пороссячим визгом вокалистов. Васьина работа, больше некому.

Вслед за музыкой перед глазами засветилось, и вскоре меня словно со всех сторон осветило ярким белым светом.

Я напрягся, вглядываясь в этот свет. Музыка била по ушам, но уже стала чуть слабее...

Как-то неуловимо свет переменялся, превратившись в огромную, закручивающуюся воронку.

Воронка крутилась, всасывая, казалось, в себя весь этот свет, а следом и музыку. Крутилась, набирая и набирая ход. Прошла секунда, а она уже бешено рвалась внутрь,

словно смерч, пытаюсь втянуть и меня! Мое сознание!

В этот момент я понял, что мое сознание действительно втянулось в воронку виртуальной реальности.

И тогда, когда музыка резко затихла, я очутился именно там, где и должен был очутиться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Там было светло и пусто. Абсолютная пустота. Где-то между небом и бесконечностью. Яркий свет лился, словно отовсюду сразу, как река, обтекая и местами пронизывая густые облака, создавая косыми лучами причудливые узоры.

И в этой пустоте ни на чем, просто в пространстве, сидели двое.

Многие считали одного из них Дьяволом, другого — Богом. Многие считали, что их не существует, многие слепо поклонялись им, в надежде на вечную жизнь после смерти. В их честь создавали идолов, их образы высмеивали и преследовали. Но все было совсем не так. Они не были ни Богом, ни Дьяволом. Создатели Света и Тьмы находились гораздо выше в бесконечности. Где-то, куда не мог заглянуть никто. Те же, кто сидел здесь, были лишь слугами Их. Очень влиятельными, покровителями многого в пространстве, но всего лишь слугами. Они были создателями Сумерек и Зари. Того, что еще не стало Светом или Тьмой, но уже и не являлось ни тем, ни другим.

Они могли властвовать над менее сильными существами бесконечности, могли создавать свои собственные миры, могли разрушать, могли вершить чьи-то судьбы. Кто знает, может гибель Атлантиды, Содомы и Гоморры, Помпеи — все это было делом их рук. Возможно...

Создатели отличались друг от друга настолько, насколько мышь отличается от кошки.

Создатель Зари выглядел небольшим коренастым старичком лет шестидесяти. Голову обрамлял пучок седых волос. Густая, белая как снег борода закрывала половину лица. Лоб прорезали мелкие морщины. Скрывались они и в уголках глаз.

Создатель Сумерек был совершенно лыс. На вид ему нельзя было дать и тридцати лет. Ни о каких морщинах речи не шло. Хорошо сложенное тело, накачанные мускулы, крепкая шея говорили о том, что он еще в отличной форме. Чуть синеватая кожа мешала Создателю походить на человека, но он к этому и не стремился. Если говорить начистоту, то эти их облики были не чем иным, как очередными оболочками. Как костюм, который можно было сменить на любой другой из своего гардероба. На самом деле Создатели выглядели совсем не так. Даже далеко не так. Настоящий их облик был настолько далек от человеческого сознания, что ни один житель Земли, увидев их в истинном обличье, не смог бы понять, что или кто находится перед ним.

Сидя в абсолютной пустоте, при абсолютном свете Создатели играли. Играли в древнюю как мир игру. В пространстве перед ними висела небольшая, мастерски созданная доска, разделенная на шестьдесят четыре черно-белых клетки. На ней-то и разгорались увлекательнейшие бои созданными из тумана существами. Пешки выглядели как небольшие двухголовые твари с оскаленными мордами, сжимавшие в мощных кулаках топоры. Ладьи — небольшие оборонительные башни с пиками на конце и бойницами в форме черепов. Кони — непонятные существа с голыми черепами. На них восседали всадники, полностью скрытые броней. Только короли имели вид самих Создателей. Один — пожилой старичок с седой бородой, второй — крепко сложенный мужчина.

За них-то и боролись Создатели уже много миллионов лет. Вели бои, подстраивали друг другу хитроумные ловушки, продумывали планы нападений, устраивали засады. Пока везло Создателю Зари. Будучи много образованней своего соперника, он выигрывал у него уже шестнадцать тысяч раз. Создатель Сумерек — на несколько тысяч раз меньше, и осознание этого его страшно бесило. Являясь существом тщеславным, он никак не мог простить Создателю Зари подобные вещи и все время слепо стремился уничтожить

противника на доске путем атаки. В последние несколько столетий у него ничего не выходило.

И вот когда Создатель Зари в очередной раз, улыбнувшись, мягко и негромко произнес: «Тебе мат!», Создатель Сумерек не выдержал. Ударом руки он перевернул доску, и рассыпавшиеся фигурки разлетелись в бесконечности, отбрасывая от своей полированной поверхности солнечные зайчики в никуда.

— Все! Хватит! Надоело проигрывать! Надоело играть! Это слишком быстрая игра! Я не успеваю сосредоточиться и продумать хорошенько! — крики Создателя Сумерек заполнили, казалось, все пространство вокруг и эхом отражались от бесконечности, улетая еще дальше, еще глубже.

Создатель Зари сидел, сложив руки на животе, и мягко улыбался. Ему было чуждо зло. Он был терпелив и молча ждал, пока его соперник изольет зло из души, ругаясь и крича. Когда злоба Создателя Сумерек утихла, Создатель Зари сказал:

— А ведь я уже давно подумывал о том, чтобы прекратить игру в шахматы. За столько-то лет она надоела нам обоим. Верно?

— Конечно. — Создатель Сумерек уселся в пространстве, заложив ногу за ногу. — Предлагаю придумать что-то новенькое. Создать свою игру, например! Я подумывал над этим на протяжении последних столетий и пришел к выводу, что подобная затея не так плоха. А ты как считаешь?

— Ты читаешь мои мысли, — тихо произнес Создатель Зари. — Я размышлял об этом уже очень давно. И знаешь, какая мысль пришла мне в голову?

— Какая же?

Создатель Зари неторопливо приподнялся, запустил руку в бесконечность и выудил из ниоткуда небольшой шар. Он был сине-зеленого цвета, окруженный белой, густой атмосферой.

Создатель Сумерек настолько изумился, что даже немного приподнялся со своего своеобразного ложа:

— Земля?! — выдохнул он поражению — Но откуда? Это же вещь... Их.

— Это теперь и наша вещь, — мягко и чересчур дружелюбно возразил Создатель Зари. На губах его играла чуть заметная улыбка. — Он разрешил воспользоваться ею для наших целей, чтобы поиграть!

— Я тебя правильно понял? — переспросил Создатель Сумерек, не веря своим ушам. — Он разрешил нам использовать Землю, ту самую планету, которую он считает верхом своего творения, для того, чтобы мы смогли играть в новую игру?

— Он считает, что подобная встряска полезна ее жителям. Люди уже долгое время живут без Его вмешательства и совсем позабыли про настоящую свою природу. Многие из них совсем не верят в него. Нам-то как раз и разрешено использовать их в своих целях!

— Что же ты задумал, старый творитель добра? — с сарказмом произнес Создатель Сумерек, вновь присаживаясь на пустоту.

— Игру! Игру, в которую нам будет интересно играть до конца дней на Земле! До конца всего мира! До конца бесконечности!

— Что же в твоей игре такого интересного?

— Прежде всего, сама суть! Смотри! — Создатель Зари вынул из пустоты крепко перевязанную кипу бумаг. Развязал ее и поднес к глазам первый листочек. У него было совсем неплохое зрение, но Создатель Зари всегда читал, поднося текст близко к глазам.

— Я сделал несколько набросков того, что придумал. И, думаю, тебе понравится!

— Надеюсь! — ответил со своего ложа Создатель Сумерек.

— Итак. Игроками в моей игре являются сами люди. Те, кто не верит в Бога, кто презирает всяческие чудеса! и кто твердо убежден, что мир вокруг него реален и непоколебим. Вся соль заключается в том, что нам с тобой уготована участь зрителя. Мы лишь создаем правила, наделяем игроков некоторой властью, а дальше они играют сами между собой. Представь себе — разумные шахматы. В данной ситуации почти то же самое.

— Посто́й, посто́й. Мы придума́ваем правила...
— Набира́ем игроко́в...
— Наделе́ем каждо́го из них опреде́ленным даро́м...
— Дает в их распоря́жение столько денег, сколько им
нужно...
— И наблюда́ем за разви́тием собы́тий...

— Точно! С тем лишь условием, что нам придется вмешиваться, если кто-нибудь из играющих будет нарушать правила...

— Но зачем именно нам? — хмыкнул Создатель Сумерек. Всего лишь мгновение, и между ними появилось какое-то странное и непонятное существо, у которого не было формы и цвета. Просто непонятный сгусток материи, переливающийся в лучах света всеми цветами радуги. Создатель Сумерек весело взмахнул руками. Ему всегда нравилось использовать свои творения. А именно таковым стоящее между Создателями существо и являлось.

— Из него можно вылепить все, что угодно, — сказал Создатель Сумерек, — так почему бы не создать, в некотором смысле, охрану? Существ, которые будут наблюдать за соблюдением правил и исправлять ошибки игроков. Наказывать и поощрять их?

— Верно! — оживился Создатель Зари, — Так тому, и быть! И пускай они не будут людьми!

— Ты же сам сказал, что все игроки не люди. Обладающие каким-либо даром уже не могут быть людьми!

— Великолепно! Здесь я набросал некоторые правила, которые хотел бы обсудить с тобой. Нам понадобится с десятков земных лет, чтобы окончательно построить и закончить игру. А потом мы начнем в нее играть!..

Изображение перед глазами погасло внезапно, и я вновь погрузился в темноту и тишину. Но я был настолько потрясен, что даже не заметил этого. Тем более что свет внезапно вспыхнул вновь. И где же я оказался на этот раз?

— Первое и абсолютное правило игры — ни в кое случае не нарушать правил! За несоблюдение его несколько раз подряд игрок карается смертью! В ином случае дисквалифицируется на установленные в Свода Правил сроки. Также игрок может лишиться всех привилегий, накопленных во время игры, знаний и богатства. — Голос Василия доносился одновременно и из ниоткуда, и отовсюду. Он словно вливался мне в уши как вода, или влетал, как ветер. Я не мог понять. Я только слышал его и все. Свет тоже был вокруг меня, держал меня в своих объятьях, не отпуская, и я висел, безвольна расслабившись, не в силах даже пошевелиться.

Только слушать.

— Цель игры сводится к одному — уничтожить воюющую сторону. В данном случае игроки Создателя Зари сражаются против Игроков Создателя Сумерек. Цели очень проста, однако, игра получилась бы слишком быстрой. Возможно, дольше, чем игра в шахматы, но все равно не достаточно для того, чтобы удовлетворить потребности наблюдающих. Для этого было придумано следующее правило — в начале каждого века обе воюющие стороны имеют право вербовать в свои ряды не более ста тысяч человек. Они тоже наделяются определенными способностями, становятся бессмертными и играют в игру.

Каковы же цели для самих играющих? Создателям было обещано, что выигравшая сторона получит вечную жизнь. Иными словами, играющие останутся бессмертными и сохранят свои иные способности. Ради этого они и борются. Никто их не заставляет.

Каждый игрок получает в свое распоряжение определенное количество денег, несколько домов, разнообразные виды оружия и в течение нескольких месяцев обучается правилам.

Могут даже сказать, что он в самом прямом смысле учит их наизусть. Ведь от этого зависит и его жизнь!

Правил много, но знать их нам надо. Поскольку большая их часть тебе попросту не нужна, я упущу их и расскажу лишь о немногих. К примеру, чтобы разъяснить тебе

ситуацию в подземке.

Согласно правилам, игрок, попавший в окружение или плен, не имея возможности вырваться, имеет выбор: либо сдаться, но в таком случае ему придется выкладывать противнику двадцать пять процентов всех имеющихся у него знаний (на свой выбор, конечно), либо покончить жизнь самоубийством, выйдя из игры. У Вероники не было выбора. Все ее знания, накопленные за четыре с лишним века, имеют настолько весомое значение, что, попади хоть четверть из них к противнику, его силы мгновенно стали бы превосходить наши. Игроков от Создателя Зари и так гораздо меньше. В начале этого века нам удалось завербовать всего шестьдесят четыре тысячи человек. Шестеро из них уже покончили жизнь самоубийством, не выдержав напряжения. Еще одно правило, на этот раз в отношении Максима, дает нам надежду на то, что он все-таки сумеет выбраться живым из той передраги, в которую попал благодаря тебе. Оно гласит: игрок, который не имеет видимых ходов к отступлению, но тем не менее не считается окруженным, имеет право на ведение скрытого боя, то есть партизанского. Максим сейчас окружен игроками от Создателя Сумерек, которые об этом не подозревают. У него в некотором роде пат. Сейчас он думает, что предпринять, чтобы выбраться из окружения. Надеемся, что ему придет что-нибудь в голову, потому что, согласно правилам, не имеем права помочь угодившему в подобную ловушку.

Насчет тебя, Виталя, я думаю, ты и сам понял. Согласно правилам, нарушивший правила не-игрок подлежит уничтожению Исправителями. Точно так же, как если бы тяжело нарушил правила игрок. Конец одинаков как для тех, так и для других. Самое важное правило после первого — никогда не сопротивляйся Исправителям. Их много, и они вечны. Слеплены руками самих Создателей, а значит, имеют частичку их самих. Вероника, спасая тебя из их лап, шла на чудовищный риск. В тот момент я не ручался, что вообще увижу вас обоих себя. Но о том, что произошло в парке, пока никто не знает. И даже если узнают, то спишут их убийство на тебя. И тогда за тобой начнется самая настоящая охота. Не завидую тебе, Витя...

И я снова куда-то упал. Темнота поглотила меня расступившись, открыла передо мной новые образы, новые картинки, новый мир...

Голос Василия:

— Игра началась в середине шестнадцатого века. Только не у нас. Наш люд был настолько безграмотен что научить его чему-либо было очень затруднительно. Поэтому первыми играющими странами стали Франция Испания и Англия. Из Франции же набрали и Исправителей. Вероника говорила тебе, что они были Инквизиторами. Это чистейшая правда.

Сейчас они занимаются практически тем же делом что и почти пятьсот лет назад. Только менее кровава и более извращенными способами. Ты видел только собак, а на самом деле эти существа могут превращаться во что угодно. Они — творение Создателей!

Первых игроков было около двухсот тысяч человек. По сто тысяч за каждую сторону.

Создатель Сумерек и Создатель Теней собрали вместе и объяснили, что и как они должны делать. Причем Создатели не выбирали заранее людей. Это был чем-то вроде «метода тыка».

Но, представь себе, когда с тобой вдруг начинает разговаривать голос с неба и ты слышишь его не один, а вас очень много. А потом неожиданно люди обнаружили свои необыкновенные способности, огромные суммы денег и свои собственные дома, о которых ранее они могли только мечтать.

В общем, игра началась легко. Если бы не одна запинка — играющие долгое время не могли понять — зачем убивать своих соседей и почему те, собственно, являются их врагами? Тогда появились Исправители и за два-три года Игроки от Создателя Зари и Игроки от Создателя Сумерек уже вели непрерывную войну. Мы ничего не имеем против своих врагов, но наше поколение уже твердо знает, что от их смерти зависит наша жизнь. Нам надо убивать, и тогда мы сможем жить вечно...

Дальше игра распространилась на запад. С образованием США она влилась и туда. В Россию игра пришла вместе с заезжими иностранцами и переселенцами. После того как Петр I прорубил окно в Европу, играющие полились к нам рекой. Еще бы — в России огромный потенциал для игры. Да и местность побольше. Первые русские игроки появились после Октябрьской революции.

Сейчас игра ведется на всем земном шаре. Скрытая война, о которой знают только сами играющие. Множество загадочных смертей можно объяснить нашей игрой. Но только нам никогда не удастся рассказать все остальным людям. Они живут в неведении о том, что за ними наблюдают их Создатели. И что они могут сделать с людьми все что угодно...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Василий не говорил, чтобы я снял шлем. Я сам это сделал, потому что виртуальный просмотр закончился.

Вокруг была единая пустота, и больше никакие звуки или движения не нарушали ее.

Короткая вспышка перед глазами — и я вновь увидел перед собой комнату. Василия, сидящего за компьютером, полуобернувшись в мою сторону. Веронику, наблюдающую за мной из кресла. И себя самого в зеркале. Господи, как я изменился за прошедшую ночь! На секунду мне показалось, что волосы мои стали седыми, но видение быстро исчезло, и я понял, что всего лишь выгляжу жутко усталым и измученным.

— Прекрасное видео, — выдавил я, кладя шлем на стол около себя. Мой голос прозвучал как-то чересчур хрипло и неубедительно, словно я только что выпил стакан водки.

— Моя работа, — не без гордости отозвался Василий. Из компьютера вновь заиграла древняя рок-музыка. По-моему, на этот раз Prodigy. — Не хочу хвалиться, но всю программу я сконструировал сам. Причем всего за четыре месяца.

— Если бы я разбирался в компьютерах, то, наверное, восхитился бы. А так, извини, мне мало о чем говорит то, что ты сейчас сказал.

Я встал с кресла и прошелся по комнате, разминая затекшие члены. Сколько же, интересно, я сидел без движения? Левая нога онемела так, что сейчас ее будто пронизывал миллион тонких иголочек.

— Ты... поверил? — тихо спросила Вероника со своего места. С надеждой спросила, словно от моего ответа зависела ее жизнь.

— А предыдущие семнадцать человек верили в то, что происходит? — спросил в ответ я. — Прости, Вероника, но даже после всего увиденного я не могу с уверенностью сказать, поверил ли я. Не знаю, сколько лет уже играешь ты, но я-то всего одну ночь. А за одну ночь даже Бог не смог ничего создать.

— Но ты же видел оборотней!

— Я встречал людей, которые были гораздо хуже этих оборотней. Ты, наверное, и не сталкивалась с такими людьми. У Исправителей есть хоть какие-то рамки, ограничивающие их жестокость, а у людей таких рамок нет. Они гораздо страшнее твоих оборотней.

— Подожди, Виталик! — неожиданно вмешался Василий. — Честно признаться, меня совершенно не интересует, понял ли ты окончательно, во что ввязался или нет. У тебя просто осталось полчаса, чтобы решить что делать. И скажу сразу, что вариант остаться у меня и переждать не пройдет.

— Действительно, не все ли равно, верю ли я в вашу дурацкую игру? — Я повернулся к Веронике и заглянул в ее бездонные глаза. Она выдержала мой взгляд, совсем не так, как в женском туалете подземки, и на этот раз я отвернулся первым. — Через полчаса меня уже не будет.

— Я не хочу, чтобы ты умер. Мне надоело, что вокруг постоянно гибнут ни в чем не виноватые люди!

— Ты против своих же правил?

— Не я их придумала.

— Вот не тебе и решать, что правильно, а что нет! — неожиданно резко сказал Василий. — Это твоя судьба, Вероника, и от нее тебе не деться никуда! Твоя эпоха давно закончилась. Сейчас ты живешь в абсолютно другом мире, чем тот, в котором ты родилась. Пойми, что здесь другие правила... Мы не можем защищать его. В первую очередь, не только ради своих интересов. Ради интересов общества. Ты не просто пешка, которую можно разменять. Ты поднялась гораздо выше. Ты — почти ферзь! Так куда же ты лезешь?!

— Тебя забыли спросить! — огрызнулась Вероника и замолчала, уставившись в пол.

Я вновь сел в кресло, закинув ногу за ногу, совершенно не зная, что делать. В голову не шло абсолютно ничего, кроме мысли о том, что надо куда-нибудь бежать. Все-таки я поверил в то, что увидел своими собственными глазами в парке и в виртуальной реальности, как бы ни хотелось утверждать обратное. Поверил, что убежать не удастся, а значит, какой смысл стараться что-то делать. Но, черт возьми, я не такой человек, чтобы сидеть, сложа руки!

— Надо что-то придумать, — пробормотал я, но сквозь музыку меня вряд ли кто-нибудь услышал.

Но что? Это тебе не деньги отбирать в подземках. А Здесь думать надо...

— Вася, и много вас играет в России?

— Гораздо больше, чем ты думаешь. Правда, сейчас игроков от Создателя Сумерек заметно прибавилось, но и мы пока терпим, ждем подкрепления из Европы, — ответил Василий.

— И что, все вот так живут, тратят кучу денег, строят новые дома и время от времени убивают друг друга?

Василий улыбнулся:

— Я не живу «вот так». И никто из игроков не живет. Мы сражаемся постоянно. Каждый из нас занимается своим делом для того, чтобы уничтожить противника. Я же говорил, что это — война. Вероника, например, исполняет роль носителя секретной информации, которую нужно передать из одной страны в другую. Просто так информацию не отошлешь, по факсу хотя бы, приходится пользоваться таким древним способом. Максим — ее телохранитель. Он обладает редким даром испепелять взглядом предметы. Тебе и твоему другу повезло, что Максим с Вероникой тогда убегали от погони.

— Так вот почему я не слышал выстрелов в подземке, — пробормотал я. — Их попросту не было. Ваш Максим продырявил Генку взглядом.

— Вполне возможно, — ответил Василий, поигрывая каким-то проводком.

— А какую работу делаешь ты?

— Я контролер этого города. Слежу за каждым движением наших игроков, постоянно нахожусь на связи со всеми, если это, конечно, возможно. Ну и помогаю как могу. Своего рода сюрприз для врага. Представляешь, одного нашего окружают, а я сообщаю группке играющих, где они находятся, и наши идут на подмогу. Враги, ясное дело, или принимают неравный бой или убегают. А за мной они уже лет пять ведут непрерывную охоту.

У меня вдруг возникла едва уловимая мысль. А что, если...

— И вы все так и живете? У вас нет старших? Допустим, которые общаются с Создателями и вдохновляют остальных? Или военных командиров?

— Есть жрецы, — ответил Василий. Если бы он знал, как мне вдруг захотелось услышать от него что-то подобное. — Через них мы получаем советы. Только не от самого Создателя — он безразличен к нашим просьбам, его дело наблюдать, — а от приближенных его.

Я резко встал:

— Мне надо покурить! Если я выскочу на улицу буквально на пять минут, ничего не случится?

Вероника не ответила. Она даже глаз не подняла. Ну и хорошо, а то наверняка заметила бы, как у меня вдруг задрожали пальцы. Василий пожал плечами:

— Мне кажется, тебе должно быть все равно. Даже если ты убежишь, нам будет только

легче.

— Ты прав, — пробормотал я, думая совершенно о другом. Ведь есть же надежда! Есть! И я все-таки смогу ухватить ее за хвост. — Ну, если никто из вас не возражает...

Я развернулся и торопливым шагом покинул Васин дом. Почти пробежал мимо будки, напрочь забыв о Бобе. Миновал калитку и приблизился к «Ландроверу».

Закрывала его Вероника или нет? От этого сейчас зависело многое. Я дотронулся до прохладной ручки и слегка надавил на плоскую кнопку. Она поддалась, и дверца легко отошла в сторону.

Невероятно! Впервые за эти бесконечные часы я ощутил прилив радости. Хотя что-то наконец стало получаться!

Я быстро нагнулся, пошарил руками в темноте зад них сидений и вытащил на свет ее дорожную игрушку.

Лазерный транстерминатор. Великолепная вещь, во только... удастся ли мне справиться с ним? Времени почти нет. Если из ближайших кустов не появится куч новых оборотней, то из дома может выскочить Вероника. Непроизвольно я посмотрел на дом. А окна? Они ведь могут спокойно увидеть меня в окне! И вновь холод неприятного страха пробежал у меня по спине. Как я мог быть таким невнимательным! Олух!

Но делать нечего. Недолго думая, я перехватил транстерминатор поперек, второй рукой нащупал курок почти рысцей направился обратно в дом.

Но, в конце концов, у меня осталось не больше двадцати минут.

— Хороший пес — Боб высунул из будки свою мор и мрачным взглядом проводил меня до калитки. Наверное, никак не может понять, что это я здесь разбежался в такую рань.

Из окна они меня не видели. Я вошел тихо и на секунду приостановился. Вероника сидела ко мне спиной, откинувшись в кресле и как-то странно склонив голову. Может, плакала? У нее действительно чересчур мягкое сердце для такой Игры. Нельзя ведь жалеть всех и каждого.

Даже обычный мир жесток, а тот, в котором живут они, еще хуже.

Вася тоже не смотрел на меня. Он сидел за компьютером и что-то быстро набирал. На экране за его головой мелькали все те же зеленые цифры на черном фоне. Множество цифр появлялись и исчезали, кружились в непонятном танце, производя какие-то операции и расчеты. Мне этого не понять. Никогда, наверное. Да и не это сейчас мне было нужно. Я хотел жить, и сейчас мне казалось, что я сделаю все, чтобы не умереть, чтобы не стать восемнадцатой жертвой дурацкой игры богов.

А почему, интересно, за целых пять веков всего восемнадцать смертных вмешивались в правила? Почему так мало? Не надо сейчас задумываться об этом, одернул я себя, нужно думать о другом.

— Вероника, — сказал я тихо.

Она вскинула голову и полуобернулась в кресле. Бедная девушка, она действительно плакала.

— Я не могу выбирать из того, что вы мне предлагаете, — произнес я, вскидывая транстерминатор на плечо. Будем надеяться, что он все еще заряжен. — Я подумал и решил, что правильной всего будет, если я все же немного посопротивляюсь вашим Исправителям.

— Ты не сможешь, Виталька, — сказал, не оборачиваясь, Василий. Пальцы его продолжали так же быстро летать по клавишам. — У тебя воли не хватит. Ты же вор. У тебя в подсознании лежит страх перед тем, что тебя когда-нибудь поймают! А теперь за тобой не менты охотятся!

— Знаешь, Вася, ты меня уже достал со своими угрозами. Мне кажется, что вы сами сильнее боитесь этих оборотней, чем друг друга.

— Правильно. Потому что они страшнее. Во много раз, чем ты можешь себе представить. Камеры пыток во Франции и наши гребаные подвалы на Лубянке в тридцать седьмом — ничто по сравнению с тем, что могут сделать Инквизиторы.

Я смотрел на Веронику. Она не шевелилась, но в глазах ее явно читалось только одно.

Я почему-то сразу понял, что она знает — транстерминатор заряжен. А я не шучу. Я нахожусь на грани, балансирую над пропастью, стою лишь кончиками пальцев на тонкой проволоке, которая уже глубоко врезалась в кожу и вот-вот порвется, увлекая меня за собой в глубину безумия.

— Знаешь, Вася, я понял, почему вы воюете. Вас заставили. Пригрозили пытками и вечным пребыванием в Аду, или как он там у вас называется. А вы испугались как дети, которым папа угрожает ремнем. Вы ведь даже не подумали, что обрекаете себя на вечный страх. Страх нарушить правила... А еще знаете что? Вы ведь боитесь самой смерти! Я прав? За четыреста лет вы просто-напросто потеряли ту частичку души, которая не дает людям сходить с ума при мысли о том, что они умрут. Вы хотите просто жить вечно. И не представляете даже, что можете когда-то умереть. И это тоже заставляет вас сражаться друг с другом, как и тень Инквизиторов ваших! Черт, да вы просто кучка идиотов!

— Это ты идиот, Виталий! Не лезь в наш монастырь со своей моралью. — Вася наконец закончил работать на компьютере и тоже обернулся в мою сторону. Он выглядел слишком спокойным. Может, не подозревал о моем состоянии? Я же могу сейчас в него выстрелить! Я действительно понял, что сделать это мне ничего не стоит. Только нажать на гибкий и податливый курок...

— Это не мораль! Это факт человеческой жизни!

— Мы не люди, Виталик, — мягко поправил Василий, — не забывай, пожалуйста, об этом.

— Да, я знаю. Вы просто перестали быть людьми, когда согласились играть. Вы что, не понимали, во что ввязываетесь?! — я, не сдерживаясь, откровенно орал, уже не замечая, что дергаю транстерминатор из стороны в сторону, переводя взгляд с Вероники на Василия. Да они и вправду сумасшедшие!

— Прекрасно понимали. Людям, которые никогда в жизни не видели телевизора, не знали, что такое электрический свет, предлагали бессмертие! Понимаешь, Виталька?

— Хочешь сказать, что потом было поздно отказаться?

— Да.

— Но тогда почему вы каждые сто лет набираете себе новых людей? Вы просто не хотите останавливаться! Я же сказал — вы просто погрязли в своей вонючей жажде жизни!

— Не в этом дело... — попытался перебить Василий, но я не дал ему договорить. Я обратился в Веронике:

— А ты что же думаешь, что твоя попытка самоубийства — это подвиг? Да плевать все остальные ваши игроки на тебя хотели! Главное для них, чтобы ты не выдала свои секреты, которые могут привести и к их гибели тоже.

— То, что у тебя в руках оружие, не дает тебе права так оскорблять меня и моих друзей, — вновь произнес Василий. Вероника по-прежнему молчала, не сводя с меня глаз.

— А я не с тобой разговариваю. Я спрашиваю у нее... Отвечай же!

— Что отвечать?! — неожиданно вскрикнула она. — Ты ведь совсем ничего не понял из того, что видел. Неправильно осознал, за что мы боремся! У нас ведь тоже есть свои идеалы, стремление жить нормальной жизнью!

— И знать вечно, что какие-то существа могут запросто вломиться в твою жизнь? Так, что ли, мне это понимать?

— Не в этом суть, Виталик. Всего полчаса назад ты узнал, что все подвластно Создателям. Что мы не просто чудо природы, а специально созданные Богом существа. Возможно, что именно для этой Игры. Понимаешь? Это напугало тебя.

— И ты понял, что умрешь, — добавил Василий тихо. Совсем не понимая, что делаю, я перевел ствол транстерминатора на него. Сердце мое бешено колотилось, и тут только я осознал по-настоящему, насколько взвинчен. До какого предела дошел. И еще, что я не только зол на все, что происходит со мной, но и вправду напуган. Настолько сильно, что грань страха почти стерлась с гранью злости. Это и называется слепым безумием.

— Стоп! Не говорите больше ничего! — приказал я, мотая головой. Надо собраться. В

конце концов я вернулся не для того, чтобы разводить демагогию о том, что есть хорошо, а что плохо.

Мне ведь нужно совсем другое.

— Ты устал? — это Вероника. Преданно заглядывая в глаза. Я отвернулся, посмотрел на Василия. Он не двигался и не сводил с меня глаз. Ожидал, когда я приму решение, что с ними делать.

— Нет, я не устал. Прекрати постоянно создавать иллюзию, что я слаб и беспомощен. Ладно, у тебя есть день. ги, сила, бессмертие, но и я тоже не обезьяной родился. Думать своей головой умею.

— И что же ты надумал? — спросил Вася. Мне показалось, что он уже все понял. Ну и хрен с ним тогда.

— Ты говорил о жрецах, которые могут общаться с Создателями. Мне нужно поговорить хотя бы с одними из них.

— И что это тебе даст? — спросил Вася, поднимаясь наконец из своего кресла. Посмотрел на часы. — У тебя в запасе минут десять, а потом Исправители выйдут на твой след.

— А мне наплевать, — ответил я.

— С каких это пор тебе стало плевать? Час назад был испуган и подавлен. Ты хотел узнать только, зачем тебя преследуют. А теперь? Ты же на себя стал не похож. Дергаешь транстерминатор из стороны в сторону, как эпилептик. Скажи, для чего тебе надо разговаривать со жрецом?

Я задумался: отвечать или нет? Злость немного утихла.

— Не скажу. Твое дело отвести меня к нему, а дальше я постараюсь сам выпутаться из этой передраги.

Вася усмехнулся так, словно хотел сказать, что передрага — это еще очень слабо сказано.

— Так мы, получается, заложники?

— Получается, что так — ответил я. — Вам обоим придется пойти со мной.

— Что ж, у кого в руках оружие, тот, как говорится, и хозяин. — Вася встал. — Твоя затея глупа, но если ты сам хочешь умереть в мучениях, то это только твоя воля.

— Я вообще не хочу умирать.

Вероника на меня как-то странно посмотрела, и мне опять стало страшно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

К вокзалу мы подъехали спустя полчаса.

Солнце уже совсем вышло, но светило по-осеннему тускло и нежарко. Небо затянули серые тучи, и пробирал холодный ветерок. Все-таки осень — тут уж ничего не поделаешь.

У Васи я переоделся во все сухое, пошарив в его гардеробе. Вероника и хозяин дома сидели на диване, не предпринимая никаких попыток сопротивляться, и молча наблюдали за мной. И правильно, а то я не сказал бы сейчас с уверенностью, что не смог бы выстрелить в одного из них.

Дубинкой еще ладно, но не из транстерминатора. Оружие я сложил и спрятал под курткой.

Боб, лежащий перед будкой, проводил нас недовольным взглядом, словно ему совсем не нравилось оставаться одному и охранять ставший пустым дом.

На вокзале было не так уж илюдно. Люди обычно с неохотой отправляются в какую-нибудь поездку, да еще в такую рань. Если дела не очень срочные, то можно отложить свой отъезд на более поздний час. Но мы торопились.

Василий и Вероника шли чуть в стороне от меня. Я же старался по возможности не спускать с них глаз, хотя мне почему-то казалось, что они никуда убегать не собираются. Уж слишком спокойным выглядел Вася и чересчур безразличной к окружающему миру

Вероника. Она шла, глядя прямо перед собой, словно ничего не замечая!

— Нам до Краевской, — сказал Вася, когда мы подошли к кассам и остановились. Я не знал пока, куда мы вообще направляемся и к кому. Вася до этого ограничился лишь одним, сказав, что нам надо ехать на ближайший вокзал. Расспрашивать я не стал.

— У тебя хоть деньги есть?

— Если только в твоей одежде.

— На. Здесь на три билета хватит... — Он протянул мне приличную пачку рублей. — И можешь расслабиться, мы убежать не собираемся.

Я хотел спросить, с чего бы это вдруг, но промолчал и встал в конце небольшой очереди. Не хотят убежать, пускай. Это их личное дело. Мое дело лишь в том, чтобы он свели меня с одним из жрецов, а дальше...

А действительно, что будет дальше? Захочет он выслушать меня и помочь? Даже при условии, что я буду угрожать ему оружием? А если ему легче умереть, чем вообще открывать кому-нибудь секрет его общения приближенными Создателей? Интересные вопросы, но, к сожалению, ответов на них я не находил.

Передо мной какой-то дедушка тоже купил билет до Краевской. Обычный дедушка, не подозревающий ни чем. Приедет сейчас к своим родным, домой, ляжет смотреть телевизор или сядет за стол отмечать день рождения очередного внука. Да ему нет совсем никакого дела до Игры. Зачем она ему? Лучше жить спокойно и в неведении, чем вот так, как Вероника с Васей. И как у них нервы выдерживают? У меня вот уже совсем сдали...

Покупая билеты, я краем глаза заметил, как дедушка бодро подошел к моим пленным (как же их еще называть?) и завел с ними разговор. Несколько раз дедушка смотрел в мою сторону, и лицо его становилось все мрачнее и мрачнее.

Вот тебе и рождение внука. Тоже, небось, Игрок со стажем. И ведь не отличишь никак Игроков от людей. Дедушка — совсем как обычный человек. Наверное, они видят друг в друге то, чего мы, смертные, увидеть не можем. Надо будет поинтересоваться у Василия.

Купив билеты, я вернулся к троице разговаривающих. Они разом замолчали.

— Привет, — я слегка кивнул. — Вы тоже Игрок, как полагаю?

— А вы и есть тот самый отважный Виталий, полезший на Исправителей с дубинкой?

— Кто на кого полез, еще неизвестно, — ответил я. Мягкий и спокойный голос дедушки не предвещал никакой опасности с его стороны. Игроки, судя по всему, предпочитают не применять силу. Разве что в крайнем случае. Да и никакой особенной опасности, судя по реакции Василия и спокойствию дедушки, я для них не представлял.

— Меня зовут Евгений Валерьевич, — произнес старик, протягивая руку, которую я пожал, — именно так, потому что вы еще слишком молоды, чтобы называть меня только по имени. До поезда еще почти полчаса. Присядем?

Никто не возражал. Мы прошли в зал ожидания и заняли свободную скамейку. Людей было по-прежнему немного. За окном начал накрапывать тихий слепой дождик.

— Транстерминатор в куртке? — поинтересовался Евгений Валерьевич и, когда я кивнул, добавил: — Никогда не видел настоящих транстерминаторов. Представляете, двести с хвостиком лет живу, а с оружием сталкивался лишь на войнах.

Заметив мое удивление, он поспешил пояснить:

— Все дело в том, что я работаю в службе поиска выявления потенциальных Игроков. Работа не из сложных, хоть и опасная... раз в сто лет, — он засмеялся кашляющим смехом глубокого старика. — А об оружии знаю только понаслышке. Когда правила учили, нам показывали, еще иногда новинки приносят, а так... мне даже именного пистолета не положено.

— Почему? — скорее из вежливости, чем из любопытства поинтересовался я.

— А кому я нужен? Сiju себе почти целый век, выхожу лишь в самом конце столетия, чтобы подыскать новых игроков. Я не воюю. Можно сказать, что и не играю толком. Разве только денег много.

— А дар?

— Дар тоже имеется. Могу видеть в человеке, болен он или нет. Самое, как говорится, необходимое для того, чтобы узнавать людей. Подходят они для нашей Игры или нет.

— Хорошенькое дельце. Прямо как вербовщик кадров для КГБ.

Евгений Валерьевич чуть заметно улыбнулся. В его глазах под густыми бровями ясно говорилось, что и это было. А как же еще людей вербовать, как не под личиной агента государственной безопасности? Или, как он там назывался, сейчас уже и не вспомнить... и ведь шли за ним люди. Да и сейчас идут. Вон, Вероника говорила, что почти семьдесят человек завербовали в начале двадцать первого столетия. Вот только не все выдерживают или хотят принимать Игру. Тридцать все-таки отказались, потом еще несколько сами ушли. Не захотели они богатства, дара бессмертия в обмен на то, чтобы развлекать живущих где-то в сером небе Создателей.

— И все-таки классно вы Исправителей... дубинкой. — Евгений Валерьевич по-детски восхищенно стукнул меня кулачком в плечо. — Эх, были б мои годы, я бы, может, всех сумеречных игроков в одиночку, как Рембо, в лесу бы вырезал... — Он мечтательно закрыл глаза и откинулся на спинку скамейки. — Вы не подумайте, я не жестокий. Просто пожить спокойно хочется. Хоть и не вечно, но хотя бы самую малость. Приключение, конечно, интересное, что ни говори, но иногда так тянет вновь стать обычным, нормальным человеком. И дернул черт в мои-то пятьдесят четыре ввязаться в подобное! А ведь полез, как младенец. Толком правил не изучил, а уже рвался подвиги совершать.

— Женя, перестань, — сказала Вероника. — Виталик и так читал нам мораль час назад, теперь еще и ты.

— Это не мораль, это мой личный взгляд на жизнь. Мысли вслух, если хотите. Кстати, вы не знаете, конференцию собирают из-за Виталика или нет?

— Какую конференцию? — удивился я. Василий и Вероника переглянулись, недовольно нахмурившись. Оба тотчас перевели испепеляющий взгляд на старичка.

— Ой, я, кажется, лишнее ляпнул, — произнес Евгений Валерьевич тихо.

— Лучше бы ты молчал совсем, — ответил Вася.

— Так что за конференция? Вася глубоко вздохнул:

— Вообще-то, тебе не положено знать. Это дело только игроков Зари и больше ничье.

— И все-таки меня съедает любопытство.

— Всех съедало в свое время, — Вася улыбнулся, давая понять, что разговор окончен.

Интересно, что бы они могли скрывать? Хотя я ведь действительно для них лишний. Всего лишь очередной смертный, которого и живым-то они могут завтра утром не увидеть. Так, пустышка, про которую потом будут говорить: «А вот он был восемнадцатым! И, представляете, попытался взять Васю и Веронику в заложники! Да еще с чем! С транстерминатором!» Черт, но любопытно все-таки, что за конференция! Вероятно, кто-то собирает Игроков в одном городе, чтобы обсудить кое-какие проблемы. Может, и вправду создавшуюся со мной ситуацию? Но нет. Я слишком мелкая фигура, тем более что, как и говорила Вероника, их правила запрещают Игрокам вмешиваться между мной и Исправителями. Тогда что-то другое. Может, просто хотят подсчитать свои силы, имеющиеся в городе? Или разработать новый план борьбы? Или кофе попить с тортом, отмечая чье-нибудь пятистолетие! Как-никак полтысячелетия — это большой праздник.

Я усмехнулся. Что за дурацкие мысли лезут в голову? Разве наша Московская Дума не собирается каждый день? Вот и у них так же. Ничего особенного. Что-то решают, обсуждают, исправляют, выносят на голосование — вот и все. Ведь верно? Как ни убеждал я себя, глубине сознания мне все же упорно казалось, что в Краевском затевается что-то не то. Или у меня в связи со всем, что произошло за последние сутки, начала очень быстро развиваться шизофрения или какая там еще ее мания?

— Вот ведь скрытники! — прошептал мне на ухо Евгений Валерьевич. Я даже не успел заметить, как он пересел ближе ко мне. Его старческое лицо находилось всего в нескольких сантиметрах от моих глаз, и я смог разглядеть каждую морщинку на нем, вплоть до крошечных трещинок на губах. Евгений Валерьевич заговорщицки подмигнул:

— Тебе же, Виталька, все равно, ты и так умрешь...

— С чего вы взяли?

— Ну, в этом, поверь мне, сомневаться не приходится! За двести лет я многое повидал. Но чтобы нарушивший правила не-игрок выжил? Ни за что!

— Вы меня «обрадовали», — честно признался я.

— Виталик! Я, конечно, уважаю твое стремление бороться, и то, что ты задумал, может, и продлит тебе жизнь, но ненадолго. Как только Исправители наткнутся на твой след, они опять нападут, а потом еще и еще, пока, наконец, все не завершится для них успехом. Понимаешь, у тебя впереди всего лишь жизнь, а у них — вечность. Убегать вечно ты не сможешь. Я прав?

Я кивнул. Да, он действительно прав.

Ну и что с того? Это моя жизнь, и я решаю, что с ней делать... не это ли говорила мне Вероника в подземке, когда я вытащил ее из-под надвигающегося ураганом аэрокатера? Я начинаю противоречить сам себе.

— К чему вы завели этот разговор?

— Просто так. Мне немного жаль тебя, поверь. А Вероника с Васей не прожили так много обычной жизни, чтобы стать мудрыми. Их сила немного затмила им глаза и научила чересчур высокомерно относиться к смертным. Если Вероника еще и принимает тебя за человека, то Вася уже нет. Для него ты...

— Да-да, я знаю. Ходячий труп. Вы ведь это хотели сказать?

— Точно. Для него ты — труп и ничего больше. А зачем трупу что-то объяснять?

Я вспомнил, как Вася отговаривал меня ехать к нему, а потом с явной неохотой показал мне историю создания их Игры. Он ведь и правда считает, что вся эта информация мне ни к чему.

Но ведь обладание информацией — это жизнь. А значит, я все еще жив!

Евгений Валерьевич слегка отклонился в сторону:

— Знаешь, почему они пошли за тобой?

— Потому что я мог их убить.

— Нет. Совсем не так ты мыслишь. — Старичок едва заметно улыбнулся, — Твой транстерминатор по сравнению с силой, которой обладает Василий, как игрушечный пистолет против танка. Уверенности придает, а толку, сам понимаешь, никакого.

Это интересно.

— Ну, и что же тогда их заставило приехать?

— Веронику с Васей вызвали на конференцию. Какой-то очень срочный слет всех игроков Зари ближайших городов. Для чего и почему никто не сказал. Дал понять только, что жрецу было видение, из-за которого нас всех и собирают. А тебя взяли за компанию. А еще, Евгений Валерьевич скорчил таинственную гримасу, мне кажется, что это все из-за тебя! Поэтому Вася и позволил тебе поехать.

Это тогда что же получается? Не я их в заложники, они меня? «Позволил тебе поехать» — это прозвучало и уст старичка, словно «Его Величество соизволили отпустить».

— То есть весь тот спектакль, который они разыгрывали передо мной у Васи на квартире, был ничем?

— Не знаю, что у вас там произошло у Васи на квартире, но дела обстоят так, как я тебе сказал.

Я коротко кивнул и прислонился к спинке лавочки размышляя.

Через двадцать минут Вася вдруг четко и громко сказал:

— Вот черт!

— Что? — задремавшая Вероника, открыв глаза, первым делом посмотрела в мою сторону.

Может, надеялась, что это Исправители пришли. Потом уставилась в ту сторону, куда смотрел и Вася, Евгений Валерьевич, кстати, тоже.

Смотрели они на центральный вход вокзала. Там, как и обычно, входили и выходили

люди.

Группками и по одному. С детьми и без. Ничего странного я не заметил, но вот лица всех троих игроков выдавали, что они вдруг увидели что-то не очень приятное.

— Сколько их? — спросила Вероника. — Четверо?

— Пятеро, — поправил Вася, — еще один в спортивной куртке. Идет к кассе. Видишь? Вероника коротко кивнула.

О чем это они говорят? Я поискал глазами человека в спортивной куртке и увидел около касс сразу троих. Ничего необычного в них не наблюдалось.

Один — крепенький и низкорослый с короткой прической «под площадку». Другой похож на самого Васю, такой же молодой и с такой же копной волос.

Третий и вовсе был стариком. Для чего он напялил яркую куртку с эмблемами «Кока-колы» на груди и спине, оставалось для меня непонятным.

— Черт, ну надо было именно в тот момент, когда подходит наш поезд, — пробормотал Евгений Валерьевич. На лице его читалась тревога. А возможно, и страх, потому что он как-то чересчур нервно озирался по сторонам, выискивая кого-то глазами. — Вы уверены, что их только пятеро?

— Я больше никого не вижу, — ответила Вероника, оглядывая зал.

— Я тоже. — Вася продолжал наблюдать за кучкой людей, стоящих около выхода на платформу.

Четверо из них, за исключением человека в спортивной куртке, чем-то сильно встревожили моих невольных друзей.

— Что происходит-то?

— Сумеречные игроки, — ответил Евгений Валерьевич, не оборачиваясь, — пять человек. Слава Создателю, они нас пока не заметили.

Ого! Так вот что их встревожило!

Я вновь посмотрел на толпу ожидающих, но ни в ком ничего необычного не заметил. Люди как люди, каких много. Но ведь и Веронику не отличишь от обыкновенных.

— А как вы их видите?

— Это же элементарно. В каждом своде правил написано, что у сумеречных игроков нет обратной стороны глаза, — нервно ответил Евгений Валерьевич.

— И что?

— И все. Разве этого недостаточно?

— Признаться, нет.

Евгений Валерьевич оторвал взгляд от ожидающих и посмотрел на меня:

— Виталик, извини, конечно, но вот это уже точно не твое дело. Хватит и того, что ты натворил в подземке.

— А что я там натворил, — обиженно пробормотал я и отвернулся, чтобы понаблюдать за людьми в спортивных куртках около касс. Одного из них уже не было. Остались старичок и крепкий мужчина, который как раз на спортсмена и походил. Я посмотрел на Веронику и заметил, что она тоже наблюдает за кассами. Значит, игрок сумерек один из них.

Но кто?

Странный вопрос! Конечно же, тот, у которого нет обратной стороны глаз. Интересно, и как это определить? Может, у них будут такие же глаза, как и у недавних оборотней?

Нет, у обоих глаза, по крайней мере с виду, были нормальные.

Тогда, в чем же дело?

Подумав, я все же решил, что сумеречный игрок — это старик. Если спортивный мужик был таким, каких валом в нашем городе, то старичок все-таки отличался от остальных тем, что напялил на костлявую фигурку новую спортивную куртку.

Да и зачем мне гадать. Вероника и Вася сами разберутся. А вот Евгений Валерьевич вряд ли полезет. Он же оружия никогда не видел, что говорить о битве с игроками.

Мысль о том, что, возможно, сейчас может возникнуть схватка, охватила меня целиком. Но я вдруг вспомнил, что у них же есть свои правила. А значит, они будут

сражаться, не привлекая внимания. Где-нибудь на крыше поезда... Захватывающее будет зрелище, ничего не скажешь.

— Спортивная куртка отделился от касс и направляется к остальным, — словно отпаровала Вероника. — Других сумеречных игроков по-прежнему не видно.

Крепенький мужик и старик пошли к ожидающим около выхода на перрон людям одновременно, так и не дав мне выяснить, кто из них на самом деле игрок.

— Что делать будем? — поинтересовался Евгений Валерьевич.

— Тут все ясно. Согласно правилам, если они нас не заметили, мы можем вообще не ввязываться с ними в битву. Поэтому предлагаю сесть в поезд и ни о чем не беспокоиться.

— А если вдруг они нас увидят? Вася пожал плечами:

— Придется давать бой.

Судя по всему, подобные слова не успокоили Евгения Валерьевича. Он нахмурился и, посмотрев в мою сторону, сказал:

— Вот так, Виталя. А ты думал, что мы только взглядом испепелять умеем?

— А откуда вы узнали?

— О чем?

— Закроем тему, — пожал плечами я, — Евгений Валерьевич, а вас они как могут узнать?

— Так же. — Евгений Валерьевич загадочно улыбнулся и нагнулся к самому моему лицу. Своими глазами напротив моих. — Загляни в них.

— Зачем?

— Не бойся. Здесь ничего опасного нет. Просто загляни в зрачки. Вернее, за зрачки.

Я заглянул и неожиданно почувствовал, как сухой комок резко подкатился к горлу.

За зрачками не было ничего, кроме хорошо просматриваемой пульсирующей массы, покрытой слизью, тонкими жилками и сетью сосудов.

Это был мозг. Мозг Евгения Валерьевича.

Только что-то в нем было не то. Необычным он бы что-то неуловимое в нем отличало его, словно в нем был частичка чьего-то другого мира. Мира Создателей, наверное...

— Г-господи, — выдал я, сглатывая и отводя глаза, за что же это с вами сотворили?

— А ничего особенного нет. Жить нам это не мешает, а для работы даже полезно. Зрение, к примеру, не портится.

— Да вы и не стареете. — На мгновение я забыл и Исправителей и о сумеречных игроках, стоявших всего в нескольких десятках метров от нас. Перед глазами сто ял только серый пульсирующий комок. Переплетение мыслей и информации, нервов и сосудов, души и тела..

Совсем не такой, каким нам его показывают во многих фильмах и познавательных передачах. В нем был что-то мрачное. Словно говорящее о том, что вот он маленький комочек — и есть центр всей твоей жизни. Даже не душа, не тело и не Создатели, думающие, что управляют людьми будто марионетками, а именно мозг составляет главную часть в человеке. Он управляет больше никто. И Вероника с Василием и многими подобными игроками подчиняются совсем не Создателя и они сами загнали себя в эту ловушку — убеждение, что они — ничто. У них просто исчезло осознание того, что они сами властелины своего разума.

Да ведь все они действительно марионетки и больше никто.

— Сильное впечатление, не правда ли? — Голос Евгения Валерьевича вывел меня из транса, и я вновь увидел его перед собой. Пульсирующая масса перед глазами вмиг растворилась.

Я кивнул:

— Никогда не видел ничего подобного. Это было так...

так...

— Никто и не может объяснить, что он чувствует, когда впервые видит живой мозг за

зрчком. Это не такой мозг, какой он есть на самом деле. Это — истинный.

— Что вы имеете в виду?

— Долго объяснять, — неожиданно резко сказал Валерий Евгеньевич, — да тебе это и не нужно, ты же не собираешься становиться игроком.

— За последние два часа я только и слышу ото всех, что мне то не нужно, это не нужно. А зачем тогда надо было мне обо всем рассказывать? Вытаскивать меня из подземки?

— Сначала я думала помочь тебе, — вдруг отозвалась Вероника. Она по-прежнему наблюдала за пассажирами, ожидающими поезд, — а потом ты и сам захотел все узнать. Я, дура, думала, что все-таки что-то изменится, и ты останешься живой, а оказалось, что все идет как обычно.

— Великолепно, — пробормотал я. Больше говорить на эту тему мне не хотелось. Я вдруг почувствовал, что слишком устал задавать вопросы, на которые все равно не получу ответа.

Где-то вдалеке пронзительно загудел гудок. Женский голос объявил, что подъезжает электропоезд маршрутом до Краевского. Люди оживились и стали толкаться в дверях, выходя на перрон. Мы, не сговариваясь, разом встали с лавочки, и Вася озабоченно сказал:

— Похоже, они собираются ехать в нашем поезде. И, помолчав, добавил то, что никто из нас не хотел услышать: — Нас заметили!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Странное дело — только сейчас я заметил, как иногда на вокзале бывает людно. Из подъехавшего поезд вмиг высыпались торопящиеся, озабоченные, радостны пассажиры, а их уже заталкивали обратно те, кто хотел уехать.

Давненько я не был на вокзале и порядком отвык от подобных вещей. Вероника, Вася и Евгений Валерьевич направились в сторону вагона, а я, немного растерявшись, отстал. Когда догнал, проталкиваясь сквозь плотную толпу, они уже поднимались по ступенькам вверх.

Мы забрались в вагон. Миновали широкий кристаллический экран, по которому всю поездку будут или клипы крутить, или транслировать какой-нибудь телеканал, и уселись в мягкие кресла.

Евгений Валерьевич зажал меня около окна, а Вероника с Васей сели друг напротив друга, всматриваясь проход, по которому вереницей шли люди.

— Как не хочется влезать в разборки, — со вздохом сказал Евгений Валерьевич. Я молча смотрел из окна на перрон. Крепенький мужик ушел к первым вагонам, исчезнув из вида, а старичок в спортивной куртке приближался к нашему вагону. Шел он один, скорее всего и не игрок Сумерек. Они ведь ходят только... стаями? Или нет? Что я о них знаю, чтобы делать какие-то предположения, если я даже не знаю, когда за мной вновь придут Исправители.

От этой мысли я почувствовал, как на затылке медленно поднимаются волосы. Только бы не сейчас. Я все еще жутко хочу жить. Может, они и не найдут меня до того момента, как я поговорю со жрецом. А там видно будет... Но только не сейчас. Мне нужно время!

Старичок показался в проходе. Он шел неторопливо, сжимая в руках сумку, и выискивал свободное место. На секунду встретился взглядом с Вероникой, потом отвел глаза и, как ни в чем не бывало, прошел мимо.

— О чем задумался? — Евгений Валерьевич ткнул меня под ребра локтем, неловко поворачиваясь в кресле — Не бойсь, тебя они не тронут. Это только наше дело. А вот меня, пожалуй, и покромсают как следует.

— Вы о чем? — Я мало что услышал из сказанного, думая о своем.

— Убьют меня, говорю, безо всякого сожаления! Мне-то, правда, себя не жалко, а вот за Веронику обидно. Информации в ней сейчас столько, что она как бомба замедленного действия. Если попадетсЯ, то всем игрокам Зари достанется! Выживут, как известно, немногие.

Тут только до меня дошел смысл сказанного стариком. Я посмотрел на него, и он увидел в моих глазах нечто такое, что заставило его посмотреть куда-то в другую сторону.

— Да вы понимаете, что сейчас сказали? — выпалил я. Евгений Валерьевич пожал плечами:

— А что я сказал?

— Да вы же как звери. Вам не Веронику жалко, а то, что она может выдать информацию. За ее жизнь разве беспокоиться не надо?

— А что за нее беспокоиться? Веронике, дай бог памяти, триста с лишним лет. Она, если хочешь знать, старше меня. Старше Васи тем более.

Не найдя слов, я просто махнул рукой и вновь отвернулся к окну. Что им доказывать, если у них даже мозг не такой, как у всех обычных людей?

Поезд дрогнул и тронулся. Волнение в вагоне постепенно утихло. Все расселись и занялись своими делами! Свет чуть потускнел, и зажегся экран. Действительно — транслировали новости по какому-то каналу.

Мне было неинтересно. Что в них толку, если я даже не знаю, сумею ли доехать целым и невредимым до Краевского? Может, ни Вероника, ни Вася, ни Евгений Валерьевич тоже не доедут. Тогда кто мне скажет, к комм обращаться? Где там жрец? Не буду же я заглядывать каждому встречному в глаза.

Спустя минут двадцать, когда я задремал, уткнувшись подбородком в прохладный овал окна, Вероника с Васей неожиданно резко поднялись и неторопливо пошли между рядами в сторону экрана. Обогнули его и скрылись в тамбуре.

С чего бы это? Я тут же открыл глаза, провожая их взглядом.

— Они его заметили, — сказал Евгений Валерьевич, перехватив мой взгляд. — Вероника с Васей увидели одного из сумеречных игроков. Сейчас они объяснят ему правила.

— То есть... они его убьют?

Евгений Валерьевич непонятно хмыкнул, но ничего не ответил.

— Тогда разрешите, я выйду.

— Зачем?

Я молча встал и протиснулся мимо Евгения Валерьевича в проход между рядами.

— Виталик, это совсем не твое дело, ну сколько тебе повторять? — чересчур равнодушно и как-то устало произнес Евгений Валерьевич, но я уже повернулся к нему спиной и пошел в сторону тамбура, где только что исчезли Вероника с Васей.

Непонятно, что они хотят сделать, но я намерен был им помешать. Даже не знаю почему.

Наверное, я просто не хотел больше ничьих смертей. Тех двух оборотней и Генки мне было достаточно. Пускай «разбираются между собой на здоровье, но только, когда меня не будет рядом.

В тамбуре между вагонами было темно и сыро. Сквозь несколько широких щелей в железном полу со свистом врывался холодный ветер. Широко распахнув дверь, я несколько мгновений держал ее открытой, привыкая к темноте...

Вероника, Вася и старик в спортивном костюме стояли чуть правее двери и выглядели пассажирами, вышедшими покурить. Вот только сигарет ни у кого не наблюдалось.

— Какого... что ты здесь делаешь?! — крик Васи перешел в тихий угрожающий шепот, и он сделал шаг в мою сторону. Я тоже ступил к нему, закрывая за собой дверь.

— Не стоит, — Вероника встала между нами, вытянув руки, — не хватало еще, чтобы вы подрались между собой. Вася, хватит и того, что мы на ourselves на сумеречных. — Она холодно посмотрела на меня своими бездонными глазами. — Зачем пришел?

— Пришел посмотреть, что вы собираетесь сотворить со стариком.

— Со стариком? — Вася вдруг резко развернулся на каблуках, вскинул руку, и старика не стало.

Какая-то серая тень слетела с него, растворившись в воздухе, словно вуаль, и на его месте обнаружился молодой человек. Совсем не сутулый, с короткой прической и легкой

светлой щетинкой на подбородке. Глаза, маленькие и злые (вот что меня вдруг затронуло — они были действительно злыми), перебегали от меня к Веронике, от Вероники к Василию и снова ко мне. Чуть подрагивали веки, словно от нервного тика, а может, и от адской боли. Он молчал, но я и так понял, что в данный момент он хочет во что бы то ни стало вырваться отсюда. Выскочить из тамбура и убежать. Все в нем — и плотно стиснутые зубы, и дергающиеся глаза, и поза, в которой он сто ял, вытянув руки по швам и согнувшись в три погибели, словно хотел дотянуться носом до колен — все говорил о том, что сейчас он чувствует себя подобно загнанному в ловушку зверю. Таковым он, наверное, сейчас и являлся. Вероника с Василием явно превосходили его силой.

— И вот это старик? — с сарказмом спросил Вася вновь поворачиваясь в мою сторону. Глаза его слегка светились в полумраке. — Виталик, прошу тебя, не лезь туда, в чем ты не разбираешься.

— А я все-таки попробую, — упрямо сказал я. — Не люблю, когда в моем присутствии калечат людей.

— Сам только любишь?

— И сам не люблю, но приходится. — Я плавно вынул из куртки транстерминатор. — Объясни, за что ты собираешься его убить.

— Убить? Что ты выдумываешь? Мы убиваем только в очень редких случаях. Сейчас нам просто надо узнать от него кое-что. Верно, Николай Николаич?

Молодой человек содрогнулся, словно от удара током. По телу его пробежала рябь, как по воде во время легкого ветра, и он через силу кивнул.

— Ему трудно отвечать. Он, как бы сказать, загипнотизирован, — пояснил Вася. — Что еще хочешь узнать?

Я чуть опустил транстерминатор.

— Для чего вам это нужно?

— Как обычно, — пожал плечами Вася, — мы хотим узнать, куда они едут и для чего. А еще, сможем ли мы остановить их до приезда.

— То есть убить?

— Вот здесь ты прав. Если эти сумеречные игрок несут какую-то важную информацию, то мы их убьем.

— Или они убьют нас, — добавила вдруг Вероника. Таковы правила, Виталия.

— Хорошие правила. — Я опустил транстерминатор и вновь засунул его под куртку, вдруг почувствовав внутри какую-то опустошенность. Раньше я не знал, как это бывает, когда вдруг не чувствуешь в душе ничего, кроме усталости. Теперь знаю. Мне уже не хотелось задавать никаких вопросов. Для Чего? Все равно этих бессмертных и тупых игроков не переубедить.

Оставь свои глупые попытки сделать это и постарайся выжить сам.

Вот именно — выжить самому. Пусть это будет главной целью на ближайшее время. А там посмотрим.

Вася, потеряв ко мне всякий интерес, вновь повернулся к Николаю Николаевичу и тихо заговорил с ним, склонившись над скорченной фигуркой, как коршун над добычей. Вероника смотрела на меня, но не проронила ни слова. Я и так понимал, что вдруг стал для нее лишним и совсем не таким, каким она хотела бы меня видеть.

— Извини, что не оправдал ожиданий, — пробормотал я.

Вероника едва заметно кивнула:

— Ты все делаешь правильно, Виталик. Я бы на твоём месте поступила точно так же. Может, чуть-чуть по-иному.

— Не стала бы хвататься за оружие?

— Наоборот. Уничтожила бы всех к чертовой матери и стала бы жить спокойно. — Холодные глубокие глаза снова смотрели в мои, и я снова не выдержал этого взгляда и отвернулся.

Вася вдруг замахнулся и с силой ударил кулаком Николая по челюсти. Сухо клацнули

зубы, и голова человека дернулась.

— С-сволочь, — процедил Вася. Повернулся. Не глядя в мою сторону, пробормотал Веронике: — Очень плохие новости. Они собираются дать нам бой на ближайшей остановке.

— Сколько их? — спросила Вероника.

— Пока не знаю. Много. — Вася вновь обернулся Николаю, и я заметил, что кулак его, отведенный чуть назад, весь в крови.

Вот они — современные способы получения информации.

Я развернулся и вышел из тамбура. Евгений Валерьевич сидел около окна и смотрел новости.

— Насмотрелся? — поинтересовался он тихо, когда я устало упал рядом. — Мне их способы тоже не нравятся, но что поделаешь? У каждого своя работа. Верно ведь?

— Верно, — подтвердил я, хотя был с этим совсем не согласен.

Легкий толчок.

Скрежет останавливающегося поезда. И я проснулся.

Словно вовсе и не спал. Открыл глаза, выныривая из тихо шептавшей что-то на ухо темноты, и уставился в окне

Какая-то безлюдная и тихая станция. Кирпичное двухэтажное здание с широкими дверьми.

Вокруг — аллея молодых елей. Чуть в стороне — дорога и спуск в подземку.

— Куда это мы приехали? — спросил я, поворачиваясь к Евгению Валерьевичу.

Старика не было. Места Васи и Вероники пустовал. Куда они делись? Вышли освежиться? Или нашли еще одного сумеречного и теперь стоят в тамбуре, вытаскивая из него информацию?

Я не знал, сколько проспал, но, судя по всему, — долго. Солнце уже стояло высоко.

Стоп. В памяти вдруг всплыли слова Васи: „Они собираются дать нам бой на ближайшей остановке“.

Кажется, началось. Я вздрогнул. Не может быть! Еще ведь слишком рано! Почему?

Я резко вскочил и бросился к выходу. Где же они могут быть?

Выбежал на свежий воздух и остановился на аллее, оглядываясь. Поблизости никого из них не было. Несколько пассажиров направлялись к поезду со стороны вокзала. Да они могли куда угодно пойти! Хотя бы в подземку!

Действительно, около подземки творилось что-то странное. Несколько милицейских машин выстроились в ряд около лестницы, ведущей под землю. Милиционеры с угрюмыми лицами отгоняли всех, кто хотел приблизиться.

Неожиданно воздух прорезал резкий голос: „Внимание! Уважаемые пассажиры! Ввиду сложившейся критической обстановки в подземном метро и опасности, угрожающей жизням, все рейсы подземных электропоездов будут временно приостановлены, ориентировочно на два с половиной часа...“ А затем я увидел Веронику.

Она вышла из-за поворота и торопливо направилась в сторону подземки. Возле нее неожиданно возник Евгений Валерьевич и пошел рядом, что-то втолковывая и размахивая руками.

Что происходит?

Потом об этом подумаю. А пока я бегом пересек аллею и нагнал их около самого милицейского кордона.

— Стойте. — Я остановился. Они тоже. Вероника как-то задумчиво осмотрела меня с ног до головы. — Вы куда?

Или забыли, что вы у меня в заложниках?

— Не до шуток сейчас, Виталик, — сказал Евгений Валерьевич.

— Почему же? Я понимаю, что вы совсем не ставите меня в расчет. Но могли бы хоть предупредить.

— Ты с транстерминатором обращаться умеешь? неожиданно спросила Вероника.

— Умею, — соврал я. А действительно, что там сложного? Курок я видел, с

предохранителя снял.

Осталось только стрелять. Вероника со стариком переглянулись.

— Ты все еще хочешь поговорить со жрецом? К чему это она клонит?

— Ясное дело. А что происходит?

— Пошли. — Евгений Валерьевич плавно взял м под локоть, и мы прошли мимо мрачного милиционера, равнодушно смотревшего куда-то за мою спину. Я не сопротивлялся. Видно, и вправду что-то важное. Очень серьезным выглядел Евгений Валерьевич. Обогнули машины и направились к лестнице, ведущей в метро.

Вокруг вдруг сразу стало тихо, словно за этими шинами резко оборвался весь внешний мир.

А еще было совсем безлюдно. Никого. Ни милиции, ни каких-нибудь рабочих, ни других людей.

Вообще никого. Кроме меня, Вероники и Евгения Валерьевича.

— Слушай внимательно, — тихо заговорила Вероника, — если мы выберемся из подземки, я сама отведу тебя к жрецу и упрошу его поговорить с тобой обо всем, о чём только пожелаешь.

— С чего это вдруг?

— Сейчас нам предстоит сражение с семью сумеречными игроками. Согласно правилам, те, кто первым объявляет битву, определяют место и способ сражения, сумеречные выбрали это метро. Биться будем насмерть с нашей стороны и с захватом в плен с их. То есть имеем право только убивать сумеречных, а они имеют право только взять нас в окружение и захватить. Ясно?

— Чего же тут неясного? — буркнул я.

— Если мы, зайдя сейчас в метро, сумеем оттуда выбраться, то они уже ничего не смогут сделать. Но, мне кажется, это будет очень трудно.

— Против семерых? Невозможно. — Евгений Валерьевич скривился. — Я биться вообще не умею. Виталик растеряется. Он же в первый раз. Остаетесь только вы с Васей. С семерыми вам не справиться.

— Но не сдаваться же?

— Верно, — добавил я. — А милиция откуда? И... это... сложившаяся критическая ситуация?

— Все прикрытия обеспечивают сумеречные. Ведь это они нас вызвали на бой, а не мы их. Вот и влип, что называется.

— А если меня возьмут в плен?

— Зачем ты им нужен? Отдадут Исправителям, и дело с концом.

Мы спустились в самый низ. Вид метро живо напомнил мне события прошлой ночи.

Те же тусклые, зеленоватые лампы. Те же пустые пластиковые стулья вдоль стен. Закрытые окошечки касс. Только рельсы не исчезали где-то в глубине, а находились здесь, на поверхности. Ведь здесь же ездили не аэрокатера, а обычные электрички. Их сейчас немного осталось, и поговаривали, что собираются вообще закрыть и переделывать все пути под аэрокатера. Но это дорого, да и аэрокатеры слишком часто попадают в аварии. Наверное, поэтому электрички все еще и ходят.

— Нравится вы мне, — пробормотал я. — Как вам помочь, так обязательно, а чтобы мне...

— Мы тебя и не хотели брать. Ты сам пришел, — сказала Вероника. Голос ее гулко отразился от кафельных стен. — Я только предложила, а твое дело соглашаться или нет.

— Не в моем характере отказываться. Тем более что и от этого тоже зависит моя жизнь. Как я без вас найду жрецов и тем более поговорю с ними?

— Вот видишь. Мы взаимосвязаны. Ты помогаем нам, мы помогаем тебе.

— Меня вот только одно удивило, — произнес я, — Почему никто из милиционеров не обратил внимания на то, что с двумя игроками вдруг прошел человек? Как она смогли пропустить не игрока?

Вероника пожала плечами.

Мы зашли за кассы, и я тотчас увидел Васю. Он смотрел на меня.

В руках его был еще один транстерминатор. С глушителем.

— Зачем приперся? — спросил Вася, когда мы подошли. Он был мрачен, каким я его еще не видел.

— Помочь, — ответил я. — Вася, давай оставим все рассуждения на тему „Ты бессмертный, а я нет“ на потом. Думаю, сейчас лучше позаботиться о том, чтобы выбраться из метро всем четверым и продолжить поездку.

— Согласен, — Вася коротко кивнул и выудил из куртки небольшой пистолет. Такой же, какой был у Максима. Протянул его Евгению Валерьевичу. — Вы знаете, что нужно делать. Стреляйте во всех движущихся людей. Тут кроме игроков... и тебя, Виталя, никого больше нет. Не бойтесь, что застрелите кого-то лишнего. Их всего семеро, так что долго битва продолжаться не будет. Либо они схватят нас, либо мы положим всех их. Отлично поняли?

Все кивнули. Наверное, именно в этот момент я понял, что все это совсем не игра. Хотя они ее так и называют, но самая настоящая война. Скрытая от всех людей.

Партизанская.

Кровожадная и беспощадная.

Чуть в стороне раздались громкие, торопливые шаги, эхом отражающиеся от стен. Спускались с лестницы.

Сумеречные! Больше некому.

Вася вскинул транстерминатор и отступил на несколько шагов к стене. Я вытащил свой и замер.

Что делать? Просто беспорядочно палить? Не выйдет. Здесь, чтобы выжить, нужно придумать что-то получше.

— Ну, сейчас завертится, — прошептал Евгений Валерьевич. Его тонкие белые волосы прилипли к вспотевшему лбу. Пистолет в руке мелко задрожал.

Я посмотрел на Веронику. Она тоже вынула пистолет неизвестной мне марки и отступила в тень.

Шаги приближались.

Вот из-за угла показался первый силуэт. Лишь на секунду я успел заметить, что в руке он сжимает какое-то оружие, а потом выстрел из транстерминатора оглушил меня!

Яркий огненный луч, порвав полумрак метро, разбил вдребезги кусок угла, отбросив первого сумеречного игрока на пол. Он, кувыркаясь, исчез в облаке пыли и осколков.

Вася спокойно ждал, когда появятся остальные. И завертелось!

Следующий вынырнул чуть позади Вероники. Совершенно бесшумно, и я увидел его, только когда девушка выстрелила. Она, правда, не попала, но игрок отскочил в сторону и, перебежав через все открытое пространство, исчез за поворотом.

А потом они выскочили все вместе!

Я ничего не успел сообразить, как метро вдруг наполнил грохот выстрелов, свист пуль и тонкие лучи транстерминатора, разбивающие кафельные стены в крошку.

Я уже не видел, куда бежать и где прятаться! Стрелял наугад, напрочь забыв о том, что собирался действовать по плану, во все, что выныривало из мрака и вновь исчезало в нем.

Кто-то дико и пронзительно закричал, перекрывая даже шум выстрелов, но крик быстро стих.

Господи, пусть это будет кто-то не из моих! Мне ведь надо выжить! И не только здесь, в метро, но и там, в настоящей жизни!

Над головой звонко лопнула лампа, и уже за спиной на пол посыпались мелкие осколки.

Пробежав несколько метров, я вдруг вынырнул из тумана пыли и увидел, что бегу прямо к железнодорожной полосе.

Вот черт! Среагировать я не успел! Споткнулся о рельс и упал поперек, роняя

транстерминатор. Кожаный ремень шок оружия больно ударил по руке.

Совсем рядом кто-то заорал: „Левее давай!! Они могут быть около касс!!“, и из тумана на меня выскочил молодой человек с автоматом Калашникова наперевес. Задев мою ногу, он выругался и хотел было бежать дальше, но — стой! — я резко вскочил и повалил его на рельсы, ухватив руками поперек живота.

— Не убежишь, сволочь!

Человек завалился на рельсы, нелепо взмахнув руками и выронив автомат. Теперь-то он от меня никуда не денется.

— Попался! — процедил я сквозь зубы и попытался, было ударить его головой о рельс, но только мои пальцы дотронулись до его волос, как я почувствовал, что он растворяется.

В самом прямом смысле! Тело человека вдруг выгнулось, и я почувствовал, как он уходит от меня. Зарывается в бетон! Головы у человека не стало, превратившись какое-то подобие мохнатого черепа. Рубашка на спине треском разорвалась, и я поспешил вскочить.

Вместо человека передо мной копошилось мохнат существо с плоской мордой и огромными лапами вместо рук. Каждую лапу украшал ряд острых и длинных когтей.

Снова оборотень! Сколько можно? Еще мгновение, и я почувствовал, как ноги мои становятся ватными, а в душе вдруг появилось сильное желание упасть в обморок. И что мне в вагоне не сиделось? За какую-то ничтожную долю секунды существо скрылось под землей и тотчас появилось чуть левее, разворачивая изнутри бетон и выплевывая в воздух мелкие осколки. Оно выпрыгнуло из образовавшегося отверстия, стремительно развернувшись на голых пятках, посмотрело на меня. За такой короткий срок прорыть под землей туннель? В самый раз было с воплями убежать — я увидел, что у существа не было зрачков!

„Исправители! — мелькнуло тотчас в голове. И следом: — Ну, тогда пускай попробуют огоньку!“

Я подхватил лежащий на рельсе транстерминатор и недолго думая выпустил в существо яркую струю пламени!

Существо отклонилось в сторону, издав звучный рык, когда огонь все же едва прошелся по его плечу, опалив шерсть, и бросилось на меня.

Я тоже попытался отскочить, вновь нажимая на курок, но чуть не успел. Пламя вырвалось из дернувшегося дула и исчезло в тумане пыли, на секунду вырвав из полумрака еще несколько силуэтов, а существо прыгнуло ко мне, приподняло над землей и швырнуло куда-то темноту.

Верх-низ-верх-низ! Удар! И я покатился по бетонному полу, не в силах даже стонать, потому что у меня перехватило дыхание. Транстерминатор улетел в неизвестном направлении, и от грохота выстрелов я не слышал даже, в какой стороне он упал. Перед глазами вмиг потемнело, а с губ на пол сорвалась первая теплая капля. Кровь!

Я упал на живот, поджав под себя руки и борясь сильным желанием скорчиться в три погибели. Надо встать! Чтобы дать отпор! Чтобы не умереть здесь, в подземке, от рук непонятно кого!

Но легко сказать! Ни ноги, ни руки не слушались моих мысленных приказов. Я даже не мог повернуть голову. Существо не шло.

Может, оно выжидает, когда я поднимусь, чтобы вновь нанести удар? Издевается? Или посчитало, что я уже и без того мертв? Хотелось бы, чтобы это было так!

Руками вдруг нащупал в кармане что-то твердое.

Что? Память услужливо подсказала, что я переложил из старой одежды в новую свою электрическую дубинку! Куда же мне без нее, родимой!!! Вот теперь он у меня поймет, что такое удар током!

Я перевернулся на бок, сжимая зубы, чтобы не застонать, и вытащил из кармана дубинку. Кое-как, негнушимися пальцами, повернул колесико напряжения на максимальную мощность.

Ну, где же ты, кусок шерсти, который так и хочется подпалить?

Иди же...

И существо вышло. Неторопливо так, словно уже знало, что я лежу перед ним мертвый или парализованный, с переломанным позвоночником и могу только тихо кашлять, выплевывая вместе с кровью изо рта остатки жизни.

Как глубоко оно ошибалось.

Я не шевелился. Лишь крепче сжал дубинку в руках и весь напрягся, готовясь рывком подняться.

Существо подошло и, уперев лапы в колени, нагнулось, рассматривая меня.

Действительно, наверное, думало, что я мертв.

Как бы не так! В тот момент, когда его лицо оказалось на одном уровне с моим, я вскочил.

Вернее, это мне так показалось, а на самом деле я лишь слабо приподнялся, отстранившись от существа вбок. Однако успел все же нанести ему удар в живот заряженным концом дубинки.

Короткая вспышка синего разряда откинула существо на несколько метров назад, и оно вновь исчезло в по мраке.

Мне показалось или вправду стало еще темнее?

Затем метро сотряс мощный рев, заставивший заглухнуть очереди из автомата и чьи-то вопли вдалеке. Существо вновь выскочило, но бежало уже не на меня, а порядочно металось из стороны в сторону.

Оно горело.

Я молча смотрел на него, стоя на полусогнутых ногах и согнувшись в три погибели. Мне казалось, что если выпрямлюсь, то меня обязательно стошнит. Из уголка губ медленно капала на расковерканный бетон кровь.

Господи, да мы же все метро сейчас так разворотил: И на что правительство это спишет? Очередной теракт? Вероятно! С несколькими жертвами! Один сгорел!

Существо взвыло в последний раз и упало как подкошенное на рельсы, продолжая гореть.

Шерсти на нем уже не было. Одна черная кожа, покрывшаяся лопающимися волдырями.

— Чертов оборотень! — процедил я, все же выпрямляясь. В глазах на секунду потемнело, но затем я вновь стал видеть нормально.

Боль чуть спала, так, что я смог доковылять до транстерминатора.

Сколько уже прошло времени? Мне казалось, что достаточно долго, но на самом деле, вероятно, минут десять.

Выстрелы затихли. Теперь был слышен только гулкий топот и чьи-то крики-переклички.

Где там Вероника, Вася и Евгений Валерьевич? Надо бы их найти.

Я отошел от догорающего тела и углубился в туман и пыль. Чем дальше я шел, тем сильнее было разворочено метро вокруг. Стены представляли собой изрешеченные куски с отваливающимися осколками кафеля. Пол был усеян пустыми гильзами. Кое-где бетон разворотило. В некоторых местах и изнутри.

Но нигде не было видно ни одного трупа.

Неужели тот, которого я поджарил, был единственным? Но где тогда остальные?

Туман и пыль оседали. Как ни странно, но некоторые лампы на потолке остались целыми и еще светили. Я шел неторопливо, всматриваясь в каждую тень и замирая при малейшем шорохе.

Казалось, что метро вообще никогда не кончится, а я навсегда потеряюсь в этом бетонном лабиринте.

Вскоре я увидел Васю.

Он стоял на том же месте, где выстрелил в первый раз. Все в той же позе, со вскинутым к плечу транстерминатором. Стены вокруг него были разбиты до неузнаваемости. Пол устилала осколками и белая пыль штукатурки. Вася медленно и плавно водил дулом оружия из

стороны в сторону, осматривая и выискивая противника. Чуть поодаль лежал мертвый мужчина в неестественной позе, запрокинув голову с широко открытым ртом. Казалось, что все его внутренности раскрошило на мелкие ошметки и выбросило из тела вокруг, потому что пол был просто заляпан кровью и какими-то кусками.

Как Вася умудрился здесь выжить, не представляю.

Надо же иметь такую выдержку, чтобы не убежать, не спрятаться где-нибудь, а стоять и прицельно вести стрельбу во всех, кто покажется. Наверняка ему тоже не было ничего видно, когда началась самая заварушка. И сейчас, когда пыль немного осела, было нелегко что-либо разглядеть в нескольких метрах от себя, а в самый разгар бойни и подавно.

Я подошел, старясь наступать на полную стопу, чтобы не шуметь, но Вася услышал меня и резко обернулся.

Он узнал меня, но никакой видимой радости или облегчения не проявил.

— Выжил? — сухо поинтересовался Вася.

— Как видишь. — Я встал рядом. — Где Вероника и Евгений Валерьевич?

Он пожал плечами и вновь стал всматриваться в полумрак:

— Разбежались. Может, уже пойманы. Я не знаю.

— Скольких убил? — спрашиваю, как заправский мясник. Что же во мне останется человеческого, когда все закончится? Ничего, наверное!

— Видишь, вон того, — кивок в сторону мертвеца с открытым ртом, — это все. Какие-то слишком проворные соперники нам попались. Под пули просто так не лезут. На меня уже несколько раз пытались напасть со спины сразу по два-три человека.

— Я тоже одного.

Вася удивленно посмотрел на меня: — Как?

Я молча показал ему электродубинку:

— Пригодилась все-таки.

— А где был транстерминатор в это время? Хотя, я догадываюсь... — Он посмотрел на мои садины на руках и на выдранный клочок куртки в боку. — Здорово тебя потрепали. Я и не ожидал, что сумеречный проявит к тебе такой интерес. И что ты так ловко с ним разделаешься.

— Это комплимент?

— Возможно.

Что ж, хоть что-то. По крайней мере, про меня теперь не будут говорить, что я пытался напасть на Исправителей с дубинкой. Будут говорить, что я убил одного из сумеречных именно дубинкой. Интересно, а стоит ли говорить Васе, что у сумеречного игрока, как и у Исправителя, не было зрачков? Наверное, стоит.

Метрах в сорока перед нами, прямо около лестницы, по которой мы спустились в метро, из-за поворота выскочила Вероника.

Ее тоже нехило потрепали. Все лицо Вероники было в копоти. Волосы растрепаны. Куртка наполовину расстегнута. Увидев нас, Вероника замахала рукой, подзывая к себе.

— Где Женя? — крикнул Вася. Голос гулко прокатился под потолком, и только тут я сообразил, как вокруг стало тихо.

Всего несколько минут назад метро сотрясали выстрелы, вопли, топот, а теперь замерла гробовая тишина. И от нее вдруг стало еще страшнее. Уж лучше бы стреляли. А так затаились и выжидают, когда же мы наконец покажемся, чтобы убить.

Вероника неопределенно махнула рукой куда-то в сторону:

— Идите сюда. Надо выбираться, пока есть время.

— Евгения Валерьевича убили? — тупо спросил я.

— Не знаю. Пойдем. — Вася опустил транстерминатор и мелким шагом направился в сторону Вероники.

Я опоздал всего лишь на секунду, нагнувшись, чтобы завязать шнурок на кроссовке, а когда выпрямился, то...

Из двух противоположных поворотов на Васю одновременно прыгнули два человека.

Совершенно беззвучно. Явно нацелившись на то, чтобы быстро связать и захватить Васю в плен. Он ничего не успел сделать. Один из сумеречных коротким ударом выбил у него из рук транстерминатор, а второй что есть силы нанес удар по челюсти. Вася увернулся, но не настолько ловко, и кулак все же угодил ему в плечо. Он сделал резкий рывок в сторону, одновременно отталкиваясь от стены ногой, и уже в прыжке другой ногой нанес второму сумеречному удар по челюсти. Тот вскрикнул, падая на колени. Вася приземлился за его спиной и нанес еще один удар ногой по шее упавшего. Что-то звонко хрустнуло в тишине, и человек с хрипом упал на живот, ударяясь лицом о пол. Я заметил, как во все стороны брызнула кровь.

Второй человек отскочил к стене и замер, сжимая вытянутых руках пистолет.

— Твое гребаное каратэ не поможет, игрок Зари, — прошипел он, выплевывая слова, как отраву, Васе в лицо. — Руки за голову, живо!

Вася спокойно поднял руки ладонями вперед и опустил их за голову.

„Сейчас выхватит спрятанный в воротнике пистолет и прибьет сумеречного. Тот даже подумать ни о чем не успеет“, — почему-то подумал я. Уж очень все происходящее походило на сцены из какого-нибудь фантастического боевика.

Но Вася так не сделал. Он повернул ко мне голову и тихо сказал:

— Виталик, транстерминатор! И оружие в моей руке вдруг дернулось, выпуская струю огня.

Луч прорвал человека с пистолетом насквозь чуть ниже груди и выбил очередной кусок стены за его спиной. Сумеречного откинуло назад, он ударился о стену, взмахнув руками, как брошенная тряпичная кукла, и упал, проехав лицом по полу и уткнувшись головой в своего недавнего напарника.

— Идем. Быстрее! — Вася определенно любил краткость в подобных ситуациях. Я все еще ошарашенно смотрел на свою руку, сжимавшую транстерминатор, стараясь понять, как я умудрился нажать на курок, а он уже подхватил меня за плечи и буквально поволок в сторону Вероники.

Девушка же стояла удивленная и смотрела на нас, наверное, не понимая, как нам удалось выжить.

Мы подбежали и, не разговаривая, перешли на быстрый шаг, направляясь в сторону лестницы, ведущей на поверхность.

— Где Евгений Валерьевич? — спросил я, когда мы ступили на первые ступеньки.

— Где-то там, — ответила Вероника, — я не знаю, но он попросил не ждать его, если он сам не придет, когда мы встретимся.

— А если он все еще живой?

— Он и так живой. Они не имеют права убивать его. Только взять в плен.

— Ну так и что? Разве никто не собирается за ним возвращаться?

— Тебе нужен жрец, а не престарелый вербовщик игроков, — резко сказала Вероника. Мы уже поднялись почти до половины. Отсюда можно было хорошо различить внизу облако пыли, устилавшее все метро, — А нам нужно приехать на конференцию.

— Я знаю. Евгений Валерьевич мне все рассказал.

— Мы тоже знаем. Он и нам рассказал, что болтал с тобой на вокзале.

— Вот видите, и вы хотите его оставить там?

— Он все равно ничего полезного не знает. Не содержит важной информации...

Выстрел откуда-то снизу выбил бетон у меня из-под ноги, и я упал на спину, больно стукнувшись затылком о ступеньку. В глазах вновь потемнело, и я почувствовал, как начинаю скатываться вниз.

Что же это получается? Почти выжил, а тут на тебе! Подстрелили на самой поверхности!!!

Из метро вновь раздались выстрелы, а сверху — крик Вероники.

А я вдруг почувствовал, как что-то тяжелое и увесистое падает мне на голову.

Может, это был кусок кафеля, а может... кто знает?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

"Что с ним такое?! Господи, да у него же голова пробита!"

"Да-да! Видели, что сейчас в метро творится? Там взорвалось что-то, пять человек погибло, а он вот выжил. Представляете, спустился вниз, туалет искал, а тут взрыв. Его куском кафеля и задело".

"Боже мой, что творится-то! Нормальному человеку уже никуда зайти спокойно нельзя! Везде убить могут! Вот недавно ходила на рынок, так там всякую взрывчатку прямо с рук и продают! Да еще кто — русские! Сами себя угробить хотим, а по телевизору все о каком-то геноциде говорят!.. Ну, давайте, заходите в вагон, у нас через три минуты отправление. Как тронемся, зайдите ко мне, я вам чистый бинт дам и зеленки! И что это вас милиция не забрала?"

"Так нам же ехать надо!"

"И далеко ехать-то?"

"До Краевской".

"Ну, значит, доедет, не помрет. Полчаса всего ехать осталось. А там вы его сразу к врачу. Вдруг сотрясение мозга или еще что..."

"Да-да. В первую же очередь отвезем его в больницу.

Разрешите?"

"Проходите, проходите. Только сразу за бинтом чтобы зашли, как поедem, а то он мне все простыни запачкает. Кто платить будет?"

"Не волнуйтесь. Мы и заплатим"

"Раз так, то ладно... Ну, проходите же, не задерживайтесь, черти..."

Наверное, умереть — это не так. Совсем не так.

Что-то уж очень больно, и голова гудит. Непохоже, чтобы я был мертв. Да еще голос этот не слишком приятный. Ведь у ангелов и голоса ангельские, верно?

— И этот щуплый малый полез на Исправителей с электрической дубинкой? Лихо. И что?

— Догадайся сам, — голос Васи. Он как обычно не слишком общителен.

— Но ведь живой?

— Вот и я удивляюсь. По всем законам его уже должны были сто раз вычислить и поймать, а он мало того что выжил, так еще и плетется за нами, как хвост, с самого Новоозерска.

— Женя говорит, что он даже нескольких уложил там, в метро.

— Было дело, — нехотя признается Вася. Наверное, неловко себя чувствует. Как-никак я безо всякого их дара, с одной дубинкой и транстерминатором двоих уничтожил.

— И жив! Черт, а он точно не игрок? Может, его кто из сторон потерял? — Легкий шлепок по щеке заставил меня чуть дернуться. — Ладно, открывай глаза. Мы уже видим, что ты пришел в себя. Не фиг притворяться.

Легко сказать. Веки, словно пудовые, открывались с невероятным трудом. Никогда не думал, что мне будет так трудно поднять веки, не напившись за ночь перед этим. Ведь трезв как стеклышко, а тело — ватное.

Один глаз все же открыл. И огляделся.

Небольшая уютная комнатка. В углу стоял шкаф под самый потолок (а потолки-то низкие, как в деревенских хатах, с трещинами и отсыревшей штукатуркой), в другом углу — телевизор, на стене напротив висел ковер, под которым в кресле сидел Вася. Шторы на двух

окнах были задернуты, и в комнатке держался приятный, не режущий глаз полумрак. Уютная комнатка, в моем вкусе.

Около кровати, на которой я лежал, стоял мужчина в домашнем халате с кружкой в руке. Почему-то мне показалось, что сейчас он предложит мне лекарство.

— Пиво будешь? — спросил мужчина, увидев, что я открыл и второй глаз.

Голова болела со страшной силой. Тела так вообще не чувствовал. Нехило же я скатился с лестницы! А что дальше было? Не помню. Последнее, что я видел там, в метро, был высокий потолок и зеленая лампа, тонущая в пыли от кафельной крошки и штукатурки. Дальше — короткая, тупая боль в затылке и темнота.

— Пиво, пиво, — повторил мужчина, протягивая мне кружку. — Мы тут тебя поить валерьянкой не собираемся. Не дома.

— А где? — с трудом выдавил я. Тихо, будто просто открыл и закрыл рот. Но мужчина услышал.

— А куда ты собирался? В Краевском, конечно.

— Где... именно?

— У меня дома. Вася попросил, чтобы ты пожил у меня, пока они с Вероникой не смогут отвести тебя к Коле.

— Жрецу?

— Ну, его так уже, поди, лет сто никто не называет. Просто Коля, и все.

— Ясно. — Казалось, голова поворачивается с хрустом. — Василий, привет. Как дела?

— Отлично, — ответил Вася с кресла. — Если бы не ты, было бы еще лучше!

— Ты как обычно мрачен и неразговорчив?

Как видишь. — Вася пожал плечами. — Ладно, не принимай мое настроение на свой счет. Я просто задумался. Что-то не то происходит. Странно все это... — Что?

— Не сейчас — Вася с мужчиной коротко переглянулись, думая, что я не заметил, и Вася вышел, бросив через плечо: — Вы тут пока поговорите. Виталя, тебе отдыхать надо, а с завтрашнего утра примемся за дела... Думаю, у тебя еще есть время.

И это говорит человек, который при первой нашей встрече не был даже уверен, что я доживу до следующего рассвета. Действительно, что-то странное начинает твориться.

— Я — Алексей. — Мужчина присел на край кровати и впихнул мне в руку кружку. — Пей, пиво очень помогает при головных болях.

— А я-то всегда думал, что помогает их приобрести, — пробормотал я, приподнимаясь на локтях и делая глоток. Приятное, прохладное и чуть щиплющее горло, действительно отличное пиво. У нас в городе такого не сыщешь.

— Если пить в умеренном количестве, то оно только помогает, — уверенно сказал Алексей, — поверь мне!

Я поверил. После того, что произошло (да и происходит сейчас), поверить оказывается все же легче, чем осознать. Сделал еще один затяжной глоток, чувствуя, как приятный холодок пробегает по коже и возвращает ушибленным косточкам силу.

— Сколько я пролежал?

— Пока доехали да еще полсуток. Сейчас уже почти вечер.

— Вечер?

— Точно, — Алексей улыбнулся. — Мы тут все о тебе уже знаем. Вероника рассказала. Евгений Валерьевич тоже немного...

— Так он жив, старый...

— Что ему сделается? — ответил Алексей. — Говорит, что двоих завалил, но из Васиного рассказа выходит, что не мог. Если только их там не семеро было. Но ведь это прямое нарушение правил. Сумеречные бы не посмели.

— А почему бы и нет... — Я вдруг вспомнил то, о чем думал за несколько минут до того, как грохнулся с лестницы. О глазах без зрачков, об оборотнях, так похожи на тех, которые охотились за мной в парке, о том, что действительно странно, что Исправители все еще не пришли за мной, и сумеречные милиционеры, не обратившие на меня никакого

внимания, словно так и должно было быть...

А может, и нет никаких Исправителей?

— Нет, не посмели бы, — отрицательно покачал головой Алексей. — У нас с этим серьезно.

Длинным глотком я допил пиво и отдал кружку Алексею.

— Понравилось? — участливо поинтересовался он. Я кивнул.

— Это у нас Тарас такое делает. Сам.

— Передай ему от меня привет.

— Обязательно. Как конференция начнется, так и передам.

— Можно у тебя узнать, что все-таки за конференция? Евгений Валерьевич говорил что-то, но уж очень туманно.

— В Краевском довольно часто проходят конференции игроков Зари. Здесь ведь наш штаб. Вот только не понятно, зачем из городов игроков пригласили.

— Штаб?

— Нуда. — Алексей немного помялся, потом, склонившись надо мной, добавил: — Вообще-то Вася сказал, что бы я отвечал на все твои вопросы, неважно какими они будут, пускай даже про самого Бога. Но сам-то ты этого хочешь?

Я кивнул.

— Не люблю чувствовать себя глупцом.

— Ну, как знаешь. Пиво еще будешь? Отлично.

Он встал и удалился в другую комнату. Оттуда послышался его голос:

— Краевское построили незадолго до революции именно как штаб игроков Зари. Здесь сосредотачиваются основные игроки, которые отвечают за общую безопасность, секретность и, главное, правильность ведения игры. — Алексей показался с двумя литровыми кружками. — Обычных людей в селе немного — и сотни не набирается. Остальные — игроки.

Я поперхнулся, пораженный:

— То есть... так вот почему Вася с Вероникой не очень сопротивлялись, когда я потребовал, чтобы они отвезли меня к жрецу. Не только из-за того, что здесь проходит собрание. А еще потому, что мне отсюда никуда не деться. Можно спокойно отдать меня Исправителям!

— Почти так. Только вот Исправители почему-то не появляются... — Алексей сделал глубокий глоток и, переведя дыхание, продолжил: — Краевское — это наша крепость на Западе России. Сюда серые вообще не суются. У них, конечно, тоже есть свои штабы, свои города и деревеньки по всей стране, но и мы стараемся не соваться туда. Так что можешь не опасаться. На улицах села к тебе просто так никто не придерется. Но и выходить тоже не советую. Многие игроки уже знают о тебе и очень сильно интересуются твоей особой. Некоторые с плохими намерениями.

— То есть?

— Есть игроки, которые считают, что сохранить тайну игры нужно во что бы то ни стало и поэтому тебя надо убить, другие — что надо тебя немедленно отдать Исправителям. Мало ли что ты можешь выкинуть.

— Интересно, а что думают остальные?

— По-разному. В основном сходятся во мнении, что вокруг тебя творится что-то странное. Исправители сунулись за тобой всего лишь один раз и больше попыток не предпринимают, сумеречные тоже знают о тебе и ничего не говорят.

— Это что-то значит?

— Непременно. Они уже давно должны были заявить нам о нарушении правил и потребовать, чтобы тебя уничтожили. Ты ведь, как-никак, встал на нашу сторону и успешно уничтожил двоих их игроков.

— Одного, — произнес я.

— И второго ты. Вася лишь немного поспособствовал тебе. Тело твое действовало чуть

быстрее, чем ты сам думал.

Я допил, и Алексей принял у меня кружку, поставив на стол.

Отличное пиво, совсем не пьянит, а наоборот, прибавляет сил. Мне даже показалось, что я все же стою встать с постели. Не вышло.

Алексей усмехнулся:

— Рано тебе еще прыгать. Чуть позвоночник себе не сломал, левую ногу вывихнул и коленку выбил — с такими травмами ты бы в больнице несколько месяцев пролежал. А так — завтра встанешь.

— А когда у вас конференция? — спросил я.

— Завтра вечером первое собрание. Сначала собираются все главные игроки села, а послезавтра — все желающие. Если жрец сообщит действительно важные новости, то придут многие. Думаю, что так оно и будет. Не зря же были созданы все играющие из ближайших городов.

— А со мной что будет?

— После конференции Вероника с Васей собираются отвести тебя к Кольке. Поговоришь, а там решай сам. — Алексей вновь склонился надо мной. — Скажи честно, а на кой он тебе нужен? Ведь не простое любопытство потянуло тебя в метро. Ты же действительно чего-то хочешь от жреца?

— Думаю попросить у него вечную жизнь и безграничный дар жрать водку, не пьянея, — я усмехнулся, — или что-нибудь еще. Какая разница?

— Игроком хочешь стать? — спросил Алексей. — Не выйдет. Не возьмут тебя. Не в Колькиной компетенции. Даже приближенные Создателей ничего не смогут сделать.

Алексей ошибался. Не хотел я становиться игроком. Бессмертным — чтобы вечно мучиться, воюя неизвестно с кем и неизвестно для чего? Нет уж, увольте. Даже дар не очень впечатляющий аргумент. Но пусть Алексей думает так, если хочет. Не буду его разубеждать.

— Ладно, не буду мешать тебе. Отдыхай, набирайся сил, чтобы завтра смог встать. Вечером, возможно, придет Вероника, если не будет занята. А потом Евгений Валерьевич хотел заскочить.

— С ним я точно хотел бы поговорить, — сказал я, опускаясь на мягкую подушку. — Интересно узнать, скольких он положил там, в метро.

— Он может наговорить всякого. — Алексей отворил дверь и, выходя, добавил: — Ладно, спи. Утро, как говорится...

— Вечера мудренее. Верное высказывание.

Дверь за ним закрылась, и я мгновенно, не успев закрыть глаза, провалился в сон.

Вероника. Все такая же красивая, как и там, в подземке. Глубокие, бездонные глаза, в которых так и хочется утонуть, опущенные на плечи волосы, нежное прикосновение ее ладони к моей щеке, когда она поправляла мне подушку. Во взгляде ее что-то, совсем неуловимое, словно она хочет сказать мне... что?

В этот момент я проснулся.

Вероника и правда сидела около кровати на табуретке и смотрела на меня. Только выглядела она чересчур усталой. Волосы ее были собраны в пучок на затылке, из-за чего были видны уши.

— А я думал, стильные девушки всегда носят сережки, — пробормотал я сонно.

— Я не стильная, тебе только кажется, — ответила Вероника. — Как дела?

— Отлично. Если не считать, что по-прежнему болит спина.

— Я бы на твоём месте радовалась, что вообще выжила после такого падения с лестницы, — ответила она. — Как ты себе голову не проломил, удивляюсь.

— Мне и самому интересно. — Я дотронулся до макушки и обнаружил там большую шишку, покрытую корочкой засохшей крови. — А как у тебя дела?

Вероника пожала плечами.

— Все хорошо. Вообще, хорошо то, что нам удалось всем выбраться из метро. Честно

сказать, я не думала, что Евгений Валерьевич сможет.

— Что-то мне все говорят о том, что он где-то поблизости, а сам я его до сих пор не видел. Этот болтливый; старикашка собирается прийти навестить больного человека?

— Я передам ему насчет старикашки. — Вероника улыбнулась и поправила мне одеяло.

— Не надо. А то он вобьет мне осиновый кол в грудь, когда я буду спать.

— Вампиров уже не убьешь простым осиновым колом. На них даже транстерминатор не всегда действует.

— Ты серьезно это? Вероника кивнула:

— А ты думал, в сказку попал? С тех пор как тебя видели не только Исправители, но и Сумеречные, ты, Виталик, влип дальше некуда. Теперь тебе или с нами в союз вступить или, я даже не знаю, что еще.

— Тут Алексей говорил, что никакого союза с вами у меня не получится. — Я попытался сесть на кровати, спину прорезала резкая боль, и пришлось вновь опуститься. Это кто там говорил, что завтра я уже смогу встать? Да мне наверняка придется лежать еще несколько дней, прежде чем я смогу нормально передвигаться, — Я же, по вашим правилам, не имею никакого права принимать участия в игре.

— Но Исправители не появляются, — ответила Вероника. — Возможно, это что-то и значит.

— А жрец ваш... Колька не может узнать, что творится у Исправителей?

— К сожалению, нет. Он на многое способен, но не на это. Об Исправителях не положено знать ничего, кроме того, что оговорено в правилах. Колька не исключение.

— Понятно. И все-таки, для чего ты пришла? Не верится что-то, что просто для того чтобы посмотреть, как у меня идут дела.

— Не хочешь — не верь, — резко бросила Вероника. — Просто после метро я немного переменила о тебе мнение. В лучшую сторону. Как и Вася, кстати.

— Что-то я не заметил.

— А если я скажу, что он разрешил тебе свободно передвигаться по всему Краевскому и задавать любые вопросы, какие захочешь, а игроки должны тебе на них отвечать?

Да, с Васей действительно что-то странное случилось. Может, он так переменился из-за того, что я спас ему жизнь, пусть и не совсем сам, но все же?

— Разве он имеет такую власть, чтобы другие игроки ему повиновались?

— Не все, разумеется, но большинство здесь, в Краевском. Он очень влиятелен здесь. В основном из-за своего прошлого. До того как стать наблюдателем в Новоозерске, Вася был партизаном. У нас есть такая группка игроков, которые не подчиняются правилам, убегая от Исправителей, и просто выискивают и убивают сумеречных. Вообще-то, они приносят гораздо больше пользы,

чем все мы, вместе взятые, но это не по правилам, и за ними охотятся. Не только Исправители, но и сами игроки Зари. Мы вынуждены, хотя партизаны пользуются в нашей среде очень большим авторитетом. Мы, рядовые игроки, понимаем, что так было бы гораздо легче одолеть противника, но ведь это не настоящая война, это всего лишь Игра. Так вот, Васю однажды поймали, когда он устроил засаду на одного сумеречного, очень видного политического деятеля. Вася, конечно, не хотел сдаваться, убегал. Там была самая настоящая травля. Как на зверя. Ты же видел, что он вытворял в метро? В тот раз была еще хлеще.

Шестеро наших игроков не смогли взять его, безоружного, даже своими заклинаниями. Он метался по переулку, как загнанный в ловушку зверь, калеча не только сумеречных, но и своих. Он бы смог убежать, если бы не появились Исправители. Три человека. Всего лишь трое, но они были в сто раз сильнее его. И тогда произошло невероятное. Вася вступил с ними в схватку. Он успел несколькими ударами почти оторвать голову одному из Исправителей, прежде чем двое других не подмяли его под себя и не придавили к земле. Как он это сделал, я не знаю, но факт в том, что Вася убил одного из Исправителей. Первым убил. До этого никто и не думал о том, что с ними можно что-либо сделать. А там все

произошло на глазах и сумеречных, и игроков Зари. Почему они его не уничтожили, я не знаю. Только объявили ему строгий выговор и отстранили от игры на шесть лет, лишив денег и чудесного дара. Все это время он жил в Новоозерске, учился в университете на программиста, и когда вновь вернулся в Игру, то решил стать тем, кем сейчас и является.

— Вот уж действительно сказка, — только и смог выговорить я. Ожидать такого от Васи? Нет уж, извольте! Кто бы мог подумать, что такой человек смог самостоятельно убить Исправителя? Да еще и без оружия? Чего же мы тогда боялись там, в метро, если с нами был Вася? Он, возможно, и не боялся. Ведь он был партизаном. — Не удивлюсь, если и Евгений Валерьевич был каким-нибудь супершпионом, беженцем из Америки.

— Почти так. Он украинец по национальности. Перебрался в Россию несколько лет назад, потому что терпеть не может украинского языка.

— Как так?

— Ну, натура у него такая. Он хоть и украинец, но всей своей сущностью типичный русский. Не может жить на Украине и все тут. — Вероника пожала плечами и улыбнулась. — Он вообще странный. Сколько его знаю, мне все время кажется, что он играет в Игру только оттого, что больше ничего не умеет. Или потому что ему больше ничего не нравится.

— Скорее второе, — ответил я. — Мне тоже так показалось. Ну, а ты?

— Что?

— Кем была ты до того, как пришла в Игру?

— Крестьянкой, — усмехнулась Вероника, — обычной крестьянкой, которая захотела управлять государством.

Вероника неожиданно подскочила.

— Про еду-то я и забыла! — взволнованно сказала она, глядя на меня широко открытыми глазами. — Там на сковородке курица... жарилась...

Я посмотрел на ее взволнованное лицо и вдруг не смог удержать хохота. Засмеялся во весь голос, не обращая внимания даже на боль в спине:

— И сколько же она у тебя уже жарится?! Вероника прыснула, зажав рот ладонью:

— Господи, да уже полтора часа почти...

— Я, пожалуй, обойдусь пивом. — И я захохотал с новой силой, свернувшись в клубочек, прижав колени к груди.

— Там еще салат есть, принести? — сквозь смех спросила Вероника. — Специально для тебя приготовила!

— Раз уж для меня, тогда неси, — ответил я, осторожно переворачиваясь на левый бок. — А ты, когда смеешься, такая красивая...

— Брось ты, — совсем по-детски фыркнула она, — какая я красивая? Волосы не мыла третий день. А тушь? Не красилась ведь, и помады никакой.

— А я и не заметил, — сказал я.

Лицо Вероники налилось краской. Не знал, что она такая чувствительная. А ведь красивая, черт возьми. Я и впрямь почувствовал, что что-то во мне просыпается по отношению к ней. Совсем не то ощущение, какое я испытывал, когда мы с Генкой посещали наши заплесневелые и обшарпанные публичные дома, в основном обустроенные в подвалах полузаброшенных домов. Все гораздо чище... и светлее.

— Ладно тебе, вгоняешь меня в краску. — Кончиком пальца она изящно смахнула с уголка глаза слезинку. Пойду за салатом. Тебе витамины сейчас нужны больше всего. — И она вышла.

Я остался лежать, рассматривая кресло, стол, за которым недавно сидел Вася, и думал о том, что творится вокруг.

Исправители не приходят, значит, я им не нужен. Сумеречные не предъявляют никаких претензий по поводу того, что я помог игрокам Зари их одолеть в метро, значит, им тоже нет до меня никакого дела. Вывод: кому я вообще здесь понадобился? Может, плюнуть на все? На Кольку их, на Веронику, на эту вечную опасность нарваться на какого-нибудь врага?

Просто незаметно уйти. Меня же никто не ищет, разве нельзя начать жить по-старому? Вот только что-то говорило мне, что совсем неспроста у сумеречных там, в метро, тоже были глаза без зрачков. Существо!

вала какая-то связь между ними и Исправителями, которые напали на меня в квартире. А еще, к примеру, зачем им надо было убивать Варю? Незачем, они-то гнались за мной. Если верить Васиному рассказу, то Исправители и были созданы, чтобы отлавливать и наказывать нарушивших правила. Варя их просто не интересовала бы. Но тогда зачем?

По-моему, я зашел в тупик в своих размышлениях. Что-то явно не состыковывалось в том, что творилось вокруг.

Вот только что?

В голову пришла только одна нелепая мыслишка, но я тут же отбросил ее. Сумеречные и Исправители не могут быть одними и теми же существами. Никак. Иначе сумеречные уже давно бы уничтожили всех игроков Зари. Здесь что-то совсем другое. Что-то кроется в самих небесах, где за нами наблюдают Создатели.

На следующий день я поднялся с койки. С кряхтением, еле терпя боль, прорезающую спину, но все же подошел к столу и присел на стул, рядом с Васей и Алексеем.

Вася, как обычно, был одет в кожаную куртку, и лицо его не выражало никаких эмоций. На Алексее был его домашний халат, а на ногах мягкие тапочки. Они пришли почти час назад, уселись за стол, расставив на нем бутылки с пивом, пока я спал. Оба пили пиво, молча наблюдая за мной. Как-то неловко было сидеть перед ними в одних трусах, и я поинтересовался, где моя одежда?

Вася пожал плечами:

— Придет Вероника, у нее и спросишь. Тебе что, холодно?

— Не совсем так, — ответил я, — неудобно.

— Странные вы, люди, — сказал Алексей таким тоном, словно сам был отнюдь не человеком, а инопланетянином, — все вам не так. Я вот, к примеру, могу пройтись голым по улице и совершенно не буду чувствовать себя некомфортно.

— Рад, — коротко кивнул я. — Угостите меня пивом?

— С удовольствием. — С Васей действительно что-то приключилось. Он сам налил полный стакан пива и протянул его мне. — Пей, сколько влезет. Чего-чего, а пива в Краевском хоть пруд пруди.

— Мне уже говорили, — ответил я, делая глоток. От холодного пива по коже вмиг пробежали мелкие мурашки. — Так сегодня вечером конференция?

Вася кивнул:

— Закрытая. На ней будут присутствовать всего двадцать четыре человека. А вот завтра вечером могут прийти все желающие.

— И я тоже?

— Ты нет. Тебя, Виталик, мы сводим к Кольке завтра в обед. Я уже обо всем договорился. Он тебя выслушает, но не гарантирую, что что-то сделает. В твоей ситуации лучше всего уехать обратно в Новоозерск. Исправители тебя не ищут, сумеречные тоже. Я бы на твоём месте воспользовался.

— Не надо ему указывать, — встрял Алексей, — пускай сам решает.

— Я не указываю. Я даю совет. Это совсем разные вещи. Кстати, с минуты на минуту должен подойти Женя. Оставьте ему пиво.

— До чего же ты привередлив, — сказал со вздохом Алексей. — Под столом еще шесть бутылок.

— Я напомнил. — Вася ухмыльнулся, и я так и не понял, пошутил он или нет.

В это время дверь в комнату действительно отворилась, и вошел как обычно веселый и сияющий старческой улыбкой Евгений Валерьевич. Увидев меня, он воздел руки к небу и воскликнул:

— О Создатели, как я счастлив, что ты спас свою задницу! — И тотчас полез обниматься. — А чего ты голый?

удивился он, отстраняясь после крепких объятий и совсем не по-старчески плюхаясь в кресло. — Неужели Вася и Сом...

— Какой Сом? — удивился я.

— Ну... этот, вон тот, в халате... Он разве не Сом? — Евгений Валерьевич сощурился. — Или я не прав?

— Прав, — ответил Алексей, — я это, кому же еще здесь быть?

— А почему Сом? — спросил я, ничего не понимая.

— У него фамилия такая — Сомленко, — пояснил Вася. — Понимаешь, у игроков тоже есть свои клички. Мы же люди, в конце концов.

— А у тебя какая?

— У меня нет.

— Партизан, — сказал Евгений Валерьевич, наливая себе в стакан пива. — Мы его все Партизаном зовем. Правда, сейчас уже не так часто, как раньше.

— И правильно делаете, — заметил Вася. — Я не люблю, когда меня так называют.

— И зря. Своим прошлым, тем более таким, надо гордиться! — Евгений Валерьевич сделал глоток и поморщился. — Опять пиво от Тараса? А нельзя ли было купить чего-нибудь настоящего? "Балтику", к примеру?

— Тебя никто не просил пить, — ответил Сом, пробуя отобрать у Евгения Валерьевича стакан.

Тот отстранился, ткнув под нос Сому кукиш:

— Хрен тебе крокодилий! Раз уж налил, то и выпью! — И он залпом допил, покраснев, как вареный рак. — Так о чем мы тут говорили?

— О конференции, — сказал я. — Вы тоже сегодня пойдете?

— Я нет, — ответил Сом. — Сегодня точно не пойду, мне нельзя. А вот завтра... скорее всего прогуляюсь да Цитадели. Все же интересно послушать, что там у нас опять наreshали.

— Цитадели?

Евгений Валерьевич хлопнул себя по лбу:

— Черт возьми, Сом, никогда не произноси незнакомых терминов в присутствии Виталия. Он же ничего не понимает! — Потом повернулся в мою сторону. — Не обращай внимания на то, что мы тут говорим. Ты все равно мало что поймешь.

— Ну, почему же, — начал было я, но Евгений Валерьевич уже перевел свое внимание с меня на Васю, который вдруг заговорил:

— Господа. Хватит шутить, давайте поговорим кое о чем другом. Я все никак не могу взять в толк, кто такой Виталик. Он спас от смерти Веронику и не отступил, когда узнал об Игре, хотя перед ним все семнадцать неиграющих просто впадали в какой-то психический невроз. Он добрался до Краевского живым и невредимым, убив двоих Сумеречных, плюс еще два Исправителя, которых убила Вероника из-за него. И дальше ничего не происходит. Нет никакого развития событий. Почему? Может, объяснишь нам? — Вasiны холодные глаза (глаза без сетчатки, как и у Евгений Валерьевича) посмотрели на меня. Холодно не было, но кожа моя вдруг покрылась мурашками.

— В каком смысле? — спросил я.

— В самом прямом. Ты какой-то не такой, не как все люди. И не как Игроки. Ты — что-то совсем другое.

— Третья сила? — шепотом спросил Сом. — Я что-то уже слышал о подобном. Послушайте, а ведь это вполне разумная мысль! Создатели послали к нам третью силу, чтобы играть стало еще интереснее. Представляете существо, которое может справиться со всеми нами, с сумеречными и даже с Исправителями. Победить его будет вдвое интересней!

— Что ты несешь? — тоже шепотом спросил Евгений Валерьевич — Какая третья сила? Ты в своем уме? Посмотри на Виталия, да он же испуган, не знает, как ему быть и что делать. Он обычный человек, поверь мне.

— Зачем верить тебе, если можно спросить у него самого, — тихо сказал Вася. Он по-

прежнему не сводил глаз с меня, крепко сжимая в руке стакан. Тело его напряглось, словно он только и ожидал, когда я вскочу, чтобы сбежать. Как же неувовимо наш разговор вдруг превратился из обычного в столь напряженный. А я все еще сидел перед ними в одних трусах.

— Что у меня спрашивать? Вы несете какой-то бред, — ответил я. — Я обыкновенный человек. Ничем не отличаюсь от остальных. Не знаю, почему я воспринял вашу Игру не так, как остальные. Может, потому что сам с детства вел войну со всем окружающим миром, пытаюсь выбиться в люди? Да если посудить, мне было гораздо хуже, чем всем вам, вместе взятым. Меня гоняли не по правилам, пытались убить, не смотрели ни в какие кодексы чести. А еще, Вася, ты думаешь, мне так легко было согласиться с вашими правилами, понять их? Ты забыл, что ли, то, что происходило со мной у тебя на квартире в Новоозерске?

— Ничего больше нервного расстройства, вызванного постоянным напряжением. Даже не истерика, — пожал плечами Вася. — В тот момент, когда ты вышел покурить, ты уже четко знал, что будешь делать дальше. При истерике трезво не рассуждают, там повинуются скорее голосу слепых чувств. Да и любой нормальный человек не выдержал бы одного только вида разорванного на части оборотня. Он и самого оборотня не вынес бы: свихнулся к чертовой матери.

— С чего бы это? Сейчас столько всего показывают по телевизорам: аэрокатеры разбиваются чуть ли не через день, террористы-бионаркоманы, убийства в этой вашей виртуальной реальности. Чему же удивляться?

— Ты глуп, Виталик, — мягко сказал Вася, нагнувшись, чтобы выудить из-под стола еще пару бутылок пива. — Тот, тринадцатый по счету, которому удалось выбраться из города, погиб именно из-за того, что увидел Исправителя.

— То есть?

— Исправитель возник в нескольких метрах перед ним. Выскочил из-за угла здания в обличии волка. Потом превратился в человека. Но этого хватило, чтобы тринадцатый застыл как вкопанный. Его до ужаса поразило то, что перед ним волк стал человеком. Он так испугался, что не смог сдвинуться с места. Его так и убили, прострелив грудь. Ты, Виталик, не видел его глаз, его выражения лица, его позу. Он был не просто испуган, он был шокирован. Ну, а ты? Ты спокойно созерцаешь превращение псов, а потом никак не реагируешь на смерть двоих Исправителей, которых прямо перед тобой попросту разорвало на куски. Нет, Виталик, можешь обманывать кого-нибудь другого, но я ни за что не поверю, что ты обычный человек. Ты им просто не можешь быть.

— Чушь, — только и смог сказать я. А что еще добавить?

Я не знал. Я был уверен, что являюсь настоящим человеком, но прав ли я сам? Кто объяснит мне, почему я так странно реагирую на все, что происходит вокруг? Кто, в конце концов, объяснит это Васе? И что он задумал?

— Только не говори, что ты высказал мне свои подозрения из чистого любопытства. — Я откинулся на спинку стула, не обращая внимания на резкую боль в позвоночнике. — А мне нечего говорить. Я считаю себя вполне нормальным и самым что ни на есть обычным человеком. По крайней мере, не таким как вы.

— Да, это любопытно, — спокойно сказал Вася. Евгений Валерьевич и Сом молча пили пиво, слушая

нас. Интересно, а что думают они? Что перед ними сидит третья сила, которую изобрели Создатели для большего интереса Игры?

— Мне просто интересно, кто ты такой. Вот уже третий день думаю и все никак не могу взять в толк. Что нам с тобой делать? Просто отпустить на все четыре стороны? Но, может, мы тогда упустим что-то важное и только потом поймем свою ошибку? А может, наоборот, ты окажешься нашей общей гибелью? Предателем? Бомбой замедленного действия, сам того не подозревая?

— Да ты что такое говоришь! — вдруг воскликнул Евгений Валерьевич. — Черт возьми, Вася, да Виталик там, в метро, дрался за нас с тобой. Он двоих сумеречных убил!

— Он врет. Не двух, а одного, — перебил его Вася, — Я того, который напал на меня. Первого не было.

— Как это не было? — удивился я. — А кого же я тогда подпалил электродубинкой? Фантома?

— Возможно. Но не сумеречного. Вероника говорит, что убила двоих, а ей нет причин врать. Она вообще никогда не врет... Женя, ты скольких?

— Двоих, — пробормотал Евгений Валерьевич, — точно двоих, я никак не могу ошибаться.

— Итого — четыре. Плюс еще двоих я. Шесть. Если Виталик убил двоих, то несостыковочка получается. По правилам, сумеречных должно было быть семь, а у нас в расчете — восемь. Нарушить правила они не могли, потому что тогда появились бы Исправители. Значит, Виталик, извини, но один твой труп просто не может быть реальным.

— А каким же он тогда может быть? — Я неожиданно разозлился. — Что я, зря по этому метро носился, с тварями-оборотнями дрался, чтобы меня потом еще и вруном обзывали?! Он реальным был, реальнее некуда. И я спалил его! Что, никто не проверял подземку после того, как мы вышли из нее? Узнайте, сколько там трупов осталось! Ведь можно как-то узнать?

— После перестрелки метро закрыли и сумеречные самостоятельно убрали убитых. — Вася посмотрел на меня так, словно я был пациентом психиатрической лечебницы, а он врачом. — Виталик, причин нарушать правила у сумеречных нет. Они тоже хотят жить, как и мы.

— Но они нарушили! Или врет кто-то из вас! Я убил двоих, я точно знаю! — И тут я замер с открытым ртом. Еще одно воспоминание совсем неожиданно влетело в голову. — Подождите... если мы все убили восьмерых, то кто тогда еще стрелял, когда мы поднимались на поверхность? Ведь больше быть никого не могло!

Вася и Евгений Валерьевич переглянулись. Удивленно, словно им самим моя идея до сих пор не приходила в голову.

— Правда, — сказал Евгений Валерьевич, опуская стакан на стол. — Черт возьми, Вася, вот уж точно несостыковочка. Там же было еще двое сумеречных.

— Всего, значит, десять, — растерянно пробормотал Вася. — Почему?

Что-то, видимо, не укладывалось в его голове. Не мог понять Вася, живущий уже сто лет, что сумеречные все же нарушили правила. Непонятно, правда, пока, для чего, но факт оставался фактом. Похоже, это дошло и до Сомы, и до Евгения Валерьевича. Вася же старался отрицать, потому что сам образ его мышления не мог предположить, что такое возможно.

— Не может такого быть, — он отрицательно покачал головой и вновь придал своему лицу равнодушное выражение. — Для сумеречных это же верная смерть. Стоило им так сделать, и они бы заплатились. Пришли бы Исправители и попросту не дали бы им совершить подобного.

— Но сумеречных все же было десять, — сказал Евгений Валерьевич, — и, судя по всему, Виталик не врет, говоря, что убил двоих. Никто из нас не врет.

— Кроме сумеречных, — добавил Сом. — Что-то они затевают, поверьте мне.

— Вполне возможно, что в этом замешан и Виталик. — Вася встал, положив руку мне на плечо. — Ты все равно рано или поздно осознаешь, кто есть на самом деле. Только смотри, чтобы это было не слишком поздно.

— Не понимаю, откуда ты выкопал свои нелепые предположения, — проворчал я. Как надоело убеждать его, что он не прав!

Но Вася уже не слышал. Подхватив со стола бутылку пива, он вышел из комнаты.

— Я тебе верю, — сказал Евгений Валерьевич, — ты отличный парень. Если бы я знал тебя в начале века, то не задумываясь бы принял в Игру.

— Я бы не пошел. К чему мне такая ошалелая жизнь. Мы молча допили пиво, и Евгений Валерьевич ушел, сказав, что ему еще надо проверить кое-какие дела Краевском.

Сом остался еще ненадолго, расспрашивая меня о моей жизни. А что ему говорить? О том, как я ушёл из дома в шестнадцать лет после того, как пьяный отчим выбил мне передние зубы о дверцу шкафа? Или о том как я, повстречав Генку после окончания университета решил, что гораздо легче заработать на жизнь воровством, чем обыденной работой? Это не Игра, это самая настоящая жизнь, и я тоже всегда знал, что могу умереть в любой момент. Безо всяких там правил. И что точно не проживу сто лет.

Сому это неинтересно. У него свой мир, хоть мы и живем на одной земле и в одной стране. В его мире все ещё преобладает честь, хоть и в несколько извращенной форме. Но зато, когда меня били в подворотне ногами и видел корчащегося у мусорных баков Генку, не понимающего, где он находится, после ошутимого удара бутылки кой по голове, я твердо осознал, что не завишу ни от кого и могу поступать только так, как захочется мне, а не кому-то другому.

Возможно, мне не понять их Игры только поэтому.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Краевское всем своим видом напоминало село, вырванное из какого-то футуристического романа, в котором мир настоящего и прошлого переплетался чудным образом, сливаясь в единое целое.

Хатка Сомы стояла около центра села, и вокруг тянулись такие же небольшие домики, с покосившимися крышами и заросшими хмелем и виноградом заборами. Дороги никакой не было и в помине. Так, ухабы, ямы, булыжники.

Однако вдалеке виднелись крыши многоэтажек и даже одно высокое стеклянное здание, наподобие американских небоскребов.

— Это и есть Цитадель, — пояснил Сом, когда я спросил у него, что это, — она — центр Краевского. В нем сидят главы нашего села и Колька. Еще в нем что-то похожее на кабинет министров и комнаты для совещания и принятия решений. На верхних этажах разрабатывают планы по действию игроков Зари на ближайшее время, проводят анализ игры, выискивают потенциальных игроков для следующего набора, ну и тому подобное. В самом селе живут игроки, в основном занимающиеся разработками, или те, которые хотят отдохнуть от игры. Разрядиться, так сказать. Сейчас народу почти вдвое больше наехало. Из всех ближайших городов. Такой наплыв тоже частенько происходит. Так что скоро привыкнешь.

У Сомы был ярко-красный "Мерседес-600", правда, на бездорожье он гнал не больше восьмидесяти километров в час. Стоило ему прибавить скорость, как нас начинало трясти и качать, как при шторме на легкой парной яхте. Помимо нас, в салоне находились Вася и Вероника, у которых были свои дела в Цитадели.

Ехали молча. Вероника заговорила, только когда начался асфальт и мы въехали в более обжитую и современную часть села. Пошли двухэтажные дома из кирпича, а не из самана и, следом, пятиэтажки с обшарпанными стенами и утыканные со всех сторон антеннами, как ежи.

— Село, конечно, не ахти, но оно мне нравится, — Вероника смотрела по сторонам, словно кого-то выискивала, — даже больше чем Новоозерск. Он еще новый город! почти ничего не повидал на своем веку, а Краевское уже многое пережило. Его фашисты пытались оборудовать под концлагерь, только мы не позволили. Это единственный случай был, когда мы вмешались в частную жизнь обыкновенных людей. Собрались небольшой толпой и уничтожили всех немцев в радиусе нескольких километров вокруг села. Больше они сюда не совались.

— Весело было, — добавил Сом, — как они перетрухнули, когда мы начали опрокидывать на их головы осколки их же собственных снарядов. "Шмайль! Шмайль! Хэнды хох!" — И он весело стукнул по баранке руками. Черт их поймет, что говорят, а все равно ясно, что ничего хорошего.

Я лениво смотрел на проносящиеся мимо перекрестки. В полдень народу было мало, лишь некоторые прогуливались по тротуару или сидели на лавочках, отдыхая. Я бы тоже сейчас так сидел, если бы ничего не случилось! А так приходится ехать неизвестно к кому — магу не магу, предсказателю не предсказателю, — чтобы задать ему важные вопросы, и, особенно, один — что мне делать дальше. Хотя я и так понимал, что самый разумный сейчас выход — это уехать обратно в Новоозерск и жить, как жил раньше. Правда, я не был уверен, что после этого смогу когда-нибудь не заглядывать в темные переулки в надежде, что никакого Сумеречного или Исправителя там нет. Но что же еще мне делать? Стать их игроком? Партизаном? Так я и безо всякого дара и денег могу им стать. Мне бы только научиться отличать сумеречных от простых людей... а почему, собственно, сумеречных? Разве игроки Зари чем-то отличаются от них? Они что, добрее, что ли? Ни капли, черт возьми. Они играют по тем же самым правилам, и лишь случайно я спас их игрока, а не игрока сумеречных.

Так что можно убивать всех без разбора. Конечно, тогда Исправители точно примутся за мою особу. Да и не только они. Скольких я успею уничтожить, прежде чем игроки уничтожат меня? С десятков, думаю. А может, и больше, если бомбу раздобыть. У меня же есть связи.

Мы проехали детский сад, в котором несколько ребятишек весело скатывались с железной горки. Я непроизвольно вздрогнул. О чем думаю, господи? Об убийстве! Для начала о жизни надо подумать, а не о том, как ее истреблять.

— Что такого говорили вчера на конференции? — вдруг спросил Сом. — Что-то я все забываю поинтересоваться. Говорят, сегодня вечером всех, кто есть в городе, будут собирать. Какое-то важное сообщение в Цитадели зачитывать будут.

— Точно, — ответила Вероника. — Колька сказал, что из Москвы прислали новый пакет правил для игроков Зари. Еще некоторые правила отменили, заменив их более новыми и полными. Сегодня будут зачитывать. Должны прийти все до единого, поскольку правила должны получить все и выучить их наизусть. Тебя, Сом, это тоже касается, не вздумай увиливать, а то мне рассказывали, как ты в прошлый раз исчез из города на неделю, никому ничего не сообщив.

— У меня свои дела были, — проворчал Сом, — а сейчас я пока свободен.

— Встретимся вечером у тебя. Виталика брать будем?

Вася отрицательно покачал головой. Я и сам понимал, даже если бы и захотел пойти, меня бы просто не пустили. Но я не хочу. Это не моя жизнь.

"Мерс" вырулил на широкую улицу с двухсторонним движением, но машин по-прежнему было мало. Цитадель игроков заметно приблизилась, заслоняя небо и играя отражением солнечных лучей на своих стеклянных боках. Интересно, как им удалось построить (даже не в городе — в селе) такое сооружение? Ведь сколько денег на это ушло! Нет бы, построить пару заводиков, принять статус городка. Но, может, просто не хотят привлекать внимания высоких начальников, которые не являются игроками? Все логично. Из маленького, неприметного села гораздо легче управлять людьми, чем из большого города, где и так проблем выше крыши.

Машина выехала на ровную площадку перед небоскребом и остановилась между двух "Жигулей" разных моделей. Всего машин, стоящих около Цитадели, было пять или шесть, людей и того меньше. Внутри здания в коридоре сквозь стекло можно было разглядеть снующих туда-сюда работников.

Мы вышли. Вася нацепил на нос черные очки и стал похож на шпиона, который пытается замаскироваться. Меня это развеселило:

— Ты как франт, — сказал я ему. — Для чего так наряжаться?

— Мне нравится, — коротко бросил Вася. Вероника с Сомом пошли к широким дверям Цитадели. Мы последовали за ними.

Просторный коридор внутри был устлан мягким ковром зеленого цвета. Вдоль стен стояли горшки с какими-то цветами и кресла, вероятно, для ожидающих. Таковых не

наблюдалось.

Сквозь затемненные стекла в холл проникал приятный, чуть сероватый свет. В стороне коридор сужался и тянулся несколько метров до широкой лестницы, которая в конце раздваивалась и вела вниз и вверх. Рядом с коридором расположились два лифта с двойными дверями. Довольно красиво было, словно это здание не в селе находилось, а в центре какого-нибудь крупного города, вроде Москвы или Питера.

Левую часть коридора занимала стеклянная перегородка, за которой нас встретила милая улыбающаяся девушка.

— Чем могу быть полезна?

— У нас встреча на шестом этаже. Договоренная, — сказала Вероника — Следуем мы двое, — она показала на Василия, — и еще двое пойдут к Коле. Он их тоже ждет.

Девушка согласно кивнула и весьма заинтересованно посмотрела в мою сторону.

— Человек? — одними губами спросила она у Вероники.

— Человек, — ответил я, улыбнувшись. — Давненько не общались с настоящими людьми?

— Вы чересчур странны для обычного человека, — ответила девушка, — но в любом случае желаю вам удачи в разговоре с Колей. Если хотите, потом можем даже встретиться!

Ого! Да она меня кадрит! Да еще на глазах у всех. Я бросил взгляд в сторону Вероники. Нет уж, девушка, извини, но у меня насчет любви другие планы...

— Постараюсь освободиться быстрее. — Я улыбнулся и пошел вслед за Сомом. Вероника с Васей направились к лестнице, о чем-то оживленно разговаривая. Видно было, что Вероника вдруг начала сильно волноваться. Только волнение у нее было не такое, как перед входом в метро, к сумеречным, а какое-то немного другое. Веселое, что ли? Мы с Сомом подошли к дверцам лифта. Сом нажал кнопку вызова и выудил из кармана пачку "LD".)

— Будешь?

Давненько я не курил. Два дня почти. Взял протянутую сигарету и прикурил.

— А куда это они? — Кивок в сторону удаляющихся по коридору Васи и Вероники.

— Максим приехал, — ответил Сом, — тот самый, которого ты не слишком дружелюбно огрел дубинкой в подземке. Здорово же ему досталось. Едва выбрался.

— Его поймали?

— Скажем так: почти. Насколько я знаю, он потерял два пальца на левой руке и, кажется, немного обгорел.

Я присвистнул.

— Вот, вот, — кивнул Сом, — в следующий раз думай, прежде чем кого-нибудь ударять.

— В тот момент мне была всего лишь нужна его сумка, — ответил я, — его никто не просил сопротивляться грабежу.

— А ты бы не сопротивлялся?

— Я бы смог дать отпор!

— И он бы смог, если бы за ними не гнались сумеречные. Он, кстати, продырявил твоего друга, а до тебя ней добрался только потому, что считал, что ты сможешь ему помочь. Он же ведь помощи у тебя просил, верно?

— Точно. Но я бы не стал обращаться за помощью к незнакомым людям в два часа ночи в подземке.

— У нас, заметь, другие понятия о людском благородстве. То, что происходит в обществе сейчас, неприемлемо для нас. Мы сложены по старым принципам, где человек человеку не волк, а товарищ!

— А зря. Может, поэтому вы и смогли набрать в начале нашего века так мало игроков.

Отличная сигарета. Что-то у них тут все отличное. И село тихое, и пиво, и сигареты. Наверное, стоит остаться тут еще на несколько дней. Если только не нагрянут Исправители.

Дверцы лифта разошлись, и я обнаружил небольшое помещение с ковром на полу и

удобными пластиковыми ручками на стенах, чтобы держаться. С потолка ярко светили две лампы дневного света. Из одного угла смотрел глазок видеокамеры.

— С охраной у вас тут, видно, отлично налажено, — заметил я, входя в лифт.

— А ты думал. Не в игрушки играем, — Сом хмыкнул, — хотя черт его знает во что... — Двери лифта закрылись, и он медленно и плавно пополз вверх.

— Виталик, слушай меня. Я без понятия, сколько вы проговорите с Колькой, но наверняка никак не меньше часа. Чтобы не стоять там и не ждать, я спущусь вниз и подожду в машине. — Сом на секунду замолчал, а потом добавил: — Как спустишься — разбудишь. А то мне еще вечером на конференцию топать.

— Непременно, — сказал я.

Мы вышли из лифта и попали в еще один неширокий коридор с креслами вдоль стен. Пол здесь был выложен скользким и начищенным до блеска кафелем, что живо напомнило мне метро. А еще городскую больницу, в которую я отвез Генку. Только здесь было тихо, а там нет. Наши шаги отдавались гулким эхом. Мы молча прошли почти в самый конец коридора пока, наконец Сом остановился около одной из дверей. Внешне она ничем не отличалась от остальных. Деревянная, покрытая бесцветным лаком, с круглой металлической ручкой и табличкой, на которой было выгравировано: "Вход только по предварительной договоренности".

— Какие мы строгие, — прошептал я, потому что в такой тишине говорить иначе просто нельзя было.

— А ты думал, — вновь повторил Сом. — В этом кабинете даже я нечасто бываю, хотя имею на это права побольше других.

— Чем же ты занимаешься? — удивился я.

— Как-нибудь в другой раз расскажу. — Сом постучал и, немного приоткрыв дверь, просунул в щель голову.

— Колек, тут к тебе кое-то пришел. Ждал?

— Ждал, — донеслось из-за двери, — пускай проходит. Хочу посмотреть на человека!

Сом посторонился и, когда я проходил мимо него, сказал:

— Разбудишь, если что. Я — в машине.

За столом сидел обычный человек. Чуть полноватый, с широким лбом и залысинами. Седые виски, нос картошкой, губы толстые. Одет в летнюю рубашку с короткими рукавами, которая была расстегнута, обнажая безволосую, вспотевшую, несмотря на работающий вентилятор, грудь. Возле человека на столе стояла бутылка с водой, и больше на столе ничего не было.

— Присаживайся, — Коля кивнул на стул и молча разглядывал меня, пока я садился.

— Ты, значит, и будешь Виталик, — не вопрос, а утверждение.

— Точно так, а ты — Коля?

— Пожалуй, что я. — Коля усмехнулся. — Наслышан тебе. Почти как партизан действуешь. Мочишь сумеречных направо и налево. От Исправителей убежал. Веронику спас... Пиво будешь?

— Тарас приготовил? Коля кивнул.

— Тогда буду.

Он выудил из-под стола бутылку пива, откупорил и, сделав глоток, протянул мне.

— Перейдем сразу к делу... Что ты от меня хочешь Я пожал плечами:

— Честно сказать, я только об этом и думаю уже дня. Что я от тебя хочу? Там, в Новоозерске, я думал, ты сможешь устроить мне встречу с Создателями, и я как-нибудь уговорю их оставить меня в покое. Ну, знаешь, хотел пообещать, что никому ничего не скажу и все такое в этом же духе. Теперь-то я знаю, что это невозможно.

— Ты хочешь включиться в игру? — неожиданно спросил Коля, принимая у меня бутылку.

— Почему вы все думаете, что я только этого и хочу? — удивился я. — Все без исключения. Евгений Валерьевич уговаривал меня отказаться от этой затеи, потом Сом и

Вероника. А может, я не хочу становиться игроком? С чего вы все думаете, что мне это нужно?

— У нас жизнь лучше, — ответил Коля таким тоном, словно это было единственное абсолютное и доказанное правило.

— И смерть, — добавил я, — куда как лучше. Вы же после смерти попадаете на небеса к своему собственному Создателю? Верно? И он, судя по всему, делает вашу вечную жизнь райской?

— Отлично сказано. И это чистейшая правда. Не стану отрицать, что в основном только из-за этого и пошел в игру. И многим советую следовать моему примеру. Но у тебя ничего не получится, — бутылка снова перекечевала в мои руки, и я сделал глоток, — срок набора игроков истек несколько лет назад. До следующего срока тебе не дожить, а взять тебя сейчас, значит, нарушить правила Игры и обрушить на себя гнев Создателей. А мы тут не хотим, чтобы в Краевском появлялись Исправители.

— И что же ты можешь предложить?

— А чего ты ждешь от меня? Вот в чем вопрос.

Я задумался. А ведь и правда ничего особенного не жду. Просто, казалось, хотел получить совет. Но какой? Как мне жить дальше? Что делать в ближайшие сутки? А может, когда все-таки за мной явятся Исправители?

— Я хочу узнать пока только одно. Что происходит вокруг? Почему Исправители не приходят за мной? Почему сумеречные не обращают на меня никакого внимания, когда я вместе с игроками Зари захожу в метро, бы убивать их же самих? Почему Вася считает, что я не человек, а кто-то другой, третья сила? Сможешь ответить на такие вопросы?

Я заметил, что Колька вспотел. На затылке проступили крупные капли пота.

Что это он? Волнуется?

— Нелегкие у тебя вопросы! — тяжело выдохнул Колька — Прямо скажу, что ответить на них мне, скорее; всего, не удастся. Вернее, получишь ты не совсем точные ответы. Что происходит вокруг? Да ничего не происходит. Мы — играем, вот, собственно, и все. Единственное правило — это не мешать людям. Пойми, Виталик, что это только для тебя все вокруг кажется странным и непонятным. Для нас это обыденно. Даже немного скучно, я бы сказал. Вот так жить несколько сот лет, воевать по правилам, общаться с приближенными Создателей. признаться, мне все это порядком надоело. Уже давно забылась цель этой Игры. Для чего и почему — эти два вопроса никого уже не интересуют. Все просто играют для потехи Создателей.

— Ну, а что со мной? Для вас-то я необычен.

— Ты — другое дело — Коля достал из нагрудного кармана рубашки платок и вытер с затылка пот. — Я не знаю, кто ты такой, но склонен думать так же, как и большинство.

— И что же оно думает?

— Что ты — Третья Сила. Знаешь, я пришел в Игру с уже заранее определенной должностью — стать жрецом и поэтому никакого другого дара мне, в принципе, нужно не было. Я не могу отличать сумеречных от игроков Зари, не могу плевать огнем или гипнотизировать взглядом. Но я могу видеть в людях то, чего они не замечают в себе. Видеть их скрытые потенциальные возможности. К примеру, ты знаешь, что Вероника не только может запоминать и переносить в своем мозгу важную информацию? Она еще и прекрасный лекарь. Дар, данный ей не Создателями, а от рождения самой природой. Она не знает об этом, потому что кое-кто просил не говорить ей, но это знаю я. Я определил, кем она должна была быть, если бы так и осталась обычной женщиной. Хочешь, я могу точно сказать и тебе, кто ты есть на самом деле?

— Я и так знаю... человек, — хмыкнул я растерянно. В самом деле, что во мне может быть необычного?

— Ты не человек, — покачал головой Коля, — люди не выживают в схватке с сумеречными. Смотри... — Он протянул мне свою руку, ладонью вверх, широко растопырив пальцы.

Одного пальца у Коли не было, но я бы этого не заметил, если бы он мне не показал. Потому что кто-то очень искусно вырезал у него часть ладони вместе с косточкой недостающего пальца и сшил оставшиеся половинки вместе. Ладонь до самого запястья пересекал длинный ровный шрам. Словно и не было пальца. Словно так и должно быть.

— Исправителей было двое, и они были безоружными. А у меня был ТТ и еще два складных ножа с выбрасывающимися лезвиями. Думаешь, оружие помогло? Ни капли. Меня спасли подоспевшие на помощь друзья, вырвав из лап Исправителя. Они-то его и убили.

— Ты сказал — Исправителя? — удивился я. — Постой, значит, ты нарушил правила, а потом не стал нести за это наказание?

— Я оговорился, — поспешил поправиться Коля, — сумеречные. Конечно же, меня порезали сумеречные, и если бы не помощь, то не сидеть бы мне сейчас на этом месте.

Он положил руку на стол, все так же ладонью вверх, и сказал:

— Если ты хочешь узнать, кто ты есть на самом деле, то возьми мою руку и сожми ее. Только крепко, чтобы я почувствовал фаланги твоих пальцев сквозь кожу. Тогда я смогу взять из тебя энергию...

Стоит или нет? Черт побери, да я уже и так столько всего совершил не раздумывая, что же еще терять? И я взял его потную ладонь и сжал ее. Сжал с такой силой, что кончики пальцев его побелели.

Но он не выдернул руку. Напряженно улыбнулся и подмигнул. Я увидел, как мелко задрожала его нижняя губа, с которой на поверхность стола сорвалась капля пота.

— Терпи! — прошептал он. Зачем?!

Я понял!!

Ощущение, словно тебя одновременно сдавило со всех сторон, не самое приятное на свете.

Мне вдруг показалось, что голова моя начинает трещать, словно переспелый арбуз, и череп покрывается мелкой сетью трещин! Кости захрустели, рассыпаясь в крошку! Глаза вылезли из орбит. Мир передо мной колыхнулся и как-то неумовимо исказился, превращаясь в одно большое, расплывчатое, разноцветное пятно! Я почувствовал, как что-то выходит из меня, нехотя вытекает из сухожилий, вен и артерий и перетекает по моей руке в руку Коли. Словно сок из меня выжимают!

Еще я извивался на стуле, пытаюсь скорчиться, стать маленьким и незаметным, но ничего не получилось! Я не смог, и в один момент вдруг упал обессиленный на пол, всхлипывая, поджимая ноющую руку под себя, прижимая колени к самому подбородку и чувствуя, как по всему телу пробегают холодные мурашки.

Пелена перед глазами спала, и я увидел склонившегося над собой Колю.

Что-то в нем было не так... Что?

Капля пота свисала с его подбородка, готовая вот-вот сорваться. Широкие ноздри, из которых торчали жесткие черные волосики, желтые зубы, выпирающие из-под оттопыренной верхней губы. И глаза... Глаза без зрачков, затуманенные мутной, серой дымкой.

Я вскрикнул, пытаюсь отползти прочь от Исправителя (или сумеречного), но он резко схватил меня за левую руку и без усилия подтянул к себе.

— Я видел, кто ты есть! — прошипел мне на ухо Кодя, и я неожиданно понял, что глаза у него вновь обычные. Только почему-то не верилось, что такими они были всего секунду назад.

— Виталик, я теперь знаю о тебе очень много, и я понял, почему ты не такой, как все!

Боль в руке затихать не хотела, но я все же оперся ею об пол и сел. Коля разжал пальцы, и я, высвободив здоровую руку, начал массировать болевшую.

— Виталик, ты должен быть с нами. — Коля вдруг стал похож на сумасшедшего изобретателя из фильмов ужасов. Рубашка у него задралась до самого подбородка, челюсть дрожала, глаза (уже не мутные, но все равно подернутые какой-то прозрачной дымкой) почти вылезли из орбит и, не мигая, смотрели на меня. — Виталик! Это твое призвание —

помочь нам победить! Одолеть! Закончить наконец эту никчемную игру и навсегда остаться бессмертными!

О чем он шипит?

Я поднялся с пола, едва доковыляв на ставших вдруг ватными ногах до опрокинутого мною стула. Поднял его и сел, тяжело оперевшись о стол.

— Что ты сказал? — Внезапно навалилась усталость, словно я только что совершил пятикилометровый марш-бросок.

Коля торопливо вскочил и, присев на корточки около меня, взволнованно зашептал:

— Виталик! Ты — сила! Я не понял какая, но настолько мощная, что с тобой мы втрое сильнее соперника! Ты должен стать игроком! Обязан! Даже... черт с ним, с ритуалом перевода! Ты просто встанешь на нашу сторону! От лица людей, от всего человечества. Можно даже договориться, чтобы ты не соблюдал правила. Да они и не нужны тебе!

Я видел его мокрый от пота лоб, его возбужденный взгляд и чувствовал, как в голове медленно, но уверенно распутываются какие-то ниточки. Догадки. Что-то начинало складываться в неразрешимой некогда головоломке. Что-то, связанное с сумеречными и Исправителями и с моими размышлениями насчет всего, что творится вокруг.

— А может, ты все знаешь, Виталик? Может, ты все это специально делаешь, чтобы мы не догадывались? — продолжал возбужденно шипеть мне в ухо Коля. — Скажи мне. Я-то теперь знаю! Никто не знает, а я никому и не расскажу, если ты только поделишься со мной своей тайной. Зачем ты пришел? Скажи?

— Я все никак не могу понять, о чем ты говоришь, — пробормотал я.

— То есть? — вероятно, до него не дошло, что я только что сказал.

— Я говорю, что совершенно не имею представления, чего ты от меня хочешь, — повторил я. — Что ты во мне увидел?

— Силу! — произнес Коля, взволнованно облизывая губы. — Силу, которая поможет нам не только разгромить всех, но и добить наконец Исправителей!

— Что ты сказал?!!

— Что? — неправдоподобно удивился Коля.

— Только что... насчет Исправителей!

Все вдруг стало ясно как день! Куски головоломки, опрокинувшись в пропасть моего мозга, достигли дна и сложились в одну целую картину. Логическая цепочка завершилась результатом. Все веревочки распутались.

Я понял. Всю правду. Нужен был только толчок. И он дал мне его одной только случайной оговоркой.

— А глаза у тебя все же без зрачков, сумеречный, — произнес я, вскочил и отпрыгнул к двери. Откуда только силы взялись?

Выражение глаз Коли вдруг резко изменилось. Растерялся? Не похоже, скорее вдруг понял, что ляпнул лишнее, но решил не сдаваться.

— Что ты говоришь такое? Какой сумеречный, какие глаза? Я говорю, с тобой мы сумеем добить противника!

— Что-то ты перестал говорить уверенно, — заметил я, отступая все ближе к двери. — Никак нервишки зашалили?

— Да что... — Коля тяжело вздохнул, — выпуская воздух сквозь толстые губы. — Виталик, пойми, это побочный эффект после моего вмешательства в твой разум. Тебе всякая чушь в голову лезет. Не воспринимай ее всерьез. Присядь и выслушай внимательно, что я хочу тебе предложить.

— Не надо мне твоего бессмертия, — ответил я, — будь ты хоть самым Создателем!

— Да не Создатель я! — в сердцах воскликнул Коля. Я стоял около двери и мог в любой момент выйти.

А он, судя по всему, не хотел меня отпускать так скоро.

— Не Создатель я, — повторил он. — Я такой же, как Вероника и Вася. Только сижу все время в этом кабинете и никуда не показываюсь.

— Ты не похож на них.

— Почему?

— Не знаю. Не похож, и все. Что-то в тебе не от игроков Зари.

Коля усмехнулся:

— Давно ли ты с нами общаешься и многих ли видел, чтобы вот так судить?

— Достаточно, думаю, — я посмотрел на его взволнованное лицо. — Ну-ка расскажи, что ты увидел во мне?

— Я не обязан, — заметил Коля, — но тебе расскажу. Ты ведь можешь стать нашим, если захочешь.

Я кивнул. Вот именно, если захочу!

— В тебе присутствует какая-то скрытая сила. Такая древняя, что я даже не смог ее инициировать. Вероятно, она зародилась еще до появления Игры, и Создатели решили использовать ее много позже.

— Для чего она мне?

— Если ты сам не знаешь, то откуда знать мне? — пожал плечами Коля.

— Продолжай. — Я уже твердо решил, что сделаю сейчас.

— Если правильно научиться пользоваться твоей силой, то она сможет смести с дороги всех соперников и мы наконец выиграем!

— А что ты говорил насчет полного уничтожения Исправителей?

— Я? — Коля тяжело сглотнул. Он помнил, что проговорился, но старался сделать так, чтобы все выглядело как обычная оговорка. — Я не знаю. Слово просто само вырвалось. Думаю все время о сумеречных и Исправителях, вот и попутал...

— Хорошо, а зачем тогда надо было убивать Варю?.. Коля поперхнулся слюной и вытаращил глаза. Рот его

приоткрылся, но вновь закрылся, звонко клацнули зубы.

— Не понимаю... о чем ты...

— Все ты понимаешь! Небось, сам и руководил отсюда моей поимкой! Вернее, хотел выманить через меня Веронику или Васю? Да?

— Что ты несешь? Да как... я... зачем мне это вообще было нужно? Я мог и так найти их в любое время!

— Но ты не знал, где живет Вася! Вероника говорила, что он совсем недавно переехал, и никто не знал, кроме нее, где он живет.

— Я мог в любой момент послать ему факс! — Коля искривился в усмешке. Одно очко он все же отыграл.

— Ты так и сделал, если мне не изменяет память. Ну, а если ты хотел просто через меня найти его и убить? Чтобы не тратить время и средства на сбор конференции.

— Зачем мне нужен был бы ты?

— Я не знаю. Может, ты уже тогда подозревал, что во мне кроется какая-то сила. Например, в тот момент, когда я неожиданно спас Веронику из ваших рук.

— Из чьих? Я не сумеречный! И не имею никакого к ним отношения!

— Но у тебя глаза без зрачков! — заметил я. — И у оборотней тоже были такие глаза. И у того существа в подземке...

— Чушь, — Коля опустил глаза и напрягся. Внешне это не проявилось никак, но я-то, имеющий многолетний опыт в уличных драках и подлых ударах, понял, что он хочет сделать.

Я бросился к нему, лишь краем глаза успев заметить, как блеснул в его руке пистолет. От удара моих ног со стола полетел вентилятор, издавая предсмертное дребезжание.

В следующую секунду стул опрокинулся, и мы упали на пол. Он — на спину, хрипя и булькая, а я сверху, придавливая его коленями и сжимая его руки своими руками. Пистолет поехал по полу.

— Не стоило меня в это втягивать, — прошептал я, сдавливая коленом его шею. Лицо Коли налилось краской. Он забулькал еще сильнее, открывая и закрывая рот, ворочая

толстым языком.

— Не надо, — вырвалось у него. Наверное, израсходовал все остатки воздуха в легких.

— Нет, не пугайся, я не буду тебя убивать. Мне это ни к чему. За тобой придут игроки. Не знаю, что они с тобой сделают, но, черт возьми, я подробно расспрошу об этом!

Я огляделся в поисках подходящего предмета. Пистолет отъехал далеко. Зато вентилятор лежал совсем рядом, под ногой. Я поднял его и со всей силы опустил его на голову Коли. Дзен-нь!

Бедная махина! Одна ее лопасть со звоном отлетела. Другая чуть задела пухлую щеку Коли, распарывая кожу.

Сумеречный дернулся и обмяк подо мной. Глаза его передернула мутная дымка, и они закрылись.

Вот так. Я приподнялся и, порывшись в карманах его брюк, выудил связку ключей. Какой-то обязательно будет от этого кабинета. Посидит здесь, пока за ним не придут...

Я посмотрел на бессознательное тело. А ведь хороший мужик вначале был. Что с ним сделало знание о моей силе? Мог бы тихо, без шума и пыли перевербовать меня на свою сторону, и все... А так — лежи теперь на полу с распоротой щекой. Никто тебе не поможет.

Я развернулся и бросился бегом из кабинета!

Надо скорее все рассказать Сому, Веронике и Васе!

Приятный сюрприз, ничего не скажешь!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Только когда створки лифта открылись, я обнаружил, что на улице уже стемнело. Сквозь прозрачные стены в холл пробивались последние лучи заходящего света, но шикарные люстры под потолком уже горели вовсю.

Сколько же Коля меня держал под гипнозом? Может, Сому уже надоело ждать, и он уехал?

Я посмотрел на улицу, но ничего не разглядел, кроме неясных силуэтов проезжающих автомашин.

А еще в холле было очень много народа. Огромное количество разнообразных людей, переговаривающихся между собой, смеющихся, толпящихся около гардероба.словно я попал в театр на какой-то очень популярный спектакль.

Это, наверное, начинают собираться на конференцию. Я начал протискиваться между людьми, направляясь к выходу.

А будет ли вообще конференция? Ведь Коля лежит без сознания в своем кабинете, а именно он собирал людей.

Для чего — вот в чем вопрос? Вероятно, сумеречные затевают что-то, иначе он не захотел бы так резко включить меня в число игроков. Вернее, в число своих людей. Игроком-то как раз он мне и не предлагал становиться. Только помощником, силой, о которой никто, кроме него, не знает.

И еще эта его странная фраза об уничтожении Исправителей...

Я выскочил в прохладу вечернего дня и огляделся.

"Мерседес" Сомы стоял на том же самом месте. Сам Сом, облокотившись о капот, здоровался с проходившими и кивал в ответ на какие-то неслышимые вопросы.

— Вернулся наконец. Я уже начинал было думать, что ты останешься до самой конференции. — Сом улыбнулся и распахнул дверцу машины. — Поторопись, мне еще надо отвезти тебя обратно, заехать за Вероникой с Васей и успеть к началу.

— Конференция отменяется, — сказал я, забираясь в салон, — и, пожалуй, поехали сразу к Веронике.

— Ты чего такой взволнованный? — Сом снял зеркальные очки и посмотрел на меня удивленным взглядом.

— Ваш жрец, который Коля, оказался сумеречным. Сом хмыкнул:

— Виталик, а ты не спятил случаем, наконец?

— Не спятил! Выслушай меня внимательно.

Сом завел мотор, и машина плавно тронулась с места.

— Я еще никому не говорил, и ты будешь первым, — начал я. — Там, в парке, когда на меня напали Исправители... точнее, якобы Исправители, я увидел, что их глаза были без зрачков. Просто мутная пелена. Может, так и должно было быть, но и у сумеречного, который напал на меня в метро, тоже были такие глаза. Тогда я не придал этому особенного значения, но потом...

Машина резко вильнула в сторону, и Сом выругался:

— Чертовы туристы... понаехали на лето, теперь носятся как угорелые!!! Продолжай, Виталик, я слушаю.

— Потом мы подсчитали, сколько людей было в метро, и, ты помнишь, оказалось, что десять сумеречных, хотя по правилам должно было быть всего лишь семеро

Сом кивнул.

— И еще странно было то, что никто из сумеречных не обратил на меня внимания, когда я с Вероникой и Евгением Валерьевичем спускался в метро. Так, словно они все уже знали обо мне. Но ведь это было прямое нарушение правил, и никто ничего не сказал! Потом Вероника рассказала мне о том, как Вася убил одного из Исправителей. Причем на глазах у сумеречных. До последнего часа мне это ничего не говорило, хотя я уже кое о чём догадывался, но когда ваш Коля вдруг взбесился... тогда я все понял!

— Взбесился? Что там у вас произошло?

Я вкратце рассказал Сому о том, что случилось в кабинете у жреца.

— Что-то я не улавливаю смысла твоего поведения, — пожал плечами Сом. — Он очень часто так себя ведет после сеанса. Это у него нервное...

— Но и у него были мутные глаза... без зрачков.

— А ты не принимаешь во внимание количество выпитого тобой сегодня пива, нервный стресс, который ты испытал за несколько последних дней, и сеанс гипноза, который немного действует на мозги?

— Ты меня не понял, Алексей. Коля сказал, что с моей помощью они смогут добить Исправителей. Вникаешь? Это не просто оговорка! Так оно и есть! Когда сумеречные поняли, что Исправителей тоже можно убивать, они стали именно так и поступать! Я почти уверен, что если поднять статистику последних десятилетий, то в какой-то отдельный момент обнаружится, что сумеречные нарушали правила очень часто, а затем вдруг резко нарушения оборвались.

— Выманивали Исправителей? — задумчиво пробормотал Сом. Кажется, до него тоже начинало доходить.

— Точно! Именно выманивали, чтобы убить.

— Это невозможно, — Сом покачал головой, — за нами же не только Исправители смотрят! А еще и Создатели! К тому же неизвестно, сколько Исправителей было на самом деле!

— А если уже никто и не смотрит? Если Создателям уже давно надоела эта Игра, и они теперь делают что-то другое? А вы здесь воюете между собой, сами не зная для кого и для чего?

— Но наши дары... и бессмертие, — не очень уверенно возразил Сом. Солнце село окончательно, и он включил фары.

— Это было дано вам с самого начала... и вообще, слушай дальше! Выманивая Исправителей, сумеречные уничтожали их одного за другим. Потом, скорее всего, Исправители перестали появляться. Или, может, появляются крайне редко. Факт в том, что они перебили их почти всех. Теперь некому мешать вашей непонятной Игре!

— Чушь, — фыркнул Сом, но еще неувереннее.

— И тогда сумеречные начали вести свою игру. Против вас. Уже не по правилам, потому что их не стало! Вот почему их было десять в метро, а не семеро!

— Допустим, — все еще с сарказмом в голосе сказал Сом. — Ну, а при чем тут ты? И откуда тогда взялись Исправители в парке около твоего дома?

— В том-то вся и суть, что это были не Исправители! А сумеречные! Они увидели, как я спас Веронику от самоубийства в метро, и выследили нас. Вероятно, нужен был кто-то из игроков, Вася или сама Вероника, не знаю, но они решили найти их через меня. Может, те два сумеречных, которые преследовали меня в парке были лишь приманкой для Вероники, а может, они хотели подстегнуть ее, чтобы она отвезла меня к Васе. Ведь он как раз только переехал, и они не знали, где он живет.

— Черт возьми, ты здорово рассуждаешь! Как детектив! — воскликнул Сом. — Я даже начинаю кое-чему верить... А ну-ка! — Он выкрутил руль. Машина резко развернулась на месте и остановилась.

Сом погасил фары, и в темноте я видел только его силуэт. Он повернулся ко мне:

— Да ты понимаешь вообще, что только что мне рассказал? — голос его прозвучал неожиданно агрессивно.

— Вполне, — ответил я.

— Ты представляешь, что произойдет, если это все правда? Все устои, которые сохранялись на протяжении четырехсот лет, все укоренившиеся в сознании правила, кодексы, наша мораль — все это рухнет! Черт побери, я же не смогу тебе поверить. Это невозможно... Коля не может быть сумеречным. Он сам был нашим игроком очень долго.

— Но и у него нет зрачков!

— Но Коля играет уже почти двести лет... Значит, по-твоему, выходит, что с того времени они начали уничтожать Исправителей!

— Он может быть предателем!

— Вряд ли! Мы бы узнали об этом!

— Но речь уже не идет о вашей Игре! Речь идет о войне, которую устраивают для вас сумеречные! Судя по тому, как вел себя Коля, они будут действовать в ближайшее время! Может, даже уже сейчас действуют!

Сом ничего не ответил. Судя по его лицу, он пытался трезво проанализировать все то, что я ему сейчас рассказал. Наверняка не укладывалось в его голове, что такое может случиться. Но он на то и игрок. Я же сторонний наблюдатель, и мне гораздо легче увидеть то, на что они обычно не обращают внимания.

— Возможно, что ты и прав, — произнес наконец Сом, — но тебе могут и не поверить! Все слишком противоречит нашей логике! Это чистейшей воды переворот, революция, только не такая, какая должна быть. Извращенная какая-то... Представляешь ее масштабы? Не только мы, но и все обычные люди захлебнутся в насилии, которое могут устроить сумеречные, если все так, как ты предполагаешь.

— Но ведь есть Коля, которого можно допросить!

— И что толку? Поверь мне, Виталик! Очень трудно поверить. Почти невозможно! Ты, вообще, хорошо себя чувствуешь?

— Я чувствую себя отлично! Ведь все же ясно объяснил!

Правда, оставалось еще одно доказательство. Я полез за пазуху и вытащил тот самый пистолет, которым пытался застрелить меня Коля. Как будто предполагал, что он сможет послужить веским аргументом в моих убеждениях, когда нагнулся, чтобы поднять и взять его с собой.

— Вот! Что ты на это скажешь?

Сом резко включил в салоне свет. Я увидел, как сузились его зрачки. Он чуть прищурился, разглядывая оружие в моих руках:

— Пистолет Макарова... ммм.

— Хочешь сказать, что это тоже галлюцинация? Из него меня хотел застрелить ваш жрец.

— У Коли никогда не было оружия! — что-то не слишком твердо Сом произнес последнюю фразу. Видать, все же его задели мои рассуждения.

— И все-таки я подобрал это у него в кабинете, перед этим выбив у него из рук. Можешь снять отпечатки пальцев.

— Там уже твои отпечатки, — пробормотал Сом, — Ио при желании можно...

— Вот именно. — Я аккуратно завернул пистолет в платок и засунул его за пазуху. — Так что, может, все поедет сразу к Веронике?

Сом словно очнулся от каких-то внутренних рассуждений и часто-часто заморгал:

— Ну да. Я тоже подумал об этом. — Свет в салоне погас, и машина вновь тронулась с места.

Мимо нас по дороге пронесся армейский джип с открытым верхом. Толпа подростков, сидящих в нем, приветствовала нас бешеным гиканьем и свистами.

— Туристы! — процедил Сом. Не сильно он их любит...

— И еще одно, — сказал я после некоторого молчания. — Исправители когда-нибудь убивали обычных людей, если они даже косвенно не вмешивались в игру?

— Правило номер один — никогда не нарушать правил! Правило номер два — никогда не трогать обычных людей, если они не вмешиваются в игру сами! — отчеканил Сом. У него эти слова, наверное, в коре мозга вырезаны. — Исправители тоже придерживаются наших правил. Они бы не стали убивать никого, кто бы не мешал им, если не знал об игре. А к чему ты спросил?

— Тогда зачем этим якобы Исправителям понадобилось убивать Варю, женщину, которая сдавала мне квартиру? Я-то уверен, что она даже косвенно не могла участвовать в Игре.

— Возможно... все возможно. — Машина затормозила около двухэтажного дома. Над крыльцом и в окнах первого этажа горел свет. — Нас уже ждут. Пошли.

Мы вышли. Сом торопливо, почти бегом пересек лужайку перед домом и поднялся на крыльцо. Я еле успел догнать его, прежде чем он вошел. Да, парень, наверное, сейчас растерян как никогда. Или уже понял, насколько велика может быть трагедия!

Вероника стояла в коридоре. Видно, она услышала звук подъехавшей машины и собиралась выйти навстречу. Впервые я увидел ее, одетую в красивое черное платье. На груди — колье.

Волосы завиты и хорошо уложены на плечах. Вот теперь точно и бесповоротно — я в нее влюбился!

— Где Вася? — хором спросили Сом и Вероника друг у друга и замерли с открытыми ртами.

Взволнованный Сом и не менее взволнованная Вероника. Тут не надо быть детективом, чтобы понять, что и у них что-то случилось.

— Где он? — наконец повторил Сом. — Нам надо кое о чем поговорить!

— Я думала, что он поехал к вам. Ему надо было срочно поговорить с Виталиком... Максим что-то узнал в подземке о том, что происходит. Что-то очень важное для всех игроков... Вася взял с собой ноутбук и сказал, что встретимся в Цитадели, на конференции.

— Мы тоже кое-что узнали, — ответил Сом. — Думаю, тебе лучше сесть.

— Что такое? — Вероника посмотрела на меня. — Исправители?

Естественно, первое, о чем она подумала, так это то, что за мной пришли Исправители.

— Нет. Исправители уже ни за кем и никогда не придут. Их уничтожили!

— Ч-что? — Вероника тяжело опустилась на краешек тумбочки, стоящей в коридоре под зеркалом. — Ну-ка расскажите подробнее.

Сом вздохнул (что-то голос у него задрожал. Видно, тоже нехило перепугался), и очень быстро пересказал Веронике все мои догадки. По мере его рассказа ее лицо вытянулось от удивления, а глаза вдруг сделались большими и бездонными. Как тогда, в подземке. Она переводила взгляд то с меня на Сома, то куда-то в потолок, то вообще словно смотрела в пустоту, размышляя о чем-то, ведомом только ей самой.

Мне показалось, что она не поверила.

Когда Сом закончил, коридор наполнила звенящая тишина. Вероника молчала,

покусывая губу, пытаюсь понять и осознать.

Сом молчал, потому что он-то как раз поверил моему рассказу. Я почему-то был в этом уверен. Слишком много доказательств. А перед фактами даже адвокату не устоять!

А мне больше нечего было добавить. Разве только самому попытаться понять, а для чего, собственно, я вдруг помогаю игрокам Зари? Что такого они для меня сделали? Или что меня все еще удерживает около них?

Ведь, по моей логической цепочке, если нет Исправителей, то никто меня искать не будет, никому я не нужен. Даже сумеречным, которые использовали меня только как способ найти Васю. Или Веронику? В любом случае им это не удалось, и сумеречные вызвали их обоих на конференцию. Теперь я никому не нужен! Так почему бы не уйти? Что же меня держит?

Может, та самая непонятная древняя сила, которая едва не свела Колю с ума и открыла всю его извращенную сущность? Думаю, я не смогу уйти от них, пока не выясню, кто же я есть на самом деле.

— Все так... нелепо, — наконец произнесла Вероника. Тихо-тихо, словно самой себе. Словно уговаривала себя, что все сказанное — правда, хоть и кажется выдумкой. Фантомом. — Вы меня... не разыгрываете, случаем?

— Ни в коем случае, — ответил Сом тоже тихо. — Поверь нам. Все, что я рассказал, — правда! Сумеречные начали настоящую войну! Теперь уже не до правил. И не до Игры! Теперь только один вопрос — что они предпримут дальше!

— И все-таки как все странно... — прошептала Вероника. Смотрела она в пол, не поднимая на нас глаз. — Я же знаю Колю! Уже столько лет знаю! Не может он быть сумеречным! У него же такой добрый характер! Двое детей. Жена... Катя... она же такая милая женщина! А всего недели две назад он при мне разговаривал с Исправителем! О чем-то просил его... я не помню...

— Фикция! — резко сказал я. — Он пудрил вам всем мозги."

— Зачем?

— Для информации! Информации, нужной сумеречным, чтобы что-то предпринять против вас же самих.

— Убить нас всех?

— Почему бы и нет! Вы игроки, которых надо убить, чтобы остаться навеки бессмертными. По-моему, такой поворот дела самый логичный в данной ситуации!

— Но мы же не в двадцатом веке живем. Ты думаешь, они не понимают, что если предпримут подобный шаг, то заденут не только весь мир игроков, но и мир обычных людей!

— А может, им наплевать! — встрял Сом, — Вероника, когда ты последний раз получала информацию о сумеречных?

— Лично я не занимаюсь этим. Это по Васиной части, — Вероника задумалась, — но он тоже что-то говорил о том, что сумеречные затаились...

Неожиданно до меня дошло.

— Вася тоже догадался! — выпалил я. — Он все понял! И обо мне и о сумеречных! Он в тот день еще догадался, когда мы только приехали в Краевское и выяснилось, что в метро сумеречных было больше, чем положено!! Вот почему он ушел в Цитадель — чтобы подтвердить свои догадки! Возможно, он уже допрашивает жреца!

— Вася мог, он у нас умный парень! — Сом склонился над Вероникой. — Поверь нам! Я понимаю, что тебе это очень трудно, как и мне было полчаса назад, но все же...

— Знаете... это напоминает мне тот день, когда меня Решили включить в Игру! — тихо произнесла Вероника. — Они просто пришли ко мне — три молодых человека в рясах, чтобы все думали, что они священники, и, сев около меня в кружок, стали говорить мне о благах Игры. О богатстве, которое я буду иметь, о бессмертии, о собственной неуязвимости. О том, что в моей голове теперь будет уместиться столько мыслей и информации, сколько я захочу... Но я ведь хотела стать всего лишь лекарем.

Я удивленно посмотрел в ее широко открытые глаза. Значит, прав был Коля, прав.

— Мне, честно говоря, не надо было всего того, что предлагали священники, но я пошла за ними. Почему? Сама не знаю. Что-то подсказывало мне, что так будет правильнее для всех, кто меня тогда окружал. Наверное, в том внутреннем голосе была частичка и самого Создателя, — она грустно усмехнулась, — я ведь не поверила тогда ни единому слову священников. Настоящая вера пришла после, спустя, наверное, двадцать, а то и тридцать лет. Даже, скорее всего, только после того, как я вновь увидела своего первого мужа. Он был дряхлым, седым стариком с выпадающими зубами и морщинистой кожей, а я — все такая же молодая и красивая, как и прежде. То-то он удивился... бедняга.

— У тебя и муж был? — удивился я.

— И не один. — Вероника встала, отстранив Сому ладонью. — Сейчас я вам тоже не могу поверить. Но если все сказанное вами правда, то она в любом случае подтвердится. Поехали на конференцию, там все и узнаем.

— Постой. Думаю, что нам лучше всего взять кое-какое оружие. Мало ли что...

Вероника кивнула и скрылась в одной из комнат. Я облокотился о стену.

— Хороший у нее дом, — произнес Сом, — гораздо лучше, чем в Новоозерске. Я был на ее квартире там. Одни голые бетонные стены, вид на какую-то свалку и никакой радости...

— С чего ты вдруг заговорил о доме?

— Не обращай внимания. Это стресс. Моя бабушка часто мне повторяла, что, чтобы снять нервное напряжение, нужно думать о чем-нибудь приятном и, главное, отвлеченном от проблем. Вот я и думаю о Вероникином ломе. Ведь уютный, ничего не скажешь. Верно?

Из комнаты вышла Вероника с небольшой кожаной сумкой в руке и протянула ее Сому.

— Мгм, — Сом кивнул и исчез на улице.

— Как-то неловко... тут такие дела, а я в вечернем платье, — взволнованно пробормотала Вероника.

— Тебе очень идет, — ответил я. Черт, а ведь влюбиться в нее, оказывается, ничего не стоит! Как бы у меня не пошла кругом голова от ее вида.

— Правда? — Вероника улыбнулась. — По тебе видно! Я весело засмеялся, думая про себя, как же можно

вообще веселиться в такой ситуации. Но, наверное, это у нее такой способ избежать стресса. Как и у меня, думаю. Мы вышли на улицу.

Небо было затянуто черными тучами, и луна была лишь небольшим размытым пятном на темном фоне. На дороге зажглись фонари, освещая пустые тротуары и подъезды домов.

— Странно, почти ни в одном доме нет света, — заметил я, подходя к машине.

— На конференции все, — из "мерседеса" показалась голова Сомы, — сегодня хотели сообщить что-то очень важное.

— Жрец хотел?

— Точно.

— Значит, затевал что-то...

— Запах... — вдруг произнесла Вероника, — чувствуете? Горит что-то.

Я принюхался. Действительно, пахло чем-то паленым.

Вдруг из-за деревьев появилось ярко-желтое зарево, пересекая которое, к небу потянулись черные, чернее ночи, клубы дыма.

Кто-то закричал вдали.

Треск огня, клекот, щебетание испуганных птиц...

Воздух совсем недалеко разорвал звук автоматной очереди. Следом — визг колес.

И тут из-за угла выехал тот самый военный джип с открытым верхом. Вернее не выехал — а вылетел на бешеной скорости, словно водитель хотел выжать из него все, что только возможно.

Он совсем не сбавил скорости и так и развернулся на месте, оставляя на дороге черный

след от шин. Резко включил фары, разрезая сумрак...

А затем поехал на нас.

— Эй, вы что, очумели?!

Кажется, закричал Сом, резко захлопывая дверцу своего автомобиля изнутри.

Непонятно, как у него хватило времени завести мотор, ведь джип был меньше, чем в ста метрах от нас. И несся на бешеной скорости!

"Мерседес" захрипел и дернулся, пытаясь заехать на тротуар, но было уже поздно. Лишь за секунду Сом успел избежать прямого столкновения. И я не был уверен, что в таком случае от его "мерса" что-нибудь осталось бы...

В свете фар джипа я не разглядел, кто сидел за рулем, но зато четко различил два силуэта, стоящих на задних местах.

В тот момент, когда джип со всего маха въехал в зад "Мерседеса", силуэты пригнулись и разом испустили какой-то восторженный полурев-полувопль.

Вероника резко прыгнула в сторону, на лету сгруппировавшись, и покатилась по тротуару. Я просто отскочил на несколько шагов назад и упал, закрыв голову руками.

Крррррр-аэ-кккккккк-хххх!

Что-то со свистом пролетело мимо меня. Я поднял голову и успел заметить, как джип, налетев на "Мерседес", смял его зад, бампер, выбил к чертовой матери фары и заднее стекло, подлетел в воздухе, перевернулся и со всей силы врезался в скамейки, стоящие около подъезда. Его еще пару раз перевернуло уже на земле, и он тяжело упал на колеса в нескольких метрах от дороги.

Дверца "Мерседеса" со стуком отлетела в сторону, и на асфальт вывалился Сом с сумкой, потом поднялся и на корточках побежал в сторону тротуара, где лежала Вероника.

— Что происходит, мать вашу?! — заорал он. — Они же мне машину разбили, скоты! Да я же их!..

Я тоже вскочил и побежал к ним. Что-то внутри джипа с треском разорвалось, и из кабины вырвались в небо языки пламени. Всего на долю секунды огонь выхватил из темноты силуэты троих людей, поднимающихся с земли, но я их заметил.

— Берегись! — наверное, я закричал самому себе. Даже не закричал, а просто сказал, словно предупреждая свое собственное тело, чтобы оно действовало чуточку быстрее, но вышло, что для всех.

Одновременно гроыхнуло сразу два выстрела. Один со стороны джипа — пуля рикошетом отскочила от асфальта, выбрасывая в воздух осколки и мелкую пыль, и просвистела куда-то в темноту, а другой — прямо около моего уха, заставив меня упасть на землю вновь и на время оглохнуть.

Выстрелил Сом. Пистолетом, вынутым из сумки. Не успел затихнуть звук выстрела в моих ушах, как Сом резко бросил сумку Веронике. Она поймала, на лету выхватывая какое-то оружие, профессиональным, наверное, давно отточенным движением передернула затвор и открыла огонь. Сумка упала рядом, тяжело гроыхнув чем-то металлическим.

Что за оружие было у нее в руках? На секунду мне даже стало обидно, что я никогда толком не разбирался в пистолетах. А не то бы удивился!

Первая очередь отправила в историю добрую половину джипа. Весь его зад со скрежетом неожиданно разворотило, выплевывая какие-то осколки и выворачивая все металлическое нутро. Люди из джипа попадали на землю, еще несколько раз выстрелив, но уже беспорядочно, и пули исчезли где-то в небе. Что-то взорвалось, осветив многоэтажки с темными окнами.

В ноздри мне вновь ударил запах гари и, посмотрев в ту сторону, откуда недавно валил густой черный дым, я четко различил блики пламени. Горело большое здание, Может, и Цитадель.

Сом присоединился к Веронике, и на пару они довольно быстро оставили от джипа лишь обгорелый и растерзанный остов. Люди никакой попытки подняться не предпринимали.

— Уб-блюдки! — чуть заикаясь, выдавил раскрасневшийся Сом.

Вероника перезарядила автомат, но стрельбу прекратила.

— Цитадель горит! — холодно сказала она.

Вдруг вновь вернулась прежняя Вероника — та самая, холодная и беспощадная, какой она была в метро. Игрок.

Сом ничего не ответил. Он побежал в сторону догорающих остатков джипа и несколько минут возился телами, которые уже никогда не поднимутся.

Выражение лица его не предвещало ничего хорошего.

— Сумеречные! Все трое! — сообщил он, приблизившись. — Один пытался преобразоваться в летучую мышь, но не успел.

— Они что, все оборотни?

— Перевоплощение — самый распространенный их дар. Но не в этом дело. Главное, как они оказались в Краевском?

— Цитадель горит! — повторила Вероника. — Разве ты еще не понял? Горит!! Сумеречные подожгли Цитадель! А в ней — все население Краевского! Плюс еще главные игроки из ближайших городов!

Я никогда не видел, чтобы лицо человека побелело на глазах. Но у Сомы это получилось, когда до него дошел смысл сказанного Вероникой.

В тишине вдруг отчетливо прозвучал еще один выстрел где-то вдалеке.

Все мы одновременно вздрогнули.

— Надо удостовериться, — сказал Сом. — Пошли! По дороге всего метров пятьсот до открытой местности. Там мы сможем увидеть Цитадель!

Никто из нас не пошел. Мы все побежали.

Вероника уже на бегу передала сумку Соме, и он закинул ее за плечо. Я хотел попросить оружие для себя, но пока передумал. Что толку, если я все равно как следует стрелять не умею?

•Впереди и вправду показалась открытая площадка перед зданием суда.

Фонари вокруг не горели, но было и так светло как днем.

Потому что отсюда действительно открывался вид на Цитадель...

Мы выскочили на площадку и остановились как вкопанные, разглядывая гигантское здание вдалеке.

Два или три его этажа были объаты огнем. Горело все, что только было возможно, и, судя по всему, внутри уже не осталось ничего, до чего бы пламя не смогло дотянуться. Огонь лизал стеклянные стены Цитадели, плавил стальные перегородки, уничтожал все, что находилось в его власти.

— Там же живые люди! — прошептала Вероника, и мне показалось, что она сейчас заплачет. — Там же сотни живых людей...

— Теперь, кажется, самое время поверить в то, что говорил Виталька, — пробормотал Сом.

— Что же получается? Сумеречные специально заманили всех в Цитадель, чтобы сжечь?

— Так и получается! — Сом заметно вспотел. Капельки пота стекали по его лбу на подбородок и на шею.

— Звери! — процедила Вероника. — Они же просто звери! Как в средневековье — заманить и сжечь людей!

— Они и есть люди из средневековья! — сказал почему-то я. — И вы тоже! Вы тоже такие же звери, как и они! Просто звери, пошедшие за лакомым кусочком бессмертия и богатства! А теперь вот расхлебывайте!

Сом и Вероника молчали, не отрывая взгляда от горящего здания.

Так мы простояли минут пятнадцать, вслушиваясь в треск пламени, слабые крики вдали, редкие одиночные выстрелы на улицах, пока Сом не сказал тяжело:

— Нам нужно пойти туда!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Зачем?

— Ну не прятаться же! Там могли остаться еще живые люди!

— Ты так и не понял, что в Краевском уже полным-полно сумеречных? — воскликнула Вероника. — Господи, Сом, когда ты наконец научишься нормально и логически мыслить?

— Я все понял, Вероника, — мягко возразил Сом, — но не могли же сумеречные сжечь сразу всех? Кто-нибудь все равно не пришел, кто-нибудь, в конце концов, тоже мог дать им отпор!

— Ты думаешь? — неуверенно спросила Вероника. — Ты думаешь, что кто-то вообще успел сообразить, что произошло?

— Мы-то успели?

— Нас Виталик предупредил! А их кто?

— Вася! — сказал я. — Их всех мог предупредить Вася. Если успел, конечно. Мне кажется, он поехал в Цитадель именно затем, чтобы открыть глаза другим игрокам!

— Слишком рано что-то предполагать, — ответил Сом. — Если мы хотим что-то сделать, то не надо слишком полагаться на догадки! Лично я предлагаю подобраться к Цитадели и узнать подробно, что случилось....

— Это очень опасно! Лучше будет выбраться из города и сообщить игрокам Зари из других городов!

— А ты уверен, что в других городах не творится то же самое?! — сказал Сом и сам вдруг удивленно выпучил глаза. До него дошло то, что он сказал. — Черт возьми! Да ведь это самая настоящая война! Сумеречные со своими способностями и бессмертием могут беспрепятственно захватить все, что возможно!

— Они же не настолько сумасшедшие! — ответила Вероника. Правда, что-то пугающе неуверенно.

— А по-моему, как раз в их стиле! Если игроки одно временно на всей Земле начнут захватывать города, системы коммуникаций, государственные здания и муниципалитеты, то, мне кажется, людям долго не выстоять!

— Тем более что они сами и есть правительство... — Вероника выговорила последнее слово так, словно совсем не хотела верить в свои же собственные догадки.

Да и никто из нас не хотел верить. Передо мной тоже вдруг открылась страшная картина, которая может произойти (если уже не происходит).

— Зачем им захватывать Землю? — вот вопрос, который я не смог понять и поэтому задал его.

— Может, они не хотят больше скрываться и воевать против нас. Вот и решили уничтожить. Плюс еще и всех обычных людей, которые им, в принципе, ни к чему.

— Но они же могут и так жить среди нас. Никто им не мешает. Да о них никто даже не подозревает!

— Я не знаю. — Лицо Сома в мерцающем свете горящего вдалеке здания показалось старым и грустным. — гее же надо пойти к Цитадели. Хотя бы для того, чтобы узнать лучше, что происходит!"

— Наверное, ты прав, — пробормотала задумчиво Вероника. Потом, помолчав, добавила: — Зря я все-таки надела вечернее платье. В нем будет так неудобно ползать по кустам!

— Пойдем, — коротко бросил Сом, и мы вновь побежали.

Красивый парк с стриженным кустарником и причудливо изогнутыми каштанами вдоль аллеи был совершенно пуст и никак не освещался. Выстрелы и крики по-прежнему слышались где-то вдалеке.

Мы бежали молча. Сом дышал через нос и, казалось, совершенно не выдыхался. Лишь изредка перекидывал лямку сумки с одного плеча на другое.

Минут через пять воздух в моих легких стал превращаться в раскаленный пар. Мы пробежали весь парк и бежали по пустынным улицам, стараясь держаться ближе к стенам.

Свет в окнах не горел. Изредка попадались разбитые фонари, их осколки громко хрустели под подошвами.

Огонь в Цитадели уже перекинулся на крышу, и пламя, ощущая свою силу, поднималось к самому небу, освещая тяжелые тучи вперемешку с клубами дыма.

Когда я уже начал думать, что просто не смогу бежать дальше, а горло стало сухим, Сом и Вероника резко перешли на шаг, а потом и вовсе остановились.

Цитадель была метрах в пятистах, и ее отделяло от нас лишь двухэтажное здание универмага. Мы торопливо прошли к его главному входу и остановились. Поблизости никого не было. Стеклопакеты двери магазина были разбиты, но, скорее всего, не для того, чтобы в него мог кто-нибудь влезть, а из-за выстрелов.

— Что дальше? — шепотом спросила Вероника.

— Я пойду посмотрю, что творится около Цитадели, — ответил Сом. — Стойте здесь. Дальше решим, что делать...

Он положил сумку на землю около моих ног. Взял пистолет и рысцой побежал в темноту.

Блики пламени, отражающиеся от окон универмага, пару секунд выхватывали из темноты его фигуру, а потом он скрылся за поворотом.

Вероника открыла сумку и протянула мне небольшой пистолет с коротким дулом.

— Обращаться умеешь?

— Научусь, — повертев его в руке, я нашел предохранитель и снял его. Снизу плавно выдвинулся пластиковый курок. — К стрельбе готов!

— Не шути с этим, — совершенно серьезно сказала Вероника, — убойная сила этой милашки почти такая же, как и у транстерминатора!

— Вы все обладаете таким оружием?

— Скажем так, имеем доступ.

— И сумеречные тоже? Вероника кивнула:

— Вот этого-то я и боюсь! Хотя и нет нужды уничтожать людей, но, знаешь... недаром их повелитель, этот Создатель Сумерек, — правая рука Высшего Создателя Тьмы. Сумеречные всегда отличались большей кровожадностью, чем мы. А еще поклонялись своему Создателю. Приносили ему жертвы. Не людей, конечно, но животных. И тела наших убитых игроков. Это в правилах не оговорено, и Исправители их не трогали. А теперь ещё заманили людей в здание и подожгли... Я видела, как немцы в Великую Отечественную загнали евреев в деревянную церковь. Это происходило недалеко от Новоозерска. Заперли их там, закрыли все окна, вход на чердак, а потом облили бензином и подожгли. Когда одна из стен рухнула и обвалилась крыша, из церкви стали выбегать горящие люди. Видел бы это... Такие крики, что можно было оглохнуть... А немцы стояли неподалеку и смотрели, как горящие умирают. Лишь когда уже никто не кричал и не бегал и обвалилась еще одна стена на оставшихся людей, немцы пару раз выстрелили по догорающей церкви из танка. Так сказать, проявили милосердие. А здесь... Что творится здесь?

— Это вас надо спрашивать! Ваши души исковерканы еще больше.

Из-за угла бесшумно высочил Сом и подбежал к нам. Запыхался. Слишком серьезное лицо. Наверняка, принес дурные вести.

— Все оказывается гораздо хуже, чем я думал, — начал он, как только подошел ближе. — Около здания куча машин с сумеречными. В основном, все машины военные из частей и баз ближайших городов. Сумеречных там сотни. Собрались на площади. Слушают выступление какого-то их главного. Знаете, что он говорит? Что пришла пора раздавить игроков Зари и начать свободную жизнь без страха быть убитым по идиотским правилам игры. Что пусть пострадают даже обычные люди, но цель должна быть достигнута...

— Боже, — Вероника побледнела, — это же... это — конец!

— Не надо сильно преувеличивать. Могу предположить, что стоит сумеречным

истребить всех игроков, как они начнут жить обычной жизнью, — Сом определенно старался успокоить Веронику. Но я-то знал, что все совсем не так. Сумеречные не остановятся на полном истреблении игроков Зари. Мне казалось, что они вообще не остановятся, пока не установят свои собственные правила на планете. Правила, по которым должны будут играть все.

У кого-то в кармане тихо пискнул информатор. Всего лишь один короткий писк. Сом выхватил из куртки до боли знакомую вещь и, нажав на кнопки, прижал ее к уху:

— Слушаю!.. Васька! Черт возьми, ты где?..

Мы не слышали, что он сказал. Сом увидел это по нашим лицам.

— Постой минутку... Вася, не отключайся... Сейчас я... Он порылся в сумке и извлек из нее что-то, похожее на трансформатор. Вытянул из него проводок и подсоединил к информатору.

— Меня четко слышно? — Васин голос прозвучал не очень громко, но достаточно для того, чтобы слышать и не привлекать внимания.

— Все отлично, погоди секунду.

Втроем мы подхватили сумку, оружие, трансформатор и зашли внутрь универмага.

Осколки от входных дверей захрустели под ногами. Я наступил на пакет с чипсами, и он звонко лопнул, рассыпав хрустящий картофель. Мы зашли за прилавок в одном из ближайших отделов, так, чтобы с улицы нас видно не было, и присели вокруг трансформатора.

— Ты где? — вновь спросил Сом шепотом.

— В лифте, — ответил Вася, — в Цитадели, как раз под горящими этажами.

Вероника и Сом изумленно переглянулись. Вот такие дела!

— Что ты там делаешь? — спросила Вероника.

— Пытаюсь выбраться из ловушки, в которую сам себя и загнал... Я же понял все о Виталике и о сумеречных. Понял, что они затевают что-то, но не знал, что именно! Пошел за советом к Кольке. Я как раз ехал в лифте, когда началась эта... заварушка. Все обесточили, залили бензином этажи, где были люди, и подожгли. Всех, кто пытался спастись, расстреливали! Здесь словно ад начался. Одна пальба, крики... да и жарко, как в парилке!

— Хоть кому-нибудь удалось сбежать?

— Вот этого не знаю. Но убили многих.

— Колька ваш — предатель! — сказал я. — Об этом-то хоть ты догадался?

— Только после того, как услышал, как он переговаривается с сумеречными. Сволочь, так ловко притворяться столько лет! Я от него не ожидал, — ответил Вася. — у меня здесь ноутбук с собой. Несколько нехитрых манипуляций, и теперь я обладаю великолепным слухом, могу прослушивать все разговоры в здании, где установлены микрофоны. А когда мы его строили, я уж постарался всю, поверьте мне. Еще до камеры доберусь и смогу обзор включить... Одна проблемка только — огонь уже почти добрался до лифта. Еще максимум час, а потом я могу превратиться в жареную индейку! Интересно, как я буду при этом выглядеть. И если бы выбраться мог... а то застрял!

— Что собираешься делать?

— Постараюсь выбраться через верхние люки, но боюсь, что огонь уже добрался до них.

— А через дверь? Она же не должна быть заблокирована!

— Только с той стороны находятся не очень дружелюбно настроенные сумеречные, — сказал Вася, — а я еще хоть час, но пожить хочу! А вы где вообще?

Сом рассказал о том, как мы нарвались на банду сумеречных на джипе. Казалось, что у нас, сидящих в универмаге, оптимизма на порядок меньше, чем у Васи, сидящего в лифте под горящим зданием.

— "Мерс", конечно, жалко, — сделал вывод Вася после того, как Сом закончил, — ничего, выберешься, новый купишь! А Виталик-то молодец. Как я раньше не раскусил, что он необычный человек?

— Как выбираться, вот в чем вопрос, — мрачно перебил Сом.

— Не сникай! В конце концов, дождитесь меня, и все вместе решим, что делать дальше!

— Около здания полным-полно сумеречных.

— И что с того? — Вася определенно чувствовал себя намного бодрее, чем все мы, вместе взятые. По крайней мере старался не показывать вида, что испуган. — Поддерживайте со мной связь и никуда из универсама не выходите. Если я не подойду через час, то выходите из села. Дальше, я думаю, вы знаете, что делать. Будем надеяться, что сумеречные начали атаку именно с Краевского и больше нигде. Иначе...

Мы все понимали, что будет в ином случае. Мир рухнет. Начнется война, и все живое будет просто-напросто уничтожено. Возможно, что все произойдет не так трагично, конечно, но масштабы трагедии можно было себе четко представить. Вторая Мировая по сравнению с тем, что может начаться здесь, — просто детская забава. Двадцатью миллионами жизней обойтись не удастся.

— А сколько всего игроков Зари на Земле? — спросил я.

Ни Сом, ни Вероника не ответили. Они молча о чем-то думали. Вася, похоже, отключился.

Да, не позавидуешь сейчас ему. Висит где-то между небом и землей, и нет у него никакого выхода. А ведь не теряет остатки оптимизма. Что-то мне даже показалось, что он даже повеселел немного. Словно обрадовался тому, что вновь началось приключение. Не такое, как стрельба в метро с соблюдением определенных правил, когда ты наверняка знаешь, что за тобой следит недремлющее око Исправителя. Он же еще не знал тогда, что никаких Исправителей уже нет. Нет, сейчас он наверняка вернулся в ту свою жизнь, когда был партизаном, да наплевал на правила. Когда мог часами бегать по улицам, отслеживать сумеречных и убивать их, ни у кого не спрашивая.

Я даже ярко представил себе такой момент.

Идет дождь, вечер. Только-только зажглись фонари, на улицах пустынно и тихо. А Вася лежит на чердаке винтовкой, смотрит в оптический прицел, разглядывая очередную жертву в окне напротив. Плавно, картинно нажимает на курок и слабо улыбается, не разжимая губ.

Романтика наемного убийцы, ничего не скажешь!

Сейчас почти то же самое. Только с его точки зрения еще лучше. Теперь за ним никто не станет охотиться, чтобы объявить ему наказание. Теперь он точно стал настоящим партизаном.

Как бы это его ощущение ложной свободы не вскружило Васе голову. Все-таки не настоящая война идет...

— Тс-с-с! — Сом прижал палец к губам и плавным жестом показал, чтобы мы не шевелились.

Он что-то слышал.

Я едва-едва повернул голову, чтобы краем глаза разглядеть, что творится на улице, и увидел застывший в дверном проеме силуэт.

Сумеречный. Стоит, прислушивается.

Интересно, слышал ли он наш разговор с Васей. Или просто проверяет местность? Тогда почему он один? Да и кто сказал, что один? Остальных может быть просто не видно.

Силуэт шевельнулся и, чуть нагнувшись, перешагнул через железную раму двери. Осколки стекла громко захрустели под его подошвами, и он вновь замер.

Ну что его сюда несет, идиота?

Видно решив, что никого не вспугнул, сумеречный сделал еще несколько шагов в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Приостановился для того, чтобы взять какую-то брошюрку с прилавка. Лениво перелистал ее в свете фонарей и небрежно засунул в задний карман джинсов.

Вероника бесшумно подняла на уровень глаз пистолет и прицелилась.

"Никому не шевелиться", — сказали ее губы.

Я и не собирался. Дуло пистолета было всего в нескольких сантиметрах от меня, и я даже смог разглядеть гравировку на его боку и след от тщательно затертого номера. Интересно, а мне не грозит оглохнуть от выстрела?

Сумеречный, не подозревая о том, что сидит на мушке, присел и поднял с пола пачку с чипсами. Ту самую, на которую наступил я. Повертел ее и вновь бросил на пол.

Поднялся, оглядываясь.

Тут только я заметил, что это совсем молодой пацан. Лет восемнадцать ему. Наверное, еще и до армии не дорос. Длинные волосы спадали на лоб и закрывали глаза. Худое тело обтягивала тонкая, прозрачная футболка. Даже мышцы не развились, как следует!

Куда же ты лезешь? Тебе бы сейчас по дискотекам шляться, а ты живых людей сжигаешь!

Вероника выстрелила.

Лишь негромкий хлопок. Ее рука дернулась, посылая в темноту пулю.

С улицы наверняка никто ничего не услышал.

Но пацан что-то почувствовал. Или просто сыграл какой-то его сумеречный инстинкт.

Он вдруг подпрыгнул высоко в воздух, сделал сальто и приземлился за противоположным прилавком с хлебом, опрокидывая буханки на пол.

Пуля звонко пробила банку с пивом как раз в том месте, где стоял он пару секунд назад! Но мы этого уже не услышали.

Пацан неожиданно вскочил и открыл огонь!

Откуда у него взялось оружие?! Я не успел заметить. Прилавок над нашими головами вдруг разлетелся в щепки, а весь этаж универмага заполнил грохот выстрелов.

Я упал на пол.

Черт возьми, неужели опять!

Прямо над моей головой образовалась широкая, неровная дыра. Пакетики с чаем и еще что-то посыпалось прямо на меня. Лопнула лампа, с грохотом упав на пол, между Сомом и Вероникой.

Они тоже сидели, сжавшись в комочек, ожидая, наверное, когда у пацана закончатся патроны.

Они закончились не скоро. Щепки от прилавка летели во все стороны. Пакеты, хлеб, продукты, жестяные банки, посуда, детские игрушки — все, что было на первом этаже магазина, разлетелось в крошку. Казалось, сумеречный решил первым делом уничтожить сам магазин, а потом и нас следом. А может, просто был в панике.

Наконец, первой не выдержала Вероника. В небольшой паузе, сопровождавшейся щелчками отстегивающегося рожка, она резко вскочила и побежала боком, стреляя сразу из двух пистолетов, вынутых из сумки. Что-то с грохотом взорвалось. Я приподнялся на локтях, заглядывая в дыру, и увидел мутный силуэт сумеречного около прилавка. За его спиной горели полки с бутылками водки, пивом и коньяком, но он не замечал этого. Сумеречный торопился перезарядить свое оружие. Вероника перебежала до лестницы, ведущей на второй этаж, и скрылась за ней, перестав стрелять. В пацана она, судя по всему, не попала.

Следом выскочил и Сом, выстрелив несколько раз в сторону пацана из своего пистолета.

Всего в нескольких сантиметрах от сумеречного взлетел в воздух прилавок с журналами.

Взлетел, перевернулся в воздухе и тяжело упал около входных дверей, прямо в огонь.

Журналы, словно подбитые птицы, разлетелись во все стороны.

Парень даже не дернулся. Резко вставил магазин, прислонил автомат к плечу и вновь открыл огонь.

Сом бросился бежать, тоже отстреливаясь.

Кто в кого попадет! Повезло обоим. Сом успешно добежал до следующего прилавка, где продавали детские игрушки, и исчез за ним. Пацан, поняв, что ли, что в него тоже

стреляют, вновь исчез за хлебным прилавком. Полки с бутылками за его спиной с грохотом попадали на пол.

Все затаились. Вдруг вновь наступила тишина, сопровождаемая лишь треском чего-то горевшего. Где-то на улице дико взвыла милицейская или пожарная сирена.

Интересно, а почему никто не идет к этому пацану на помощь? Наверное, все слишком заняты убийством других игроков Зари, чтобы обращать внимание на выстрелы в магазине.

Я привстал и на локтях отполз от дыры. Присел. Потом только заметил, что сжимаю в руке данный Вероникой пистолет. Что она там говорила насчет его убойной силы?

Нет уж, извольте, высовываться и вступать в перестрелку мне не очень хотелось.

Со стороны лестницы раздались новые выстрелы. Следом открыл огонь и Сом. Потом — пацан.

Трио выстрелов вновь слилось в один чудовищный звук разрушения. Я сидел, не двигаясь.

Стоит ли высовываться, чтобы помочь? Или, может, сами справятся? А пацан-то наверняка не знает, что я здесь. Даже не стреляет в мою сторону.

Сом, выглянув из-за прилавка, вновь был вынужден спрятаться под шквальным огнем, который обрушил на него сумеречный. У того вновь закончились патроны, но он быстро перезарядил автомат новым рожком. И откуда у него взялось столько?

Я вновь подполз к отверстию. Парень не высовывался, лишь приподнимая над прилавком автомат. Стрелял беспорядочно, водя автоматом во все стороны. Но все же ни Вероника, ни Сом не могли даже носа показать из своих укрытий.

Нет, все же надо что-то делать!

Недалеко от меня была касса. Если заскочить в нее, а потом добраться до отдела, где продавали видеокассеты и прочую подобную дребедень, то откроется великолепный вид на парня сбоку. Там-то его и можно будет снять...

Выстрелы заглохли. Все перезаряжались. Всего лишь на секунду.

Я подпрыгнул, словно меня пнули, и, вспоминая давно забытые уроки физкультуры, перекатился через голову. Не очень ловко, но все же попал аккуратно в кабинку кассы, едва задев ее Плечом. Плечо ответило глухой болью, напоминая о том, что оно все еще не совсем выздоровело после недавних схваток в метро.

Интересно, заметил ли меня сумеречный?

Очередь из его автомата проделала в кабинке ряд новых дырок, сквозь которые пробился свет от уличных фонарей.

Я упал на пол, поджав ноги и замер. Выстрелы возобновились. Вероника и Сом тоже ответили огнем, но у них-то патронов не бесконечное множество! Да и сумка осталась за прилавком, вместе с информатором. Долго так продолжаться не может. В конце концов, кто-нибудь еще придет в магазин, привлеченный выстрелами, и тогда соотношение сил станет не в нашу пользу.

Надо ползти дальше, к следующему отделу.

Доползу или нет? Мне не нравилось задавать самому себе подобные вопросы, но приходилось. Я же не супермен, черт побери, я не обладаю железными нервами!

Но что-то за последние несколько дней во мне все же изменилось!

Я пополз вперед.

Кабинка кассы уже превратилась в решето, но, скорее всего, сумеречный меня не заметил.

Просто палил во все стороны. Вокруг валялись порванные пакетики, дырявые банки с разлившимся пивом, журналы, клочья газет. Прямо передо мной упала бутылка кока-колы, с шипением выпустив струю из продырявленного бока.

Я продолжал ползти. Еще метра три и все будет отлично.

Я не учел только то, что слишком близко подполз к горящим полкам со спиртным. А еще, что они уже достаточно долго горят. Как раз в тот момент, когда я проползал мимо, полки наконец не выдержали, и весь стеллаж с тяжелым скрипом стал заваливаться вбок.

Прямо на меня. Горящая пластиковая бутылка ударила по спине. Она-то и спасла! Всего лишь за долю секунды я успел понять, что все-таки происходит, и резко перекатился в сторону! Стеллаж, сыплющиеся горящие и разрывающиеся от жара бутылки и полки грохнулись на пол, разметая в стороны горящие головешки и осколки. Меня со всех сторон обдало жаром. Я прижал руки к лицу, спасаясь от осколков... повернул голову и увидел, что парень сидит на корточках метрах в пяти от меня. Автомат он сжимал в левой руке, но не спешил применять его.

Патроны кончились — блеснула в голове шальная мысль. Это хорошо! Я рывком перевернулся со спины на живот и выставил перед собой пистолет, целясь в парня.

— Вот и попался, паршивец! — процедил я тихо. Достал же он меня!

Парень медленно, словно заторможенный, поднял автомат, прижал его приклад к плечу и направил ствол в мою сторону. Свободной рукой аккуратно вставил новый рожок.

И улыбнулся.

Внутри меня что-то оборвалось. Я понял, что патроны у него вовсе не закончились. Просто он менял магазин.

А теперь — кто кого!

Кто успеет раньше выстрелить?!

Но ведь это не кино. Никто на самом деле не успеет. Один, услышав выстрел, обязательно нажмет на курок и; второго спасет только чудо. Так что умрем вместе.

— А ты хитрый, сукин сын, — ломающимся голосом произнес парень-сумеречный. Совсем ведь еще молодой. Даже голос не до конца сформировался.

— Взаимно, — произнес я. Вернее, прошептал, потому что сил ни на что уже не хватало.

Вероника и Сом не стреляли. Может, они поняли, что к чему, и теперь подбираются ближе?

Сумеречный продолжал разглядывать меня и не шевелился. Автомат в его руке мелко дрожал, и он придержал его второй рукой.

Волнуется!

Понимает, что отступать некуда, что теряет время, давая Веронике и Сому шанс перебраться из своих укрытий в другие, более удобные для стрельбы места!

Надо стрелять!

Больше просто ничего не оставалось. Мои нервы были на пределе! У парня, наверное, напряжение не меньше моего. Кто из нас первым дернется, тот и проиграл. Мы оба понимали это.

Мы выстрелили одновременно.

Выстрел моего пистолета оглушил меня, выпуская из ствола струю пламени и клубы сизого дыма. Парень выстрелил очередь.

Пули прошили прилавок над моей головой, одна взорвала кинескоп телевизора, осыпав меня осколками, остальные исчезли в догорающем пламени стеллажа с бутылками.

Моя пуля тоже не достигла цели. Сквозь весь этот дым и пыль я особенно четко увидел, как буханка хлеба всего в миллиметре от плеча пацана разлетелась в крошку и еще дальше в прилавке образовалось отверстие величиной с кулак. Если бы я попал, от сумеречного мало бы что осталось.

Но у него и так сдали нервы!

Парень вскинул автомат и вдруг вскочил на ноги, отстраняясь от меня, словно хотел увернуться от пули. В тот же миг в его теле образовалось сразу несколько дырочек. А потом прозвучали запоздалые звуки выстрелов.

Пацан дернулся, как марионетка в руках неопытного кукловода, ноги его подкосились, и он упал на спину, опрокидывая полки с остатками хлеба на себя. Автомат гулко упал рядом.

Ай да Вероника с Сомом, словно специально поджидали подходящего момента!

Сил подняться у меня не было, но я все же попытался.

Получилось. Наверное, нервное напряжение сильно меня подкосило.

В мою сторону уже бежала Вероника, путаясь в своем прекрасном платье.

— Ты в порядке? — ее теплые руки уже ощупывали мое тело, ища раны.

— Все нормально. Он в меня не попал. Разве только вот это, — я показал окровавленные запястья с мелкими осколками, торчащими в них. Вероника охнула и вдруг со всей силой сжала мои ладони в своих.

Острая боль пронзила совсем неожиданно! Но не такая, как была в кабинете у жреца. Я скорчился, из последних сил стараясь вырваться, но... откуда в такой хрупкой девушке столько сил? У меня разом заболели все зубы и заложило уши. Под Вероникиными руками что-то зашевелилось, я чувствовал, как раздвигается моя кожа, выпуская застрявшие осколки, отдавая их ладоням девушки!

Боль отступила резко, вместе с самой Вероникой, сделавшей шаг назад и уступившей место подбежавшему Сому!

— Парень, ты цел? — изумленно воскликнул Сом. — Я думал, от тебя один фарш остался!!! — и он крепко сжал меня в своих объятиях, не очень ловко ткнув ручкой своего пистолета под ребра.

Я отстранился, успев заметить, как Вероника отряхивает ладони. Посмотрел на свои руки. Ни одного осколка. Только мелкие царапины, которые не причинят особенного неудобства.

Лекарь дна по природе! Этот дар у нее не отберешь ни за что в жизни. И сама Вероника об этом знала...

— Спасибо, — я потер ладони, — но, мне кажется, не надо задерживаться. На выстрелы может прийти еще кто-нибудь.

— Согласен, — Сом забежал за прилавок и вернулся с сумкой и трансформатором, — но Вася сказал, чтобы мы ждали его здесь.

— Ты думаешь, он сможет выбраться?

— Как раз об этом я и думаю, — заверил меня Сом, — Пошли на второй этаж. Нужно спрятаться где-нибудь около окон, из которых хорошо видно Цитадель и дорогу, чтобы не пропустить Васю. Ну, а если он не придет через час, то будем выбираться из Краевского...

Мы пошли в сторону лестницы, огибая упавшие стеллажи. Огонь уже перебрался на другие полки. Теперь горели выпотрошенные мягкие игрушки, валяющиеся вокруг, и журналы.

Уже поднявшись, я расслышал внизу звуки подъехавших автомобилей.

Или, может, мне просто показалось?

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Плохо дело. Кажется, мы все-таки привлекли внимание. — Сом осторожно выглянул из окна. — Три машины. Шестеро сумеречных. Нехило.

На втором этаже универмага располагалось несколько отделов по продаже драгоценностей, еще один аудио-видеоотдел и отделы мужской и женской одежды. Оттуда выходили два окна на горящую Цитадель.

Пламя не затихало, перебираясь с одного этажа на другой и опускаясь все ниже. Отсюда был виден только первый десяток этажей, но огонь уже добрался и до них. Верхние этажи скрывали клубы черного дыма.

Как же там Вася справляется? Жив ли он вообще?

— Будем надеяться, что они не снизойдут до того, чтобы осмотреть верхний этаж магазина, — добавил Сом, глядя в темноту.

— Много у нас оружия? — Вероника проверила свой пистолет и, вынув обойму, отшвырнула ее в сторону.

— Вот именно, что нет. На шестерых не хватит. А ее каждый стоит такого, как тот сумасшедший пацан, пиши — пропало. Нам не выбраться даже на улицу!

— Надо узнать, что с Васей, — неожиданно сказала Вероника. — Стоит ли вообще его ждать, или будем уходить из Краевского!

Сом присел за прилавок, отойдя от окна, и положи на колени информатор. Что-то нажал на черной коробочке, от которой тянулись проводки.

Только шипение. Тихое, почти не слышное.

Сом и Вероника переглянулись. Вася не отвечал.

Возможно, он уже был мертв.

— Вася, — сказал Сом секунду спустя, — Вася, ответ Ты как? Что с тобой?!

"Ш-ш-ш-ш-ш-ш..."

Монотонное шипение. И больше ничего.

Я вдруг почувствовал, как напряглась Вероника. Ей не хотелось, чтобы Вася умирал. Никому из нас не хотелось... но что тут можно было поделать?

— Как слышно, разорви тебя гром?! — едва не срываясь на крик, воскликнул Сом. — Как слышишь нас? Ответь же, ну...

"Ш-ш-ш-ш-ш-ш..."

Я затаил дыхание, вслушиваясь, надеясь услышать хоть что-нибудь.

— Слышу отлично! — раздался тихий и далекий голос Васи. Голос почти с того света. Следом — протяжный кашель. — А вот вижу хреново! Как и дышу! Черт возьми, тут дым уже везде!

Лицо Сомы в одно мгновение расплылось в счастливой улыбке, и он шепотом спросил:

— Ты выбраться сможешь?

— Вероятнее всего, нет! — Вася добавил что-то еще, но помехи заглушили его голос — Пробовал уже, там все горит! Двери заклинило, так что на них тоже никакой надежды!

— И что собираешься делать?

— Я смог подключиться к камерам. Сумеречные еще не подозревают о том, что я могу их и видеть, и слышать... правда, уже не так хорошо, как минут двадцать назад... у меня здесь есть кое-какая лазейка, но для этого придется использовать всю энергию Цитадели. Если мне удастся подключиться к сети, то я смогу взять столько энергии, сколько мне нужно.

— Ты о чем говоришь? — спросила Вероника.

— Я же хакер, черт возьми, а не просто сопляк, — бодро ответил Вася, вновь прокашлявшись. — В Цитадели столько энергии, что хватит на то, чтобы взорвать пол-Краевского.

— Ты собираешься взорвать здание? — лицо Сомы вытянулось от удивления. — И что дальше? Ты же помрешь под обломками, как и все сумеречные! Василий, не надо делать из себя героя-камикадзе. Лучше подумай хорошенько, вдруг найдешь другой выход.

— Не получится, выход только один.

— Это сумасшествие!

— Не совсем. Помнишь о моем... — Вася не договорил. Вернее, мы его не дослушали, потому что Сом резко убрал у информатора громкость.

Кто-то поднимался по бетонной лестнице на второй этаж.

Тихо, осторожно.

Думают, наверное, что нас здесь человек десять. Еще бы — такой погром устроили на первом этаже! Из информатора раздался Васин голос:

— Вы что замолчали?

А ответить мы ничего не могли.

Сом переложил информатор Веронике на колени, а сам лег и по-пластунски пополз к краю прилавка, туда, где начинался проход.

Судя по звукам, поднимался не один. И даже не двое.

Скорее всего, все шестеро. Вся компания. Они все-таки решили проверить, куда так быстро делись игроки Зари, убившие их партнера.

Сом поднял руки и показал нам растопыренную ладонь.

— Пятеро, — выдохнула Вероника.

— Что там у вас происходит? — Вася вновь закашлялся. — Вы живы еще или нет?

Следующий жест Сома означал — не шевелиться! | Я вдруг понял, что мы сидим на самом проходе. Если сумеречные пройдутся вдоль прилавков, то обязательно нас заметят. Спрятаться негде, разве что в одежде или к кабинке для переодевания. Но в такой тишине слышен любой шорох. Дернуться нельзя! Вероника, с информатором на коленях, наверняка даже не успеет достать оружие...

Информатор бесшумно лег на пол.

Вероника сменила позу, сев на ноги и расправив платье, готовая в любой момент вскочить. И вставила в свой пистолет новый магазин. Прекрасное ее личико вновь стало серьезным. Глаза слегка прищурились, вглядываясь в темноту.

Блики огня, прокрадываясь через окна, лишь немного освещали проход. На самом деле здесь было намного темнее, чем на первом этаже.

Я вынул свою игрушку из кармана. Теперь хоть можно почувствовать себя более-менее спокойно.

Вот только не получалось что-то. Ведь я знаю, что с пятерыми нам не справиться! Что Вася тоже никак не сможет выбраться! Что сумеречные убьют нас. Да и не только нас, но и всех остальных людей.

И до моего отца доберутся, хоть он живет под самым Питером. Мне его, конечно, ни капли не жалко, но все же... Иришка, сестра, где-то около столицы. Я ее не видел уже лет пять и всего два раза получал письма. Жива, мол, все в порядке. И ни слова о том, как живет, где работает, чем занимается. Хотел ведь съездить, узнать, что и как, да все не получалось.

Заработанные деньги мгновенно пропивались и проедались. А охмуренный водкой я не слишком часто вспоминал о своей сестренке. Хотя надо было бы...

Генка. Лежит сейчас в больнице и ни о чем не подозревает. А может, уже и нет его, кто знает, что в первую очередь станут уничтожать сумеречные в крупных городах? Вполне возможно, что как раз больницы! А заодно и всех пациентов.

Да, пожалуй, Генку мне было жаль больше всего. Самый отличный парень из всех, кого я когда-нибудь знал. Никогда не заставлял меня делать то, чего я не хотел. Мы с ним даже не ругались ни разу.

— Вероника, если вы меня еще слышите, скажите, где вы находитесь?

Звук шагов сумеречных стих. Вероятно, они стояли и прислушивались где-нибудь около лестницы. Слышен им голос Васи или нет?!

Сом лежал не двигаясь, отведя руку назад. Мы тоже замерли.

Прошла вечность. А может, и больше... прежде чем кто-то сделал первый шаг по бетонному полу. Сделав осторожно, словно ожидая в любое мгновение нападения! откуда угодно.

В принципе, он правильно ожидал.

Сом напрягся, подтянув одну ногу под себя, готовясь к прыжку. Я понял, что он хочет сделать, и наклонился, чтобы удобнее было совершить быстрый рывок к противоположному прилавку и упасть там. Если удастся, то мы сможем отстреливаться на два фронта.

Только бы ноги у меня вдруг не сделались ватными и не подкосились прямо в переходе! Это же не просто деньги отбирать у полуночных прохожих!

Еще мгновение...

Вероника вытянула пистолет, направив его на проход...

Господи, на что мы только надеемся?!

— Виталий, это я!

Я замер, вдруг почувствовав, что встать не смогу. Что-то во мне дико захотело исчезнуть, провалиться в тартарары, только бы не услышать этого голоса.

Потому что я узнал его! Евгений Валерьевич! Не может быть, чтобы он тоже был предателем! Нет, я не верил, но говорил именно он.

— Виталий, они знают, что ты здесь. Поднимись. Ничего не случится... они обещают!

Они?! Голос Евгения Валерьевича звучал как-то действительно по-старчески, словно он был не бессмертным, а семидесятилетним стариком, находящимся при смерти.

Вероника от удивления чуть опустила пистолет и посмотрела на меня. Интересно, о чем в этот момент подумала она? Допускала ли, что Евгений Валерьевич может быть не таким, как она?

— Виталий, не прячься! — Второй голос тоже был знакомым. Голос настоящего предателя! Того самого, у которого были мутные глаза, двое детей и милая жена Катя. — Я обещаю, что никто из нас не причинит тебе вреда!

Я вновь посмотрел на Веронику.

Бедная, перед ней стоит такой трудный выбор. Поверить или нет? В кого стрелять? В друга или во врага? В предателя или в человека, которому верил всю свою жизнь?

Пистолет в ее руке мелко задрожал, но она не опустила его, продолжая целиться в темноту прохода. Вероятно, она все же снесет башку любому, кто рискнет приблизиться.

— Я вас слышу! — вдруг донесся из информатора голос Васи. — Почему не отвечаете?

— Потому что не можем! — процедила сквозь зубы Вероника. Вася ее вряд ли расслышал.

— Кто с тобой? — снова жрец. Боится, гад, подойти ближе. Стоит вместе со всеми около лестницы. — Вероника? Или Сомленко? Или сам Вася? А может, все вместе? Один Ваньку ты замочить не смог бы! К тому же кое-кто видел троих! Так что, дорогие мои, скрываться нет смысла. Обещаю, что пока ничего плохого вам не сделаю.

— Красиво говорить ты всегда умел, — спокойно и тихо сказал Сом. Ни капли гнева, но я не сомневался, что все сумеречные разом почувствовали, что сейчас творится у него в душе.

Он был разозлен. И он вряд ли когда-нибудь решит сдаться!

— Да, в отличие от некоторых! — с вызовом ответил жрец. Ни его, ни кого-то еще из поднявшихся сумеречных я по-прежнему не видел. И подойти ближе они не решались.

Вероника не двигалась.

Вася что-то бормотал в информаторе, но теперь его не было слышно.

— Сомленко, а ты все такой же болтун, как и обычно! За пару часов ко мне в сети уже попалась ценная рыбка!

— Зачем надо было сжигать людей?

— Ага, значит, нормального разговора не получится! Объясняю — так не остается следов! И к тому же мы всё еще не хотим открывать обычным людям свою тайну. Время для этого еще не наступило. Сначала расправимся со всеми вами, а уж потом примемся и за переделку мир

— Ты говоришь как Гитлер!

— Я и есть Гитлер! — жрец хохотнул. Он явно наслаждался своей ролью. — Я и есть Гитлер нашей игры! Только нет силы, которая могла бы мне противостоять. Вы не настолько сильны, чтобы дать нам отпор! А мы слишком умны для вас. Все игроки, которых мы сожгли и расстреляли, даже не поняли, кто виноват во всем этом. В других городах скоро начнется то же самое — истребления Ваше. Не останется ни одного игрока Зари!

— Исправителей, значит, уже всех перебили?

— Почти всех. Еще пара-тройка прячется где-то. Он были настолько тупы, что еще долго появлялись на месте нарушения правил, даже не подозревая, что для них готовится ловушка. Теперь уже они нас не беспокоят. — Жрец помолчал. — Ну, хорошо. Поговорили на наболевшие темы, пора и к делу переходить! Я знаю, что ни ты, ни Вероника — кстати, где она? — не согласитесь перейти на нашу сторону. Поэтому я и не прошу вас об этом. Мне нужен только Виталик.

Вероника опустила пистолет и посмотрела на меня... Устало.

Сом не отвечал.

Из информатора доносился лишь едва слышный Васин кашель.

— Предлагаю обмен, — вновь сказал жрец, так и не дождавшись ответа, — мы отдаем вам Евгения, целого и невредимого, а вы отдадите мне Виталика.

— Что же ты увидел в нем такого? — казалось, сам у себя спросил Сом.

— Думайте быстрее, иначе мы вынуждены будем применить силу!

— Я нашел сеть! — вдруг четко сказал Васин голос из информатора. — Вероника, я же вас слышу. Дайте хоть знак, что вы тоже слышите меня.

Сом шевельнулся, едва заметно, словно тоже услышал Васин голос, и громко сказал:

— Знаешь, Коля, я предлагаю другой обмен: ты отдаешь нам Женьку, а мы, так уж и быть, оставляем тебя в живых. Но только тебя и никого больше!

— Ты что боевиков насмотрелся? — немного ошалело спросил жрец.

— Нет, насмотрелся на таких уродов, как вы, чтобы понять, что вы ничто по сравнению с нами... — В это же время рука Сомы, которая была занесена за спину, сделала какой-то непонятный жест. Пальцы скрестились... взмах... словно он крутил какую-то невидимую ручку.

Вероника, видимо, поняла.

Она склонилась над информатором, положив рядом пистолет, и торопливо зашептала в микрофон:

— Вася, ты слышишь меня? Что там у тебя происходит?

— У меня-то как раз все нормально! — ответил Вася. — А вы почему так долго не отвечали?

— У нас гости!

— Много?

— Пятеро!

— Много гостей, да еще и некстати, это не очень приятно! — Вася закашлялся. — Вы где находитесь? Надеюсь, все еще в магазине?

— На втором этаже. Я как раз вижу Цитадель перед собой...

— Это плохо. Немедленно найдите какое-нибудь убежище. Да получше.

— Ты что... собрался взрывать здание?

— Точно. Я нашел источник энергии. А с моим да сделать все остальное не составит особого труда.

Какие-то слова застряли у Вероники в горле. Вероятно, она вспомнила о даре Васи.

— Ваши игроки — говно! — нарочно громко говорит Сом. Он тоже все понял и теперь давал нам шанс переговорить с Васей. — Они же ничего не умеют, кроме как нарушать правила и превращаться в зверей!

— А кому вообще нужны твои правила? Зачем мы играем? Для кого?! — жрец тоже распалялся все больше и больше. — За нами уже лет сто никто не смотрит. Никаким Создателям дела нет до нашей игры! Теперь мы боремся только друг против друга! И больше никак!

— Так зачем же убивать?!

— Через десять минут я взрываю здание, — сказ Вася. — Встречаемся около магазина.

— Что?! Что он сказал? — удивленно прошептал я.

— Встречаемся около магазина! — повторила Вероника. — Сначала он взорвет Цитадель, а потом мы все вместе уйдем из города.

— Что же это за дар у него такой?

— Великолепный дар! — ответила Вероника. — Он не человек... он информация!

Я онемел.

Сом что-то выкрикивал жрецу. Тот яро отвечал, но не слышал.

Вася — информация? Как так может быть? Такое же невозможно! Что-то такая формулировка никак не хотела укладываться в моей голове.

— Ты хочешь сказать, что любая мысль, да и вообще все, что носит информацию, и есть Вася?

— Не совсем так. Вася лишь определенный поток информации во Вселенной. Как и

любая другая информация, он может свободно перемещаться в пространстве. Только для того, чтобы из физической формы ему преобразоваться в информационную, нужно огромное количество энергии. Именно она и приведет к взрыву, что позволит Васе безболезненно переместиться из одного пространства в другое... да ладно, что я тебе лекции читаю. Потом все узнаешь. — Вероника сразу повеселела, словно у нас появился шанс выбраться из всей этой передраги. Честно сказать, мне не очень верилось в подобное. Сом неожиданно замолк.

— Нам нужен Виталик, — твердо повторил жрец, — в последний раз говорю. Как бывший напарник, даю вам еще несколько минут, но предупреждаю, что если не захотите сдаваться, то умрете все до единого!

Через несколько минут здание за моей спиной взорвется. Это я знал точно. Вот только какой силы будет взрыв? Успеем ли мы к этому моменту выбраться, или нас уже не будет в живых? В любом случае нужно было перебираться в более безопасное место.

И я встал.

Евгений Валерьевич был первым, кого я увидел в группе сумеречных. Он резко выделялся на их фоне: сутулый, скорчившийся. В темноте я не видел его лица, но мог себе представить, что оно сейчас вряд ли похоже на прежнее.

Его держали под локти двое. У каждого в свободной руке автомат.

Еще двое стояли около самой лестницы, направив свое оружие на меня. Чуть впереди них стоял жрец.

И улыбался.

— Я рад, что ты оказался умнее их обоих! — сказал Коля. — Вот снова и увиделись!

Куда-то делась его царапина от удара вентилятором. Они что, еще и регенерируют?

— А меня не радует наша встреча, — ответил я. Коля скорчил недовольную гримасу:

— Ну скажи, Виталик, почему ты оказался таким прямым? Почему ты решил, что с игроками Зари тебе будет намного лучше, чем с нами?

— А с чего ты вообще думаешь, что я собираюсь оставаться с игроками? Может, мне вся эта кутерьма уже давно осточертела, и я хочу только одного — вернуться домой!

— В Новоозерск не советую. Там с утра начнется большая заварушка! А просто так уйти ты, дорогой мой, теперь уже не сможешь!

Возможно, это сыграет мне на руку. Если успеть отпрыгнуть в сторону, когда грянет взрыв... Он-то, увалень, точно не успеет.

Коля не подозревал о том, что сейчас случится!

— С твоим даром — у тебя просто не остается выбора. Либо с нами, либо против нас! — сказал он. Остальные сумеречные молча кивали, соглашаясь. — Пойми же, Виталик, этот твой выбор не верен! Надо идти за сильными, а не за слабыми. А на данный момент сильнее все-таки мы!

Евгений Валерьевич чуть приподнял голову и посмотрел на меня сквозь распухшие веки.

Увидел или нет? Может, думает сейчас, что я идиот, раз решил показаться. А может, и ни о чем не думает. Может, они уже выбили из него все мозги, оставив только сознание того, что он все еще жив...

Я терял время. Надо было что-то делать. Но не стрелять же в них?

Вероника уже доползла до Сомы и что-то шептала ему на ухо. Сом кивал, изредка поглядывая в мою сторону.

Коля тоже, видимо, перехватил мой взгляд. Улыбка у него стала еще шире.

— Вася тоже с тобой? Или только Сом? А?

— Он тебе не ответит, — сказал я. — Давай поговорим начистоту. Что тебе нужно от меня?

— Только твое сотрудничество, — ответил жрец. — С даром, которым тебя наделили, ты станешь таким сильнейшим оружием, что мир не продержится и недели!

— Зачем тебе рушить мир? Ты что, сумасшедший?

— Скажем проще — я хочу провести на земле вполне естественный отбор. Сильные убивают слабых! Мы сильнее всех вас, и людей в том числе. Значит, миром должны править мы!

— Закон отбора, если ты учился в школе, приемлем только для слаборазвитых существ и животных, у которых отсутствует сознание!

— Я не учился в школе. В то время, когда меня сделали игроком, школ еще не было!

Тогда понятно, почему он такой тупоголовый!

— Хорошо, — краем глаза я заметил, что Вероника вновь вслушивается в информатор. Вася что-то говорил, — опустим эту тему. Теперь скажи, для чего тебе Евгений Валерьевич? Он же всего лишь вербовщик.

— Неужели непонятно? Старый хрыч — залог того, что ты будешь работать на нас. По крайней мере; пока все не закончится.

— А после того? Коля пожал плечами:

— После падения старого мира у вас просто не останется выбора. Либо вы все будете работать вместе с нами, либо умрете. Думаю, Женьке все-таки хочется жить!

Вероника тихо махнула рукой — ложись — и сама легла лицом вниз, зажав голову руками. Сом тоже лег, отложив пистолет в сторону. У меня оставалось всего несколько минут. Или мгновений?!

А я по-прежнему не знал, что делать с Евгением Валерьевичем.

— Ты думаешь? — вежливо так спросил Коля. Неужели, он и правда решил, что я соглашусь перейти на его сторону?

— Сначала отпусти Евгения Валерьевича, — сказал я. — Что?

— На пол. Положи его на пол. Ты что, не видишь, что он умрет, прежде чем я дам свое согласие!

Коля быстро смерил Евгения Валерьевича взглядом:

— Не бойсь. Этот старикашка двести лет жил и еще столько же проживет.

— И все-таки я прошу тебя положить его на пол! — Почему в самый ответственный момент вдруг начинает дрожать голос?

За моей спиной горело здание, готовое вот-вот взорваться. Я уже самой кожей чувствовал это. И дрожал. Видимо, Коля что-то сообразил.

— Зачем тебе это надо? — спросил он, настороженно осматриваясь. Думает, наверное, что мы уготовили ему какую-нибудь ловушку. Бойтся все-таки, хоть и утверждает, что они сильнее.

Я пожал плечами:

— Послушай, Коля, раз уж мы решили сотрудничать, то, будь добр, выполни мою первую просьбу!

— Что-то ты затеваешь, Виталик... — Коля сделал шаг вперед.

— Возможно, но сначала отпусти его.

— Зачем?

— Не твое дело! — мой голос неожиданно сорвался на крик, и Коля вздрогнул, поспешив отступить за спину одного из сумеречных.

— Я сделаю это, — ответил он медленно, растягивая каждый слог, — но если твои друзья, наоборот, поднимутся!

— Хорошо, но сначала я должен увидеть Евгения Валерьевича на полу!

— Отпустите его.

Сумеречные отпустили Евгения Валерьевича, и старик тяжело, как мокрая тряпичная кукла, рухнул на пол. Упал без движения, словно и не был жив несколько секунд назад.

— Теперь ты доволен? Выполняй свое обещание. Я развёл руки:

— Извини, конечно, но я не имею права распоряжаться своими друзьями. Они могут встать, только если сами того захотят!

Все это удивительно напоминало сцену из какого-то древнего фильма про гангстеров, где один неожиданно вместо денег за предложенный товар вынимает из-под плаща автомат.

Хотелось бы мне сделать то же самое. А потом заглянуть в сценарий и узнать, что мы уьем их всех, и все благополучно завершится. Деньги и товар окажутся в наших руках. Вероника выйдет за меня замуж, и мы вместе уедем куда-нибудь в Мексику, на медовый месяц. И Сом с собой захватим, и Евгения Валерьевича с Васей. Всех, в общем.

В это же время я заметил, как скрытые под жировыми складками глаза Коли неожиданно вылезли из орбит и округлились. Рот открылся от удивления.

Смотрел он куда-то за мою спину. На горящее здание.

Цитадель!

Ну, началось! Наконец-то!

Жрец резко отступил назад, остуился на лестнице и с криком покатился по ступенькам!

Я обернулся на пятках и замер, пораженный увиденным.

Цитадель набухла, расширялась, деформировалась и... взрывалась.

Клубок пламени, вырвавшийся из ее центра, разметая в стороны горящие окна, стекла, металл, какую-то мебель, стремительно приближался к магазину. Нарастал, закладывая уши, оглушительный рев!

— Ложись, идиот! — заорал кто-то. Я не мог.

Клубки пламени полностью захватили мое сознание. Они кружились вокруг, наплывали, готовые вот-вот поглотить. Танцевали в окнах магазина, отражаясь тысячами цветов! И я, кажется, сам вдруг захотел утонуть в них!

Кусок горячей доски с хрустом проломил окно и влетел в магазин, ударившись о полки с посудой. Во все стороны полетели осколки. Рев и грохот пламени — все это неожиданно резко порвало мир вокруг, врываясь внутрь магазина!

Раздавшийся треск ломающейся рамы вывел меня из транса. Я сделал неровный шаг в сторону, и в это время: что-то со страшной силой сбило меня с ног.

— Не двигайся, придурок! — заорал Сом, наваливаясь на меня всем телом. — Тебе что, жить расхотелось, или ты думаешь, что бес...

Дальше все его слова утонули в наступившем аду...

Стекла и часть стены рухнули разом.

Огненный вихрь ворвался в магазин, разметая и уничтожая все на своем пути, пролетая в нескольких сантиметрах над нами, ослепляя своим жаром и светом.

Даже лежа под Сомом, я ощутил этот чудовищный жар. Мои кроссовки, казалось, начали гореть! Что-то со свистом пролетело надо мной и над склоненной головой Сомы и разбилось за нами! Рядом упала горящая доска, разбрасывая вокруг дымящиеся искры.

Сом застонал, вдруг крепко сжав мои плечи, и я увидел, что куртка у него на спине загорелась.

Но встать он не мог. Над ним кружилось, не затихая, пламя, готовое добраться до каждого!

Кто-то из сумеречных закричал, но крик получился слабым и вскоре затих в грохоте. Пламя бесновалось, терзало прилавки, мебель, стирало одежду в пепел! Нахлынувшая следом взрывная волна с корнем повырывала уцелевшие стенды и прилавки, подняла вверх и швырнула в противоположную сторону все, что догорало или еще горело. В нескольких сантиметрах от нас неожиданно взвилась в воздух вешалка со вспыхнувшими женскими платьями и пролетела над нами, исчезнув в огне. Сом застонал, и я почувствовал, что волна приподымает и его, пытаясь отбросить в огненный вихрь. Но он крепко ухватился за мои плечи, сжимая кости.

Я тоже заорал, но не услышал самого себя. Чудовищная сила приподняла меня вслед за Сомом, а потом вдруг резко отпустила, и я упал на спину, больно стукнувшись головой о бетонный пол. Сом тоже упал, в последний момент разжав пальцы и отклонившись чуть в сторону.

И сразу стало тихо.

Огненная волна отхлынула назад, в разрушенную стену, на улицу, оставив свои

зародыши, распространяющиеся по всему, что еще могло гореть. Что-то с треском упало на пол.

— Быстрее, встаем! — Сом вскочил, на ходу сбрасывая горящую куртку, а следом и рубашку, до которой огонь уже успел добраться. Остался в одной майке.

Я тоже вскочил и чуть снова не упал от невыносимой боли, пронзившей пальцы ног.

Оказывается, мои кроссовки действительно горели! Я резко содрал их вместе с кусками тлеющих носков. Бетонный пол магазина был холодным и немного унял боль в ногах.

Сам же второй этаж универмага представлял собой остатки здания после ядерного взрыва.

На месте стены, обращенной к Цитадели, теперь красовалась рваная дыра с кусками кирпича и обрывками проводов. Части пола тоже не было. Его точно срезали ножом, обнажая нижний этаж и перегородки с неровными кусками бетона на них. Стенды, прилавки, еще что-то горящее невообразимой кучей было свалено на лестнице и около нее. Вокруг повсюду валялись обуглившиеся доски, миллионы осколков, вырванные и погнутые рамы и куча всякого хлама от наручных часов до чудом уцелевшей хрустальной вазочки.

Около одного из сорванных с крепления прилавков лежал сумеречный. Вернее, его верхняя половина. Нижней нигде не было, вокруг же расплылась лужа мутной крови. В темноте, даже отражая блики огня, она казалась черной. Может, так оно и было, кто знает?

Интересно, что стало с остальными?

А Евгений Валерьевич?!

Сом побежал к опрокинутому кассовому аппарату. Только сейчас я заметил, что рядом с ним сидит Вероника, ошарашенно трясая головой. Часть ее прекрасных, длинных волос обгорела.

А мне надо было искать Евгения Валерьевича.

Взрывной волной его могло отнести куда угодно. Может быть он, как и сумеречные, находится на первом этаже под грудой свалившейся мебели и прочих вещей. Как же не хотелось думать именно так...

Я подбежал к горящим прилавкам, около которых еще до взрыва лежал Евгений Валерьевич, и ногами стал раскидывать их в стороны. Под тлеющими головешками вдруг обнаружилась почти не тронутая огнем дверь от примерочной кабинки. Я схватил ее и оттащил в сторону. Под дверью и лежал Евгений Валерьевич.

Вблизи, оказывается, он выглядел еще хуже. Здор во же над ним поиздевались. Под обоими глазами вспухли черные синяки, часть волос вырвана с корнем, оставив на голове кровавую корку, нос как-то неестественно вывернут набок и посинел. Скорее всего, сломан. Может — еще и зубов нет.

Я склонился к его груди, чтобы убедиться, что он еще жив.

Дышит.

Это хорошо, значит, жить будет. Я просто себя успокаиваю, хотя и понимаю, что все может быть совсем не так. Может, у него все сосуды внутри порваны, может, сотрясение головного мозга, и он умрет, так и не придя в сознание, а может, что еще. Мало ли от чего можно умереть?! Но человеческому сознанию нужен какой-то стимул. Стимул, который подхлестнул бы его сделать то, что, кажется, делать уже бесполезно...

— Я нашел его! Идите сюда!

Сом помог встать Веронике, и они вдвоем подбежали ко мне. Вместе мы разгребли завал вокруг Евгения Валерьевича.

Старик, оказывается, только на вид выглядел таким щуплым, а на самом деле весил довольно много. По крайней мере, мы с трудом подняли его на ноги.

— Все, пора уходить, пока все здесь не рухнуло, — запыхавшись, выдохнул Сом. — Вообще удивляюсь, как магазин не развалился сразу от такого взрыва.

— Как выбираться будем?

— Через окно, — Сом махнул в сторону широкого отверстия с торчащей из бетона железкой. — Сначала спустишься ты, Виталик. Затем Вероника. Я вам подаю Евгения

Валерьевича и спускаюсь сам. Сойдет план?

Он обвел нас немигающим взглядом и тихо добавил:

— Все нормально будет. Нам главное из Краевского теперь выбраться.

— Сдается мне, что сумеречные сейчас засуетятся, — ответила Вероника. — Целого штаба как не бывало.

— Точно! — Сом направился к отверстию. — Сумку не забудьте. Она нам еще пригодится.

Я побежал за сумкой. Подхватил ее, по дороге заметив вторую половину тела сумеречного.

Сом с Евгением Валерьевичем и Вероника уже стояли около отверстия и смотрели вниз.

Подбежав ближе, я тоже смог разглядеть то, что творилось на улице.

Часть стены рухнула, погребая под своими обломи ми стоящие около машины и разворотив асфальт, дороги вокруг остались одни только воспоминания. В радиусе нескольких сот метров повсюду валялись куски бетона и всякой горячей чепухи. Ветер играл обугленными бумажками и журналами, швыряя их от одной дома к другому. И еще — вся земля вокруг была сплошным ковром усеяна мелкими осколками стекла. Нигде не было места, где бы оно не лежало. Словно снег. И каждый кусочек отражал огонь, отчего казалось: сама земля горит.

Вместо Цитадели теперь вспухло огромное облако пыли и дыма, не давая разглядеть, что осталось от штаба игроков Зари. Дым этот поднимался вверх, в черное небо, загораживая звезды и, терзаемый ветром, отдельными кусками расплывался по городу, над домами.

— И что делать будем? — спросил я. Спускаться со второго этажа прямо на осколки и на куски бетона было бы весьма затруднительно. Я огляделся, но никаких подходящих лазеек не обнаружил. — Прыгать, что ли?

— Как говорил мой дед: хочешь летать, так научись! — произнес Сом. — Видишь вон тот кусок провода?

Я увидел. Он висел в полуметре от обвала, на краю которого стояли мы, выходя из стены и спускаясь почти до самой земли.

— Если хорошенько прыгнуть, то можно достать до него и спуститься, — сказал Сом. — Как считаешь, ты сможешь это сделать?

— Я-то ладно, а вы? Сом почесал затылок:

— Ну, вы с Вероникой можете спуститься, а потом спущу вам Евгения Валерьевича на какой-нибудь веревке и спущусь сам.

— Не забывай, что вокруг сотни сумеречных. Минут через пятнадцать все они очухаются и придут сюда, чтобы выяснить, что произошло. А с Евгением Валерьевичем чем мы провозимся тут не менее получаса.

Сом задумался, а потом махнул рукой:

— Ладно, проехали. А что ты предлагаешь?

Я пожал плечами. Ситуация действительно была почти безвыходной. Кроме отверстия в стене и заваленного спуска на первый этаж других выходов не намечалось.

Но делать что-то надо было. Не прыгать же? Да еще и Евгений Валерьевич.

— Вероника, слушай, а ты не можешь, ну, как со мной, когда осколки вынимала, — я посмотрел на свои ладони. Кровь из царапин уже не шла, только чуть заметная тупая боль внутри, под кожей.

— Я ведь тоже не всесильная, — ответила Вероника. — На то, чтобы извлечь из тебя осколки, ушло чересчур много сил, теперь я вряд ли смогу кого-нибудь исцелить еще несколько дней.

Я осмотрелся вокруг, вглядываясь в темноту, до которой не добрались даже блики огня. Ну, хоть бы одна дверь. Ведь должна же быть запасная дверь! Черный ход, в конце концов. Хотя, кто его знает...

— Я вижу дверь, — неожиданно сказала Вероника, — только это нам ничем не

поможет.

— Почему? — хором спросили мы с Сомом.

— Смотрите сами, — она указала нам в угол, который когда-то был отгороженным помещением, где лежали вещи. Теперь ящики с одеждой, посудой, мягкими игрушками и еще чем-то превратились в единую горящую массу. Дверь действительно была, но подойти к ней было невозможно. Прямо поперек лежала горящая балка, а вокруг — пылающие журналы и платья. — Не ждать же нам здесь, пока все это потухнет?

— И все-таки что-нибудь здесь сделать можно, — сказал Сом после секундного молчания, выглянул в отверстие. — В той комнате, что за дверью, есть окно. Если в него пролезть, то можно выбить дверь с обратной стороны, и мы все выйдем. Сдается мне, это и есть запасной выход.

— Ты думаешь или уверен? — спросила Вероника. Сом перехватил Валерия Евгеньевича за пояс и аккуратно посадил его на пол, прислонив к стене:

— Знал бы прикуп — жил бы в Сочи! Сейчас я попытаюсь пролезть в окно, и если мои догадки верны, то ждите меня с обратной стороны двери!

— Постой, а почему именно ты? — вдруг вырвалось у меня. — А я что, не сойду?

— А ты когда-нибудь лазил по стенам?

— Нет, но всегда хотел научиться!

Сом смерил меня оценивающим взглядом из-под чуть прищуренных век:

— И все-таки ты слишком молодой!

— Раз уж на то пошло, то... — Я сделал шаг в сторону отверстия, давая понять, что Сом без меня никуда вылезти не сможет. Не один же он будет совершать подвиги? Я вдруг почувствовал, что действительно хочу попытаться пролезть по стене из одного окна в другое. И не ради принципа, а для себя самого. Для своего внутреннего "я". Все же не у кого-нибудь, а именно у меня есть какой-то дар. Так почему бы не попытаться открыть его? Может, он и заключается в том, что я могу беспрепятственно ползать по стенам?

— Возможно, — Сом усмехнулся, — но у меня больше опыта. Если ты просто хочешь самоутвердиться, доказать себе, что стоишь наравне с игроками, то сейчас для этого не самое подходящее время. В любой момент могут подойти сумеречные, и тогда всем нам попросту конец.

— Ничего я не хочу. Просто в случае нападения сумеречных ты сможешь защитить Веронику и Евгения Валерьевича лучше, чем я.

— Вероника сама может защитить себя, — парировал Сом, — а вот если погибнешь ты, то мы так и не узнаем что в тебе такого, что заставило сумеречных уничтожить целое село.

— Это произошло не из-за меня одного, — напомнил я ему, — возможно, я и есть часть их плана, но не забывай, что жрец узнал о моем даре всего лишь за пару часов да того, как все началось.

— Я не то имел в виду, — проворчал Сом.

— Не знаю, что ты имел в виду, но просто так уйти я тебе не дам.

— Да прекратите же наконец спорить! — воскликнула Вероника. — Сейчас не то место и не то время, чтобы вести дискуссии. Евгений Валерьевич умирает, сумеречные уничтожают игроков! А вы спорите из-за того, кто полезет по стене в окно?!

Мы с Сомом переглянулись. Действительно глупо как-то...

— Кто вытянет короткую спичку? — спросил Сом. Я покачал головой и выставил перед собой сжатый

кулак:

— Знаешь, была такая игра — "камень, ножницы, бумага"?

— Ну, — неуверенно буркнул Сом.

Я не стал говорить ему, что еще в школе всегда выигрывал в подобном споре, потому что заранее мог предугадать, что покажет соперник. Помню, я и еще несколько человек специально тренировали зрение, чтобы углядеть, что хочет выкинуть из сжатого кулака соперник.

Получалось не только у меня, но еще и у Генки Сорокина, и у Пашки Толчаинова, но, наверное, сейчас об этом мог вспомнить только я один. А на самом деле все было довольно просто — если хотели показать "ножницы", то указательный и средний пальцы чуть выдвигались вперед, если "бумагу" — то мизинец оттопыривался. Ну, а если "камень", то кулак оставался крепко сжатым.

Все это происходило почти на подсознательном уровне, и если немного потренироваться, то можно вполне предугадать, кто что хочет показать. Но Сом-то об этом не знал.

— Играем три раза. Кто больше выиграет, тот и полезет, — сказал я.

— Только давайте быстрее, — добавила Вероника. — Не в карты же играем...

— На счет три, — предупредил Сом, выставя вперед кулак. — Я, признаться, почти не помню этой игры...

— Правила объяснить? Сом покачал головой:

— Раз... два...

Два передних пальца его чуть выдвинулись вперед. Сом и сам, наверное, не заметил. А вот от моего взгляда это не ушло. Что ж, ты попался...

— Три...

Моя кисть так и осталась сжатой в кулак, а он "выкинул ножницы", тут же с досадой вскрикнув.

— Моя первая, — отозвался я, стараясь не показывать, что чуть повеселел.

— Все равно полезу я. — Сом вновь сжал кулак. — Раз... два...

Чересчур крепко он сжал кулак. Еще не досчитал до трех, а я уже понял, что разжимать его он и не собирается. Тогда придется мне...

— Три...

Сом — "камень", я — "бумага". Вновь моя победа!

— Не надо вновь начинать, — громко сказала Вероника, видя, что Сом собирается что-то сказать. — Раз он выиграл, пусть лезет. Всё было по правилам.

— Он жульничал, — сказал Сом, — я следил за его глазами.

— Наблюдательность и никакого мошенничества. — Я обошел его со стороны и очутился на самом краю бетонного пола. Окно действительно было видно, но вид: его, равно как и расстояние, отделяющее нас, мигом охладило мой пыл.

И как же, интересно, я полезу?

— Что будешь делать? — поинтересовался Сом.

Я указал на провод, который он сам недавно показывал мне:

— Постараюсь зацепиться за него, потом раскатаюсь и долезу до окна.

На словах все слишком просто. Вот только до земли лететь не меньше четырех-пяти метров. А еще внизу черт знает что творится — осколки бетона, вывернутый наизнанку асфальт, стекло... Думаю, падение для меня будет летальным.

Но делать нечего. Сам вызвался. Я не чувствовал сожаления, что решил полезть. Даже наоборот. Риск, как сказал кто-то, — благородное дело, а я рискую ради спасения своей собственной жизни. Не только своей, конечно, но и Веронику надо спасти обязательно, с ее красотой и даром исцелять. Если на Земле начнется заварушка, то ее дар ой как пригодится. А еще Евгений Валерьевич. Симпатичный старичок. С ним и поболтать можно по душам.

И почему мне вдруг стали так нравиться игроки Зари? Уж не я ли день назад ненавидел их и хотел во что бы то ни стало выбраться из всей этой проклятой Игры и вновь начать жить нормальной жизнью? Наверное, сумеречные объединили нас. Сумеречные и их жажда к искоренению человечества. Иначе, наверное, и быть не может.

Я отступил на несколько шагов назад.

Только бы не переборщить и не оступиться. А то улечу вниз головой в стеклянные сугробы, и конец мне — спасителю человечества.

Замечательный получится итог — пережить взрыв здания и разбиться только из-за

того, что поскользнулся на каком-нибудь обломке от оконной рамы.

Впрочем, зачем думать о плохом? Как выйдет, так и выйдет, тут уж ничего не изменишь.

И я побежал.

Три метра...

Два... Вот я уже вижу неровный конец обвалившегося бетонного пола... провод... только бы дотянуться и успеть схватить... только бы...

Ноги оторвались от пола! Я подпрыгнул, вытягивая руки, стараясь зацепить, ухватиться...

На мгновение мне показалось, что я просто повис в воздухе. Бесконечно долго, навечно, замер между землей и небом...

Дотянуться бы... Ну, еще немного...

Провод приблизился, и я уже цеплял его кончиками пальцев.

Крепче! Еще крепче!

Следом за руками последовало и все тело. Со всей силы я врезался в противоположную стену! Вывихнутое недавно плечо вновь вспыхнуло чудовищной болью, и теперь я точно расслышал, как что-то внутри громко хрустнуло. В глазах потемнело, и я уже не смог удержать провод, поехав по стене вниз!

Чересчур сильно разбежался, не рассчитывал, что стена все же ближе, чем казалось!

Дернулся.

Повис.

Я задрал голову, пытаюсь понять, где нахожусь.

Хорошо еще, что сильно подпрыгнул. Перемахнул чуть выше окна и поэтому съехал ненамного. Подоконник был прямо над самой моей макушкой. Надо было всего-то поднять вверх руку, уцепиться за него, подтянуться и залезть. Правда, одна моя рука безвольно висела вдоль тела, а второй я крепко сжимал провод.

Вопрос — чем хвататься?

И вообще, что делать? Ведь надо было торопиться.

— Отталкивайся ногами от стены и подтягивайся! — Сом шипит сверху.

Я увидел его неровный силуэт на краю бетона. Рядом — Вероника.

Я чуть оттолкнулся ногами и, отлетев вбок от стены, рывком подтянулся.

Получилось, хоть и болезненно для ладони, но все же довольно ловко. Вновь подлетев к стене, я обнаружил, что достал до подоконника носом. Стекол в окне не было, и внутри царила сплошная темнота. Правда, не настолько сильная, чтобы нельзя было обнаружить, что догадки Сомы оказались верны.

Я улыбнулся — бетонная лестница с обшарпанными и сбитыми ступеньками уходила вниз, исчезая за лестничным пролетом. Осталась самая малость — влезть.

Я повторил свой трюк еще четыре раза, прежде чем смог перевалиться через подоконник в приятную прохладу черного хода. Жар горящего здания досюда не доставал, и я почувствовал, как остывает пот на моем теле.

Отлично.

Отдышавшись, я поднялся с пола и подошел к двери ударил по ней ногой. Дверь с жалобным стоном слетела с верхних петель и повисла на нижних, открывая мне обзор. Горящая полка с той стороны шумно рухнула на пол, и потребовался еще один хороший удар, чтобы откинуть ее в сторону вместе с оторвавшейся окончательно дверью.

Проход освободился.

— Отлично! — Сом был краток. Он подхватил бесчувственное тело Евгения Валерьевича (и откуда столько сил взялось, интересно?) и последовал вслед за Вероникой в мою сторону. — Что с рукой-то?

— Это плечо. То самое, которое я вывихнул в парке, а потом еще раз в метро. Сейчас, кажется, сломал окончательно.

— Ничего не бывает окончательным, поверь мне, — сказал Сом. — И это вылечим,

главное — добраться до безопасного места. И все-таки оно у тебя не сломано. Иначе ты бы не стоял сейчас здесь передо мной с таким идиотским выражением на лице.

Я усмехнулся. Сом все же умел иногда поднимать настроение.

— Сейчас выйдем на улицу и где-нибудь затаимся. Должен появиться Вася, — сказала Вероника. — Если через полчаса его не будет, тогда постараемся выбраться самостоятельно.

— Полчаса может быть слишком много, — пробормотал Сом. — Сумеречные тоже не дураки и скоро догадаются, что к чему. Перекроют дороги, и тогда нам не выйти.

— Хорошо, тогда пятнадцать минут.

Внизу виднелось черное отверстие прохода. Двери никакой не было.

За секунду до того, как мы спустились на последний лестничный пролет, я вдруг подумал, что в темноте вполне могут скрываться сумеречные, додумавшиеся, что это неплохой способ побега.

Но ничего не произошло.

И слава богу!

Мы вышли на улицу и тотчас свернули в первый же проулок.

Где-то вдалеке громко выла сирена. Никогда не разбирался в них — может, пожарная, а может, и милицeйская.

Снизу то, что осталось от магазина, показалось еще более ужасным, чем расстрелянное метро. Никогда не думал, что доведется увидеть такие разрушения. Цитадель, а вернее, то, что осталось от нее, по-прежнему скрывалась под широким облаком пыли и дыма, подни4мающимся столбом к небу.

Соседний дом, за стеной которого спрятались мыг тоже был поврежден. У него отсутствовали часть крышн| и кусок верхнего этажа.

— Интересно, остался хоть один дом, который не зацепило?

Сом пожал плечами: "Разве это сейчас важно?"

Совсем недалеко от нас проехали две белые "шестерки" с затемненными стеклами. Мы прошли еще глубже в переулок, куда не доставал свет, и затаились.

Сом усадил Евгения Валерьевича у стены, а сам пошел к центральной дороге, в начало переулкa, чтобы высматривать Васю.

Честно сказать, я не сильно надеялся на то, что Вася появится. Только тот его необычный дар еще оставлял надежду, хоть и верилось с трудом.

Прямо около магазина с визгом остановилась какая-то машина. Хлопнула дверца, и захрустело под чьими-то подошвами стекло.

Сом впереди вжался в стену.

— А я тебя вижу, — вдруг сказал кто-то и из-за угла прямо на Сому выскользнул чей-то силуэт.

Вероника подскочила как ужаленная, выхватывая пистолет. Я тоже резко, насколько это позволяла боль в плече, поднялся.

Сом не успел отреагировать. Фигура крепко обхватила его в объятия и чуть оттащила в глубь переулкa:

— Увидят же, идиот! — вновь воскликнул голос. Вася?!

Черт возьми, да это же был не кто иной, как Вася!! Он отпустил Сому и подбежал к нам. Обнял Веронику, не сводя с меня взгляда чуть прищуренных глаз.

— Ну, ты даешь, парень! — Только сейчас я заметил в его руке транстерминатор. Хотя, зачем он ему? Он же все равно в любой момент может стать информацией.

Я смотрел на Васю и все никак не мог поверить, что такое возможно — взорвать все здание, находясь в самом его эпицентре, и при этом остаться живым. Это же просто необъяснимо. И не может он быть человеком. Но я же вижу его! Как? Нет, не знаю, я почувствовал, что окончательно запутался в своих собственных рассуждениях. Вася, наверное, заметил мой взгляд и поэтому ответил:

— Виталик, я все тебе объясню позже, — отстранившись от Вероники, он подошел к Евгению Валерьевичу и взвалил его на плечо, — а сейчас пошли к машине. Нужно

выбираться из Краевского, пока сумеречные не сообразили толком, что к чему.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Мне все теперь ясно. Сумеречные собираются начать крупномасштабную бойню по уничтожению не таких, как они. Это бы произошло в любом случае, просто появление Виталика немного повлияло на само развитие событий. А именно, на то, что мы все же оказались предупреждены и избежали смерти. Пока. Серебристый "Мерседес" Васи выглядел как-то неестественно посреди пустых и темных улиц, на фоне черных окон без стекол и вырванных из петель дверей домов. Все-таки взрыв задел все село.

Мы мчались по пустынному шоссе к окраине села. Как объяснил Вася, сейчас самый лучший вариант — это скрыться где-нибудь в небольшом городке, в котором, по возможности, будет мало игроков Зари, да и людей, желательно, чтобы тоже было немного. За них сумеречные примутся в последнюю очередь. А сначала, скорее всего, повинуюсь древнему как мир инстинкту завоевания, они кинутся на большие города.

Странно, но мы проехали уже больше половины села, а еще не встретили ни одной другой машины или хотя бы людей. Словно все сумеречные собрались в центре Краевского, оставив его окраины на произвол судьбы. Затишье, как перед бурей. Оно мне не нравилось. Я же вор и иногда хорошо чувствую, откуда и когда может прийти опасность.

Наверное, сейчас вообще расслабляться нельзя.

Все окна в машине были плотно закрыты. В салон не проникало ни капли свежего воздуха, но было прохладно. Евгений Валерьевич полулежал между мной и Вероникой на заднем сиденье.

Сом сидел впереди.

— Мне кажется, кое-кто из верхушки сумеречных уже догадался, что это я взорвал Цитадель. Хренов жрец наверняка рассказал им о каждом из нас и о наших способностях. Вполне вероятно, что у сумеречных есть подробные досье на всех влиятельных игроков Зари и их о будут стремиться уничтожить в первую очередь.

— То есть мы, получается, в черном списке, — уточнил Сом. — Тогда непонятно, почему в универмаге Колька так клялся, что не сделает нам ничего плохого. Я, конечно, понимаю, что он мог просто лгать. Но все-таки он даже не предпринял никаких попыток взять нас в окружение. Просто стоял и уговаривал, чтобы мы сдались.

— Возможно, он боялся.

— Кого?

— Виталика, — Вася кивнул в мою сторону и протянул мне пачку белого "LD".

Я курил нечасто, но сейчас был настолько взвинчен, что не отказался. Правда, окно открыть было нельзя. Никаких ручек на дверце изнутри не наблюдалось.

— Дар Виталика еще не инициирован, но у жреца были все основания считать, что он может быть очень опасным. К тому же Виталик сам сказал, что Колька не знал, умеет ли он обращаться со своим даром или нет. Может быть, даже перед смертью он подумал, что все эти разрушения нанес именно Виталик, а не взорвавшаяся Цитадель.

Он протянул мне зажигалку, и я затащусь, ощущая проникающий в легкие дым. Сизое облачко выпустил через ноздри, и оно расплылось над нашими головами.

— Кстати обо мне, хотелось бы все-таки узнать, что во мне такого интересного?

— Если выберемся из села, то наверняка узнаем, — ответил Вася, — Я знаю один небольшой городок поблизости, там живут мои старые знакомые. Они смогут в тебе разобраться.

— Чувствую, что так просто из Краевского нам не выехать, — вздохнул Сом.

"Мерседес" вырулил на открытую площадь и поехал по дороге мимо частных домиков. Центр села остался позади, и отсюда уже не было видно горящих домов. Только столб дыма и пыли, поднимающийся в небо. Как после атомного взрыва.

— Из села идут три дороги. Думаю, за такое малое время сумеречные не успеют

перекрыть их все.

— А если они перекрыли их заранее? — спросил Сом.

— Тогда будем выбираться другими способами. Минут через пять автомобиль стал притормаживать.

— Сейчас подъезжаем к железнодорожному переезду. Это дорога на Новоозерск, — сказал Вася, поворачиваясь к нам. — Если там никого не будет, то считайте, всем нам крупно повезло.

— Не утешай, — выдохнул Сом, вынимая пистолет и перезаряжая его. — Опять кого-нибудь убивать придется. Надоело, а что поделаешь?

Вася свернул на обочину и остановил машину. Мы вышли и вновь окунулись в прохладу ночи. Тихий ветерок освежал после душного салона. Сом, стоящий в майке, поежился. Я же еще в машине обулся в Васины кроссовки и, хоть они и были на два размера больше, чувствовал себя намного лучше, чем совсем без обуви. Вокруг было тихо. Село осталось позади, и вдоль дороги тянулась березовая роща. Луну закрывали тучи и дым, и поэтому единственным освещением нам служили редкие звездочки, пробивающиеся сквозь дымку.

— Что-то я не вижу никакого переезда, — прошептал я. Впереди, метрах в десяти-пятнадцати, дорога утонула в сплошной темноте, и разобрать что-либо было просто невозможно.

— И не увидишь. Он за поворотом.

Вася бесшумно продвинулся к багажнику, открыл его и извлек небольшой бинокль, светящийся зеленым изнутри. Прибор ночного видения? Неплохая у Васи экипировка!

— Это на всякий случай?

— Он лежит у меня всегда, — ответил Вася, надевая его, — на случай таких вот ситуаций.

— И что ты собираешься делать?

— Как будто не ясно, — удивился Вася, принимая из рук Сомы пистолет, — Пойду разведать, как обстоят дела на переезде. Дай-то бог, чтобы все было чисто, тихо и спокойно.

— Главное, чтобы чисто, — прошептал Сом. — Не люблю по грязи кувыркаться. От нее одежда пачкается!

Мы все разом хмыкнули — и я почувствовал, как напряжение немного уменьшилось. Почему-то мне вдруг стало ясно, что и сейчас с Васей ничего не случится. Почему? Понятия не имел, просто был уверен, и все. Он же все-таки опытный парень, знает, что делает...

Вася молча скрылся за деревьями. Короткий шорох раздвигаемых веток и — тишина. Словно и не было тут Васи.

Мы постояли с минуту и тоже сошли с дороги за деревья. Уселись в кружок на холодной траве. Евгений Валерьевич остался лежать в машине.

— У меня двоюродная сестра тоже игрок, — неожиданно сказала Вероника. — Она под Уфой живет, тоже вот в таком искусственном селе. Я почему-то только сейчас подумала, что ведь с ней тоже может что-нибудь случиться. Если сумеречные сначала нападут на центры игроков, то и она попадет... под удар, так сказать.

— Вполне возможно, — согласился Сом, — а что поделать? Ты же не можешь сейчас оказаться около нее и предупредить. Никто из нас не всесилен.

— Даже Создатели, — тихо добавила Вероника. Она села, сдвинув колени, положив на них руки и опустив подбородок. — Почему вдруг Создатели перестали смотреть на нас? Вот этого я никак не могу понять.

— Мы им надоели. Знаешь, любая игрушка когда-нибудь да надоедает. Может, они вновь вернулись к шахматам, а, может, создали какой-нибудь еще мир и теперь вершат судьбы живущих там существ.

— С них станется.

— Не надо на них злиться, Вероника. Ты должна прекрасно понимать, что в такой ситуации от нас ничего не зависит. Ты сама согласилась стать марионеткой, развлекать их. И

они имеют полное право забыть нас... Они ведь наши хозяева.

Вероника промолчала, лишь тяжело вздохнула. Нелегко ей сейчас осознавать, что прежний мир рухнул. Теперь для нее, да и для всех остальных игроков привычный мир, стоящий за стеной правил, больше не существовал, и они оказались в другом мире — таком же реальном, как и наш.

Теперь их могли убить из-за угла. Теперь никто не обещал им жизнь за информацию — могли забрать и то и другое. Теперь, в конце концов, они превратились в обычные мишени, попасть в которые можно как и когда угодно. Это понимала не только Вероника, это понимали все мы.

— Вроде чисто, — Вася появился за нашими спинами совершенно бесшумно. Я успел заметить его согнутый три погибели силуэт только тогда, когда он присел около Вероники. — Не уверен, конечно, к смотровой будке я не приближался, но никакого движения не заметил. Вполне вероятно, что сумеречные еще не добрались до этих мест.

— Или выжидают, — мрачно добавил Сом. — Машину оставляем здесь?

— Ни в коем случае, — замотал головой Вася. На нем все еще был надет прибор ночного видения. — Просто там нам не добраться. Я даже не уверен, что мы и с машиной то доберемся. Мне кажется, что с утра на Земле начнет^еся конец света.

— Ну, не так сразу, — начал Сом. — Они ведь тоже не дураки, понимают, наверное, чем грозит для них открытая война. Скорее всего, начнут с устройства, скажем так, несчастных случаев. "В результате неосторожного обращения с огнем здание сельсовета в центре села Краевского было охвачено огнем. К тому моменту, как подоспели пожарные, огонь добрался до помещений, в которых хранились взрывчатые вещества"... ну и так далее, в том же духе.

— Согласен с тобой. Скорее всего, так и будет, так что у нас есть еще несколько дней, чтобы предупредить и собрать всех игроков Зари.

— Ты хочешь противостоять сумеречным? — спросила Вероника таким тоном, словно не могла в это поверить.

— А ты предлагаешь просто подождать, пока они не уничтожат всю верхушку и возьмутся за нас?

— Нет, но я не думаю, что открытая война сумеречных и игроков Зари приведет к чему-нибудь хорошему! И еще неизвестно, на чью сторону могут встать люди!

— Но мы их не убиваем!

— Нам придется их убивать, если мы захотим выиграть, — твердо сказала Вероника, — да и предатели были

всегда!

— Жрец, — тихо добавил Сом. Судя по всему, он целиком и полностью стоял на стороне Вероники.

— А что же предлагаете вы?

— Перво-наперво, нужно связаться с главами игроков Зари. Те, которые в Москве, Вашингтоне и Париже, — произнесла Вероника. — Пускай они решают, что и как делать.

— А ты уверена, что они еще живы? — спросил Вася.

— А ты уверен, что те, к кому ты хочешь поехать, тоже еще живы? — парировала Вероника.

— Я-то уверен... потому что сумеречные о них не знают.

— То есть как?

— Все просто. Они — партизаны!

Вероника приподняла голову с коленей. Сом удивленно и тихо присвистнул.

— Партизаны? — словно не веря словам Васи, переспросила Вероника.

Вася кивнул, но видно это было только мне, сидящему к нему ближе всех.

— Я никому еще не рассказывал, и вы будете первыми, — сказал он. — То, что Исправителей нет, я знал уже около девяти месяцев. С того самого момента, как они перестали досажать моим друзьям. Видите ли, хоть я и стал игроком, но в душе я все же

остался тем, кем и хотел быть, — просто человеком. Не нужны мне эти правила. Я просто хочу истребить сумеречных на корню и зажечь бессмертной и богатой жизнью до конца света.

— Сколько? — тихо спросил Сом.

— Три года. Я вышел на партизан совершенно случайно, когда оказался в окружении под Краснодаром. Тогда они вытащили меня из крупной передраги. В их отряде оказались и мои старые знакомые, из тех, которые были со мной, когда я сам играл не по правилам. Они хорошо знали меня и знали, что я никому не расскажу их существовании. Поэтому показали мне свой город, свою штаб-квартиру. Правда, Исправители довольно час"; то досаждали им, выслеживая и уничтожая, но в последние полтора года такие засады на них происходили все реже, а девять месяцев назад прекратились вовсе. Акоп, их предводитель, еще удивлялся, что они постоянно нарушают правила, а никто не приходит. Но до последнего момента я не улавливал связи между всем, что происходило, а затем все прояснилось, и это странное замечание? Акопа позволило мне еще раньше проанализировать и понять ситуацию в Краевском.

Вася замолчал, и мы все, пораженные, некоторое время не произносили ни слова. Потом наконец Вероника спросила:

— И ты предлагаешь нам отправиться к партизанам?

— А что еще делать? — переспросил Вася. — По крайней мере, они единственные, о ком сумеречные могут не знать.

— И они воюют на нашей стороне! — Сом встал. — Сейчас надо доверять здравому смыслу. Только с ними мы можем что-то противопоставить сумеречным и тому, что они хотят сделать.

— Я так и думал, что вы со мной, — Вася улыбнулся.

— Далеко ехать?

— Часа четыре, если никто не помешает.

— Тогда поехали.

Мы вышли к машине и вновь забрались в душный салон. Евгений Валерьевич все еще лежал на заднем сиденье, правда, сменив позу: поджал ноги под себя и подложил под щеки ладони.

— Он спит? — удивился я, садясь около. Вероника согласно кивнула:

— Обморок перешел в глубокий сон. Это хорошо, значит, пока с ним все в порядке. Посмотрим, как он себя будет чувствовать психически, когда проснется.

Мы вновь выехали с обочины на дорогу и медленно поехали в сторону железнодорожного переезда.

Все затаили дыхание.

Вот из-за поворота выплыла смотровая будка. В темноте самой железной дороги я не видел, но хорошо разглядел поднятый шлагбаум.

В наступившей в салоне автомобиля тишине только четко и равномерно сопел носом Евгений Валерьевич. Сом на переднем сиденье приподнял на уровень головы пистолет. Вася по-прежнему не снимал очков ночного видения и смотрел куда-то в сторону, ожидая, что в любую минуту из леса могут выскочить сумеречные. Оборотни, а может, еще кто. А могут и просто выпустить в нас пару снарядов из какого-нибудь нового сверхсекретного оружия, так что от нас не останется и воспоминаний, кроме мокрого пятна на асфальте. Вася-то, скорее всего, успеет раствориться в потоке информации, а вот мы... Да и Вася может не успеть, кто знает?

Уж очень медленно мы движемся. Смотровая будка приближалась, и вскоре я смог разглядеть два ее окна и железную лестницу, тянувшуюся метра на два вверх, к двери.

Окна целые.

И никакого движения вокруг. Машина мягко приподнялась — передние колеса выехали на рельсы, — затем опустилась. Еще чуть-чуть.

И в это время над нашими головами вдруг ярко вспыхнул свет!

Вася от неожиданности круто дернулся в сторону, и машина съехала с рельс, оказавшись прямо в центре железной дороги. Сом, ругнувшись, приоткрыл дверцу и полубоком вывалился наружу. Я замер. Вероника тоже. И ничего не происходило. Скрипнул опустившийся на место шлагбаум. И стало совсем тихо.

— Что это? — шепотом спросила Вероника.

— Свет включили, — ответил Вася. Я шумно выдохнул, осознав, что вновь пронесло Майка под курткой уже прилипла к телу от пота. В салон вновь залез Сом.

— Снаружи никого нет, — сообщил он. — Вероятно, сумеречные просто восстановили систему освещения в селе.

— Для чего?

— Ты так хочешь узнать? — Вася вырулил автомобиль на дорогу.

Мы подпрыгнули в последний раз и на этот раз поехали со все нарастающей скоростью.

Спустя несколько минут лес расступился, и мы выехали на широкую трассу. Вокруг пошли поля, заросшие травой.

— Кажется, выбрались, — еще минут через десять сказал Сом. — Даже не верится.

— На этом еще ничего не закончилось, — ответил Вася. — Предлагаю не расслабляться.

— Аналогично. — Сом потянулся, громко хрустнув костяшками. — Черт возьми, а Тараса все же жалко! Такое пиво делал... Сколько сейчас времени?

— Без десяти три, — ответила Вероника, — уже почти утро.

— Вы отдохните немного, — сказал Вася, не отрываясь от дороги, — в Камск мы приедем никак не раньше обеда.

— Ты же говорил — четыре часа?

— Я не собираюсь гнать, как бешеный. Да и в городах придется пробираться осторожно. Еще неизвестно, что нас ждет впереди.

— Может, они уже захватили весь юг. Сегодня ночью.

— Вот именно. — Вася покрутил радио, и в салон ворвалась какая-то веселая мелодия, перебиваемая голосом диджея. — До центра, судя по всему, еще не добрались.

— Есть еще сигарета? — устало спросил я.

Вася протянул мне сигарету вместе с зажигалкой, и я вновь затянулся. Окно около меня чуть отошло вниз, открыв совсем небольшую щелку. Приятно потянуло ветерком. Вероятно, у него тут внутри все на автоматике. Также неплохо.

Я откинулся на сиденье, утонув макушкой в мягкой спинке, и закрыл глаза.

Мгновенно накатила какая-то усталость. Впрочем, не какая-то, а вполне реальная. Я ведь не в шашки играл последние несколько часов. Мысли уже невозможно было собрать — они беспорядочно летали где-то поблизости, вырывая из тумана обрывки образов, неясные очертания, чьи-то голоса... Я понял наконец, что устал не только физически, но и морально. За три с небольшим дня узнать столько о себе и об окружающем меня мире! Стать пусть и против воли, но все же убийцей! Видеть, как взрывается на твоих глазах здание, в котором сгорели заживо сотни человек... Да, наверное, обычные люди такое бы не пережили. А почему у меня получилось? Не имею ни малейшего представления. К тому же устал сильно, чтобы о чем-нибудь внятно поразмышлять.

— Разбуди часа через два, я поведу, — сказал Сом, но слова эти прозвучали глухо и почти неразборчиво. Словно из глубины пещеры.

Я сделал еще одну затяжку и отключился.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мы подъехали к Камску затемно.

Вася действительно ехал не быстрее восьмидесяти километров в час, и нам удалось проехать, не привлекая ничего внимания, через два крупных города и бесчисленное множество мелких деревушек.

Судя по всему, сумеречные и правда начали крупномасштабные действия. По крайней мере, за истребление населения они взялись.

Проезжая Краснодар, мы не заметили на улицах толпы, хотя было одиннадцать часов утра. Мимо нас проезжали пустые трамваи, окна домов были плотно зашторены, немногочисленные прохожие шли, низко опустив головы и засунув руки в карманы. Без сомнения, это были сумеречные.

— Господи, — шептала Вероника дрожащим голосом, — да когда же это все кончится? И я мог ее понять.

Сколько же их всего? Сумеречных. Да и вообще всех игроков, без разницы каких. Миллионы?

Я не знал. Или просто не мог себе представить всех масштабов.

Сом и Вероника, проспав несколько часов, сидели напряженные, разглядывая из окон местность и не выпуская из рук оружия. Я и сам был взвинчен до предела, хотя сон все же немного прибавил мне сил.

К полудню проснулся и Евгений Валерьевич. Взгляд его блуждал от одного из нас к другому минуты три, а потом он, разлепив окровавленные губы, прохрипел:

— Куда мы едем?

Вероника все ему объяснила, и Евгений Валерьевич заснул вновь, правда, на этот раз сном, гораздо более обнадеживающим, чем прежний.

Деревни, через которые мы проезжали, оставались пусты и неприветливы. Странно, что мы не привлекли ничего внимания.

Около часа дня Вася вновь включил радио, и из новостей мы узнали, что происходит на самом деле. Во всех крупных городах на юге России минувшей ночью были совершены теракты. Были взорваны главные здания управления, крупнейшие компании, фабрики и заводы. Правительство предполагает, что это вновь кавказский след, и взрывы эти не что иное, как открытое заявление о начале новой войны на Северном Кавказе. Во многих крупных городах России объявлен комендантский час и идет тщательная проверка объектов на предмет обнаружения взрывчатых веществ.

— Чушь все это, ничего они не найдут, — проворчал Вася, выключая радио, — если только сами и не подложат, чтобы усыпить бдительность властей.

— С них станется. — Сом поглядывал из окна, поставив "узи" между ног дулом вверх. — И все-таки сумеречные еще не добрались до центра. Значит, у нас есть возможность предупредить остальных и объединиться.

— Мне кажется, сейчас на наших игроков рассчитывать не нужно, — заметил Вася. — Немногие успеют что-нибудь противопоставить сумеречным. Тем более что те довольно успешно прикрывают общественности глаза, все свалив на кавказцев. К тому же никто и не подозревает о том, что Исправителей больше нет.

— Вот это самое страшное. Наших перебьют как наивных телят.

— Поэтому мы и едем к партизанам! — Вася вырулил на центральную дорогу, и мы выехали из еще одной угрюмой и молчаливой деревни.

За несколько часов до Камска вдруг обнаружилось, что в этих местах сумеречные еще не начали уничтожение. В каком-то городе, названия которого я не увидел все было как обычно — множество людей на улицах оживленное движение, пробки на перекрестках.

Сом и Вероника заметно расслабились, а Вася предположил, что сумеречные примутся за эту часть городов и станций в ближайшие дни. Вероятно, они до поры да времени не хотят привлекать внимания военных.

Оставалось надеяться, что и до Камска сумеречные еще не добрались.

Периодически я вновь засыпал, потом просыпался, чувствуя себя отдохнувшим, но не совсем, потому что; усталость и нервный стресс давали о себе знать.

Когда вдали наконец показались первые многоэтажки Камска, окончательно проснулся и Евгений Валерьевич. Он попытался сесть между нами, и получилось у него это с великим трудом. Кровь у него уже не шла, Но выглядел он все равно как оживший мертвец из фильма ужасов.

— Подъезжаем. Теперь будьте все внимательны и осторожны. То место, куда мы направляемся, находится почти в самом центре города, так что ехать еще минут пятнадцать. Давайте сделаем так, чтобы все прошло так же спокойно, как и прежде. — Вася сбавил скорость до; минимума, и мне стало казаться, что мы ползем как черепахи.

Люди на улицах были. Правда, не так много, как в предыдущих "нетронутых" городах, но и не так мало, как в тех, которые уже были захвачены сумеречными. К тому же был уже вечер, и отсутствие людей все же говорило само за себя. Во многих окнах многоэтажек горел свет, ночные ларьки и бары привлекали яркими неоновыми вывесками. И это нас развеселило.

— Выбрались все-таки, черт, а я уж и не думал, что без приключений обойдется. — Сом бодро похлопал заметно взбодрившегося Васю по плечу. Тот в ответ громко просигналил затормозившему было впереди "форду" и резко обогнал его, набрав скорость почти до восьмидесяти километров в час.

— А я так и думала, — уверенно заявила Вероника. — Не может такого быть, чтобы человек переживал одновременно столько нервных потрясений. По всем законам логики и здравого смысла должен быть перерыв.

— Это кто тебя таким законам обучал? — отозвался Сом. — Вон, Евгению Валерьевичу сказки рассказывай. Он-то точно теперь в них не верит.

Евгений Валерьевич, хоть и выглядел изнеможенным, тоже облегченно вздохнул и даже ответил Сому что-то непристойно-шутливое.

Мы свернули с одной ярко освещенной улицы и выехали на другую, вдоль которой тянулись уже зажженные в наступающей темноте фонари.

— Разве какой-то праздник? — удивилась Вероника.

— Может, у них день города или еще что в таком же духе, — предположил Сом, выглядывая из приоткрывшегося окна.

— Это центральная улица, Мира, — пояснил Вася. — Здесь гирлянды горят всегда, а по выходным еще перекрывается движение, чтобы жители могли спокойно гулять.

— В каком-то городе я уже видел подобное, — заметил я.

— Такое сейчас во многих городах делают. Наконец-то стали заботиться и о людях.

— Надолго ли?

Мы вновь замолчали. Действительно — на сколько? Я вспомнил вдруг, что видел гирлянды в Краснодаре, как и пешеходов, гуляющих по улице Красной, когда на ней по выходным перекрывают движение. Это было лет пять назад. А сейчас? Сейчас в красивом городе сумеречные, которым нет дела до дорожного движения.

— Все же надо надеяться, что сумеречные не успеют добраться сюда.

Не хотелось заглядывать в будущее. Я и не пытался. Я понял, что впереди только одно разрушение. Мир уже не будет таким, каким он был до того, как я спустился в подземку, чтобы заработать себе еще на пару недель спокойной жизни и заплатить за квартиру.

— Приехали, — сообщил Вася, притормаживая.

— Куда? — изумился Сом.

Я просто не смог ничего сказать — так был поражен.

Машина остановилась, и все мы, кроме Евгения Валерьевича, наконец вышли на улицу.

Меня немного шатало, но я не обращал внимания. Я во все глаза рассматривал здание, перед которым остановились.

Невероятно!

— И здесь находится штаб партизан?! — в словах Сома было столько издевки и презрительности, что будь они ядом, Вася тотчас упал бы замертво на асфальт.

— Пусть тот, кто считает, что они плохо замаскировались, первым бросит в меня камень! — ответил Вася, улыбаясь.

У меня бы рука не поднялась.

Перед нами возвышалось огромное куполообразное здание, состоящее из четырех этажей.

Купол вместо крыши был покрыт каким-то блестящим покрытием, ловящим уходящие лучи солнца и выбрасывающим их на грязные улицы Камска. Весь первый этаж состоял из сплошного стекла, и сквозь него можно было разглядеть несколько стоек, билетные кассы, игральные автоматы и множество стульев, стоящих около стен.

На одной из широких стеклянных дверей красовалась афиша, ярко-красные буквы на которой гласили:

"Добро пожаловать в Театр Теней. Самое большое в России собрание всевозможных уродцев. Полная коллекция имбецилов Юга России, дети с тремя головами, карлики с чешуйчатой кожей, пожирательница пиявок и специально привезенный из Индии человек с волосами-змеями"

Далее следовало еще более подробное перечисление всех диковинок Театра Уродцев, время и цены за сеанс.

Сейчас Театр был явно закрыт, и только на верхних этажах горел свет, давая понять, что все обитатели театра живут именно там.

— Оригинальные у тебя друзья, — спустя минуту сказала Вероника. — Они не могли придумать ничего лучше?

— Они придумали лучшее, что только могли, — ответил Вася, — по крайней мере, никто и не подумает искать игроков среди уродцев.

— Прикрываются своим же собственным лицом как маской, — задумчиво произнес Сом.

— Я бы сказал и так, — Вася потер ладони. — Это основная резиденция. Здесь они собираются и держат постоянный штат. А так, в основном, разъезжают с представлениями по стране. Наносят удары сумеречным, сами же остаются незаметными.

— Оригинально, — вновь повторила Вероника.

— Согласен, — кивнул Вася и решительно направился к дверям, бросив через плечо:

— Вы пока собирайте вещи и берите Евгения Валерьевича. Я договорюсь.

— Интересно, что он им скажет? — пробормотал Сом возвращаясь к машине.

Он кинул мне сумку, и я на лету поймал ее. Тяжелая все-таки.

Вася тем временем стоял около стеклянной двери и ожидал. Вероятно, он уже каким-то образом дал о себе знать находящимся внутри.

И действительно, не успели мы подойти к нему, как свет внутри первого этажа зажегся, освещая холл, и мы увидели троих людей, неторопливо подходящих к дверям.

Один из них, на голову выше двух других, шел чуть впереди, и первое, что мне бросилось в глаза, — он был рыжим. Причем ярко-рыжим, без каких бы то ни было намеков на оттенки. Лицо его украшали рыжие веснушки, а на подбородке росла едва заметная, но тоже рыжая борода.

— Васек? — воскликнул рыжий, подходя ближе. Лицо его расплылось в ослепительной улыбке, и он поспешил открыть двери, впуская нас внутрь.

— Хоть бы предупредил! Какими судьбами у нас? Машину нужно убрать? Если нужно, то мы мигом... — они обнялись. По-дружески, крепко.

Затем рыжий перевел взгляд на нас и несколько помрачнел:

— Игроки...

— Они со мной, — сказал Вася, — пусть будут твоими гостями.

— Раз уж твои друзья, тогда ладно, — рыжий посмотрел на меня и неожиданно улыбнулся вновь. — Уж не тот ли это пацан, который завалил сумеречных в парке в Новоозерске одной электрической дубинкой?

— Сумеречных? — переспросил Сом.

— А вы разве не знаете? — изумился рыжий. — Сумеречные уничтожили почти всех Исправителей и вот уже второй день захватывают все южные города России, да и не только, скажу я вам. Сволочи действуют слаженно, и никто почти еще не оказал им серьезного сопротивления.

В Москве пока еще вообще ни о чем не знают. Представляете?

Мы пораженно переглянулись. Оказывается, партизаны уже все знают.

— Мы сами из Краевского, — ответил Вася, которого слова рыжего ни капли, казалось, не удивили.

— Пойдите... ммм... Краевское... село, что ли? Ваш штаб на Кавказе?

— Был штабом, — поправил Вася, — теперь уже нет. — Его разрушили сегодняшней ночью.

— И вам удалось оттуда выбраться? Уважаю! — Рыжий спохватился, словно забыл что-то важное, и торопливо добавил: — Да что вы тут стоите, как неживые! Проходите. Постели и еда у нас всегда найдутся. Меня, кстати, зовут Акопом, и я заправляю всей этой шайкой. бессмертных.

Он пожал нам всем поочередно руки, задержавшись на секунду перед Вероникой.

— А вы симпатичная! — сказал он ей и улыбнулся вновь. — Ну ладно, пойдемте. Думаю, вам нужно сначала отдохнуть, а потом займемся объяснениями. По моим подсчетам, вы ехали часа четыре?

— Почти весь день, — поправил Вася, — но об этом позже. Сначала накорми нас, одень и дай отдохнуть. Мы, в принципе, за этим и приехали!

— С удовольствием! Узнаю старика Василия, все такой же юморист, как и обычно. Как там твои компьютерные гены в пузе поживают?

— Лучше некуда. Недавно дал им кое-какую работку, размял старческие кости! — Они обнялись, как старые и верные друзья, и первыми последовали внутрь Театра Уродцев.

Один из пришедших с Акопом подхватил из моих рук сумку, а Евгений Валерьевич переключал с плеча Сомы на плечо второму. Евгений Валерьевич бормотал какие-то слова извинений за причиненные неудобства, но человек его не слушал.

Втроем мы пошли следом за остальными. Двери за нами закрылись, свет в холле погас, и мы стали подниматься на второй этаж.

Куда же еще занесет меня на этот раз? Я уже устал удивляться всему, что видел перед собой за последние несколько дней. Просто ждал, когда ступеньки закончатся.

А когда они закончились — даже немного разочаровался.

Перед нами уходил вглубь небольшой коридор, по бокам которого находились обитые кожей двери. На потолке тускло горели одинокие лампочки без плафонов. Да и то не все, а через одну. Как во многих гостиницах или общагах. Коридор заканчивался широким окном на улицу, сквозь которое пробивался тусклый свет фонаря.

— Вот здесь будут ваши комнаты! — Акоп толкнул первую дверь, и она со скрипом отворилась.

Внутри горел свет.

— Комнаты одноместные, поэтому расселяйтесь как хотите. На этом этаже заняты только три последние, так что в них не заходить. Остальные — на ваш вкус.

— Мы пока сходим поговорим, — словно в оправдание, отозвался Вася, — а вы отдохните, приведите себя в порядок...

— За вами придут, если что, — добавил Акоп, — но не раньше, чем вы хорошенько выспитесь. По вашим лицам вижу, что вы устали, как лошади. Сам иногда несколько дней не сплю. Потом глаза режет!

Один из шедших вслед за нами людей передал Васе сумку, а сам помог второму подхватить Евгения Валерьевича. Вместе они стали подниматься на верхние этажи.

Акоп подмигнул нам на прощание, и они с Васей последовали вслед за остальными. Мы остались втроем в коридоре.

— Ну что ж. Раз сказали отдыхать, значит, и будем отдыхать, — сказала Вероника, всплеснув руками. — Интересно, а ванны у них есть?

— Наверное, раз они здесь живут! — отозвался Сом. — Чур, моя вон та будет! — И он быстрыми шагами подошел к двери и толкнул ее. Дверь отворилась, и Сом заглянул внутрь.

— Шикарно, ничего не скажешь!

— А я, пожалуй, в эту комнату! — Вероника тоже пошла куда-то вглубь коридора.

Я не стал смотреть, какую дверь она выберет, и зашел в ту комнату, которую открыл Акоп. Да, действительно шикарно!

Комната состояла из двух отделений — ванной с туалетом и, собственно, самой комнаты, в которой расположился диван, стол, тумбочка со стоящим на ней телевизором. На полу лежал мягкий ковер, и я разулся, прежде чем ступить на него. Окно было завешено плотной занавеской. Напротив дивана висела полка с книгами. Я пробежался по ним глазами. В основном какая-то научная! белиберда, но попадались и фантастика, и детективы, и даже парочка эротических романов, какие сейчас выпускают в огромном количестве. Тоже неплохо. Будет, что почитать на ночь.

В углу стоял небольшой холодильник и, заглянув в него, я обнаружил несколько запакованных банок пивала лапшу быстрого приготовления и яблоки.

Захватив одно, я пошел в ванну.

И ужаснулся.

Я наконец увидел себя в зеркале.

Давненько не разглядывал себя. А еще после всего, что случилось... На кого я стал похож? Под глазами синяки, волосы грязные и засаленные, торчат во все стороны, как у панка-наркомана. На подбородке и скулах черная щетина, на шее — глубокая царапина. И когда я успел расцарапаться? Не помню.

Одежда выглядела не лучше. Я разделся, оставшись в одних трусах, скомкал футболку и штаны и швырнул их в стоящую около стены стиральную машину. Куртку бросил рядом.

На полочке стояло два флакона с шампунем. Я залез в ванну, открыв душ. Стоял минут пятнадцать под струями теплой воды, наслаждаясь давно позабытым чувством. Господи, каким же я стал грязным за два дня! Стекающая под ноги и уходящая в сливное отверстие вода некоторое время была сплошной грязью, и только после того, как она немного посветлела, я стал тщательно натираться мочалкой и мыться.

Под конец я залил горячую воду в стиралку и замочил все вещи.

Обернувшись полотенцем, я взял с полки какую-то книгу и рухнул на диван.

Какое наслаждение! Только в критических условиях понимаешь, сколько всего теряет человек без вот таких мелких радостей и удобств. Я же совсем забыл, что такое настоящая кровать и мягкая, взбитая подушка. А ведь это так круто!

Читать тут же расхотелось. Сон в машине не в счет — там даже не сон был, а так, тревожная полудрема. Теперь же можно было забыть на время обо всем, что творилось за стенами этого Театра, хотя бы на несколько часов и просто уснуть.

Без сновидений.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Неплохая маскировка.

Только поднявшись на третий этаж, вслед за пришедшим за мной молодым пареньком, я понял, почему до сих пор партизан не смогли обнаружить.

Со стороны все это было действительно самым настоящим Театром Уродцев. Третий этаж представлял собой круглую площадку, на которой стояли клетки, огромные аквариумы, наполненные жидкостями, непонятные конструкции из металла и дерева. Все это освещалось медным светом, что придавало сцене мрачный вид. Вокруг площадки были расставлены стулья и кресла, отгороженные небольшим заборчиком. С этажа вело два выхода один на лестницу, по которой мы поднялись туда, и второй куда-то наверх, откуда выходили люди.

На площадке уже толпилось человек двадцать, среди которых я заметил и Васю. Народ все прибывал. Вокруг царило оживление. Кто-то куда-то бегал, что-то носи переговаривались.

Двое в углу вынимали из коробок мониторы и системники.

— Что у вас тут? — обратился я к пареньку, когда шли к центру площадки.

— Обычно это сцена, где происходят представления, нехотя ответил паренек, — тут еще и собираются на экстренные совещания.

— Сейчас одно из них, верно? Паренек не ответил.

Ну и не надо.

Я проспал, наверное, целую вечность, прежде чем мной пришли. Так не хотелось вставать, но паренек с зал, что надо срочно идти.

Ни Сом, ни Вероники я не заметил.

— Тебе туда, — паренек ткнул пальцем в сторону Васи и Акопа, которые стояли перед составленными bтi столами и о чем-то оживленно переговаривались.

— Спасибо.

Паренек исчез в толпе, а я подошел к разговаривающим. Вася увидел меня первым и тут же приветливо пожал руку. Акоп пожал следом, улыбнувшись:

— Мне уже о тебе все рассказали, — сообщил он. — Ты, оказывается, крутой тип!

— Ну, не совсем...

— Не надо отнекиваться. Ты довольно много сделал для игроков, хоть и вел себя, как настоящий партизан! — Акоп похлопал меня по плечу. — Ты прирожденный боец с сумеречными! Причем не по правилам! То есть наш!

— Никогда бы не подумал!

— А ты подумай! Когда все это закончится, мы с радостью возьмем такого бойца в свои ряды. А если еще удастся инициировать твой дар, тогда... у-ух!

— Акоп, оставь свое восхищение на потом, — перебил его Вася, — делами надо заниматься.

— Верно. Смотри, ты нам тоже можешь кое-чем помочь, — Акоп указал на карту, расстеленную на столе.

Я нагнулся ближе, отмечая про себя, что это довольно неплохая карта. Детально прорисованный ландшафт, трехмерные схемы городов, четкие дороги. Правда, учитывая технологии, которыми обладают игроки, можно было бы и не удивляться.

— Это схема южной России, — пояснил Акоп, — вот смотри. Те города, что отмечены зеленым цветом, уже захвачены сумеречными полностью или частично. Красные города — вероятные кандидаты на захват в ближайшие дни. Синие — те, которые, вероятно, пока захватывать не будут. Это, в большинстве своем, маленькие города и села, в которых нет ни игроков, ни большого количества людей.

— Новоозерск? — Я искал глазами родной город. Вася ткнул в красную точку и сказал:

— Нет, его еще не захватили, но, скорее всего, или сегодня ночью, или завтра это случится.

В проходе показались Вероника и Сом. Они торопливо шли к нам.

— Всем привет, — бодро поздоровался Сом. Вероника вновь выглядела на все сто. Красивая и отдохнувшая. Аккуратно зачесала назад волосы и собрала их в пучок. Мы улыбнулись друг другу. Наконец-то она оказала мне хоть какое-то внимание, кроме постоянного предупреждения о том, что я могу умереть!

— Мы знали то, что сумеречные уничтожили Исправителей, уже несколько месяцев. Только не понимали, что они хотят предпринять, — начал Акоп. — Кстати, мы пытались выйти на контакт с игроками Зари, чтобы предупредить, но ваше твердолобое начальство не принимало нас в расчет. Они даже не слушали наших послов. Я, между прочим, тоже игрок, хоть и играл не по правилам. У меня есть дар и огромное количество денег, который не потратишь и за столетия. Но я же не стал таким чопорным. Вот и вас принял под покров нашего Театра. ^

— За это мы благодарны.

— Благодарите Васю. Без него у меня бы возникли большие сомнения насчет того, что с вами делать... разве что посмотрел бы на вас, Вероника, вблизи, и тогда, может быть... — вновь улыбнулся такой же ослепительной улыбкой. Он явно клеил ее. Причем на наших глазах!

Акоп перехватил мой взгляд и коротко подмигнул:

— Хорошо, вернемся к объяснениям. Васе я уже рассказал все, что необходимо, теперь расскажу вам. Сумеречные начали свои действия на всей территории Земли. В Соединенных Штатах захвачено уже два штата, в Японии, Монголии и Китае людям тоже долго не продержаться. Сумеречные уже перекрыли все системы коммуникаций и теперь вещают на весь мир свои новости и свои программы, словно ничего не происходит. На самом деле половина Японии сейчас в огне. Все иностранные послы высланы, хоть и вряд ли долетели до своих государств. Границы перекрыты. Австралия захвачена со вчерашнего дня. Ее захватили первой. Африку пока не трогают, разве что наиболее развитые страны...

По мере того как Акоп говорил, лица Вероники и Сомы менялись. Они явно были очень удивлены масштабами начинающейся войны. Вернее, уже начавшейся, в этом сомневаться не приходилось. Мое лицо, наверное, тоже выглядело не лучше. Я был ошарашен, пожалуй, даже больше, чем все они. Игроки-то хоть воевали уже несколько столетий, пережили множество крупных войн, революции, смену общественного строя и режимов, а я что? Я же был простым смертным, и такое понятие, как война людей против непонятных существ, наделенных сверхъестественным даром, просто так в моей голове не укладывалось.

— Мы ведем наблюдение во всех районах Земли и собрали уже довольно много данных. Во-первых, сумеречные действуют пока только по ночам по одной и той же схеме, примерно, как и в случае с Краевским. Они выманивают игроков Зари под прикрытием чего-то важного и с помощью подкупленных или переманенных игроков, одним ударом уничтожают всю верхушку, а потом добивают оставшихся, вместе с людьми. Затем перекрывают системы коммуникаций, захватывают правительственные здания, а уж потом распоряжаются городом по своему усмотрению. Как ни печально это сознавать, но до людей пока не дошло, что происходит, и, думаю, поймут они это, когда будет уже слишком поздно.

— Акоп предлагает два варианта дальнейших действий, — продолжил Вася. — Первый и, как мне кажется, самый главный, это инициировать дар Виталика. Что-то в нем такое, что сильно напугало Кольку и его сумеречных. Вероятно, дар может сыграть важную роль в нашей борьбе.

— Войне, — тихо поправил Сом.

— Да. Если нам удастся выяснить, что скрывает в себе Виталик, то, возможно, мы сможем использовать его дар.

— Ну, а второй вариант опирается на быстро предпринимаемые нами решения, — продолжил вновь Акоп. — Я предлагаю не медля ни секунды начать прозванивать все еще не захваченные города и предупреждать игроков Зари, чтобы они готовились к нападению. Но здесь есть одна загвоздка — мы не знаем наверняка, кто из игроков Зари мог переметнуться на сторону сумеречных. Если информация о том, что мы знаем их планы, попадет к врагу, то вы понимаете, что с нами сделают. Камск тоже находится под угрозой. Единственные, кто помешал сумеречным укрепиться здесь, — это мы. Они знают, что здесь есть партизаны, но никак не могут нас вычислить. И поэтому боятся нападать и на игроков Зари. В принципе, правильно делают, потому что тогда нам придется вступить в схватку, а нас здесь много.

— А вы уверены, что и у вас нет предателей? — поинтересовалась Вероника.

— Если подозревать каждого, то разовьется паранойя, — ответил Акоп. — Но мы все же проверили всех, кто находится в этом здании. Здесь всего сто шестьдесят четыре человека. Все прошли жесточайшие проверки. Я абсолютно уверен в каждом из них.

— Они тоже были абсолютно уверены, — вставил я, — что не помешало жрецу организовать захват всего села.

— Я бы сказал тебе, что он действовал совсем не один. Даже, не от него зависело, что

происходит в селе. Он был лишь посредником в общении с сумеречными. Но какой от этого будет толк, если я начну вам все разъяснять, — ответил Акоп. — Лучше прислушаться к тому, что я говорю, и принять верные решения.

— Предупреждать игроков в других городах сейчас слишком рискованно: мы точно не уверены в лояльности всех их. Предатели могут оказаться и в самых верхах управления городов, — сказал Вася, — и, тем более, у нас может не хватить времени на все это.

— Кто-нибудь может предложить свои планы? — спросил Акоп, оглядывая нас.

Я пожал плечами. На ум не приходило ничего, кроме какой-то одной мыслишки, что можно было взорвать всех их к чертовой матери — всех игроков сразу — так, чтобы люди остались живы. Только люди и все. Больше никого и не надо.

— Что можно придумать в такой спешке? — произнес Сом. — Я только проснулся, у меня еще в голове не может уложиться, что вы тут наговорили, а вы предлагаете обдумывать какие-то планы.

— Я извиняюсь, что помешал вашему отдыху, — ответил Акоп. — Этого бы не произошло, если бы сумеречные не начали повторные захваты городов. Вчера они напали глубокой ночью, а сегодня уже с шести часов вечера.

— Так уже вечер? — изумился Сом.

— Сейчас десятый час, если быть более точным. Вы приехали около четырех. В шесть пятнадцать в Ростове-на-Дону прогремело сразу четыре взрыва, которые уничтожили кинотеатр и почтамт. Одно то, что сумеречные знали, какие именно объекты принадлежат игрокам Зари, говорит о том, что у них и в Ростове есть осведомитель. Поэтому я вас и разбудил. Одна голова, как говорится, хорошо, а две лучше.

За моей спиной раздался треск, а потом послышалось равномерное гудение. Я обернулся и увидел, что несколько людей подключили два компьютера к одному большому монитору и теперь устанавливали около него металлическое сиденье, похожее на кресло и электрический стул одновременно. Зрелище довольно мрачное, и оно живо напомнило мне какие-то кадры из фильмов об инквизиции. Вероника, вроде, говорила, что Исправители были инквизиторами.

— Что они делают?

— Готовятся определить твой дар. Инициирование дара — очень сложная штука. Его нужно не только открыть, но и выделить все специфические особенности и, главное, направить на службу человеку, который этим даром обладает.

— Дар не управляем? — изумился я.

— Скажем так: он независим от тела. До определенного времени. Пока обладатель не научится им управлять. Дар как дикая лошадь. Он не хочет принимать наездника, пока наездник не покажет, что он хозяин. — Акоп подмигнул Веронике. — Если бы ты знал, Виталька, сколько я намучился, прежде чем научился толково летать.

— Что делать?!

Акоп посмотрел на меня и громко расхохотался. Наверное, я слишком изумленно и глупо выглядел, хотя уже давно мог бы привыкнуть ко всему неожиданному, что творится вокруг.

— Я умею летать! — повторил Акоп сквозь смех. — Честно признаюсь, ты первый, кто за последние пятьдесят с лишком лет так изумился, узнав о моем даре!

— Просто не ожидал как-то...

— Сдается мне, что скоро всем нам придется разинуть рот от твоего дара, — Акоп посерьезнел, потерев подбородок, — если все получится, конечно.

— А я вот что надумал, — неожиданно сказал Сом. — Есть еще один вариант действий. Ведь партизаны есть в каждом городе?

— Во всех крупных городах. В маленьких почти нет, а в деревни мы и не суемся. Разве что отдохнуть. А что?

— Вы же больше всех осведомлены о дальнейших действиях сумеречных. Вы знаете, какие именно города будут захватываться в первую очередь. Так почему бы в открытую не

показать этого сумеречным?

— Я не совсем понял тебя, — сказал Акоп, — Ты что имеешь в виду?

— Ты говоришь, сумеречные не суются в Камск только потому, что знают о вас. А если дать понять, что партизаны есть в каждом городе? Тогда сумеречные не посмеют сунуться! Если вы еще не поняли, то мне все ясно — они боятся воевать в открытую. Пока у них не слишком крепкие позиции, чтобы начать крупномасштабную войну. Они⁴пытаются действовать, как паразиты...

— Не забывай, что связано это не с тем, что сумеречные слишком слабы. Они просто не хотят привлекать внимания, чтобы для людей и игроков Зари потом было слишком поздно, — резко перебил Вася. — Лешка, ты упускаешь из виду, что по силе мы все же немного уступаем сумеречным.

— Но у нас есть партизаны!

— У них тоже есть свои партизаны, которые уничтожают игроков Зари, несмотря на правила, — вставил Акоп, — Правда, они не так хорошо организованы, как мы. У сумеречных-партизан всего одна крупная база в Кабардино-Балкарии. К тому же ты предлагаешь начать, по сути, открытую войну. Стычки игроков могут перерасти в боевые действия, а правительство крупных стран, не разобравшись, может наломать кучу дров.

— Ядерная война, как я думаю, не исключение, — сказала Вероника.

— Тогда я не знаю, что еще предложить, — развел руками Сом. — Это была единственная идея, которая пришла мне в голову! И вообще, я не стратег. Я — воин.

Вот оно как. Я не стал изображать удивление — на этот раз сдержался, но решил после хорошенько расспросить Сому, что он хотел этим сказать.

— Ладно, не расстраивайся, — Акоп похлопал Сому по плечу, улыбаясь. Смотрел в это время он, правда, на Веронику. — Ни одного предложения мы исключать не будем. Существует же такая штука, как симбиоз? Может, придумаем что-нибудь среднее. Верно?

— Как, например, ваш Театр Уродцев-Партизан? — улыбнулся Сом. — У вас тут правда есть уродцы?

— В основном наделенные даром перевоплощения игроки. Оборотни. Мы просто немного корректируем их внешность, гримируем, ну и... заработанных с одного сеанса денег нам хватает, чтобы жить несколько недель.

— Подождите, я что-то не въехал. А зачем вам зарабатывать деньги? У вас же должны быть свои? И немало.

Акоп повернулся в мою сторону:

— Деньги-то у нас есть, братишка, но никто не обещал, что с нарушением правил они останутся у нас бесконечно! Если ты не знал...

— Я не знал, что у игроков они никогда не кончаются.

— Бывает и такое.

Кто-то за моей спиной громко крикнул: "Готово!" Акоп потер ладони, улыбаясь еще шире.

— Предвкушаю интересное зрелище! — произнес он сквозь тихий смехок. — Давненько не веселился так! Простите меня, но а ля герр ком все же а ля герр, тут уж ничего не поделаешь! Мне очень нравится наблюдать за инициированием, очень. Может, это было моим призванием в обычной жизни — быть психотерапевтом?

— А это связано с психотерапией? — удивился я.

— Ну, скажем, немного покопаться в твоём мозгу нам придется. Не совсем обычными способами, но зато довольно надежными. Ты ничего не почувствуешь. Обещаю. А все, что увидишь, забудешь, как только все закончится.

— Где увижу?

— В бессознании, — таинственно ответил Акоп. — Следуйте все за мной.

Он обогнул карту и направился к металлическому креслу, от которого тянулись разноцветные проводки к компьютерам и еще каким-то электронным устройствам, которых я не знал. Вроде, ничего опасного. Но как-то не слишком приятно на душе. Словно я пришел

на прием к зубному врачу и совершенно точно знаю, что боли никакой не будет, но все же нервно дергаюсь, как только жало бормашины коснется нечувствительно зуба. Кресло, кстати, напоминало стоматологическое.

— Неплохая штукавина?! — воскликнул Акоп, подмигнув Веронике. Она по-прежнему оставляла все его попытки без внимания. — Мы разрабатывали ее почти шесть лет. С тех самых пор, как умер наш предводитель. Вернее, когда его забрали Исправители, чтобы провести воспитательную работу. Думаю, вам будет нетрудно догадаться, что они с ним сделали.

— Разве инициирование будем проводить прямо сейчас? — спросил Вася, приближаясь к компьютерам. Он все-таки в некотором роде компьютерный гений, что меня немного успокаивало. Если меня будут приковывать к проводам, то я хоть буду знать, что нахожусь в надежных руках. Почему-то вдруг вспомнилось мое путешествие в виртуальном мире у Васи дома. Может, сейчас произойдет то же самое? А после того как я узнаю свой дар, я стану бессмертным да еще к тому же и суперменом и буду крушить врагов направо и налево? Но, наверное, до такого не дойдет.

— Я не думаю, что у нас есть причины откладывать, — ответил на Васин вопрос Акоп. — Все подготовлено специально для этой операции. Я рассчитывал провести инициирование ночью, чтобы утром мы смогли определить конкретно Виталькин дар и у нас было время до следующей ночи, чтобы развить и понять его.

Еще и понимать надо? Что же это за дар у меня такой? Не просто превращение в собаку или способность становиться сгустком информации... Кстати, я так и не расспросил обо всем у Васи подробнее... Теперь придется только после инициирования.

— Все просто, — живо продолжил Акоп. — С помощью неких приспособлений мы залезаем в мозг Виталика, а точнее, в зону мозга, отвечающую за подсознательное мышление, и там выясняем корни заложенного в него дара. Кто в него дар заложил, нам, скорее всего, узнать не удастся, но, примерно, когда — это можно. С помощью компьютерных программ мы перекачиваем всю информацию в память, потом расшифровываем ее, узнавая тем самым, что конкретно представляют собой заложенные в Витальку способности, а потом остается только развить их в нем. Все это займет, думаю, не более суток. Вопросы, предложения, возражения есть?

— Надеюсь, у меня ничего не сотрут лишнего?

— Даже не перекачают, — заверил Акоп. — Не забывай, братишка, что здесь работают профессионалы. Тем более, что к нам присоединится еще и Василий.

— Тогда я совершенно спокоен и готов отдаться в вашу власть хоть сейчас!

Акоп захохотал:

— Ты мне нравишься все больше и больше, Виталька. Я крепну в мысли, что надо тебя срочно переманивать на сторону партизан!

— Я подумаю, — ответил я тоже со смехом.

— Приступим? — оживился Акоп.

— Приступим, — ответил я.

— Что ж, если никто не против... — Вася пододвинул услужливо поднесенный ему стул и сел около компьютеров. Акоп и еще несколько людей сели рядом. Они что-то тихо объясняли Васе, изредка тыкая пальцем в бегающие по экранам цифры.

— Виталик, ты морально готов? — крикнул из-за компьютеров Акоп. — Если да, то садись в кресло!

— Готов? — спросила Вероника и неожиданно провела ладонью по моей щеке.

Меня словно ошпарило! Только не больно, а приятно. Совсем не так, как тогда, на первом этаже универсама, когда из моих рук вылезали осколки. Сейчас ее ладонь вдруг оставила след на моей щеке, теплый след, согревающий не только кожу... Я непроизвольно дернулся назад, часто-часто моргая, а Вероника уже опустила руку, едва заметно улыбнувшись:

— Дикий ты какой-то...

— Неприрученный, — тихо ответил я, поворачиваясь к креслу. Черт возьми, в эту девушку нельзя было не влюбиться! Я почувствовал, как вновь утонул в ее глазах, и сил выплыть у меня уже не было!

— Ты уверен, что готов? — подозрительно спросил Вася, оглядывая меня с ног до головы. — У тебя видок такой, словно ты только что вышел от стоматолога!

Точно в десятку! От классного стоматолога!

— Все нормально. Я готов и морально, и физически!

— Ну, раз так... — Вася проследил за тем, как я сажусь в кресло, и отвернулся к компьютерам.

Вокруг меня непонятным образом столпилось сразу огромное количество людей. Некоторые услужливо протирали мое лицо ватными тампонами и смазывали лоб и щеки какими-то жидкостями, по запаху спиртосодержащими. Молодая девушка потребовала, чтобы я закрыл глаза, и стала натирать мне веки. Кожу мгновенно зажгло, но не сильно, возрождая старые воспоминания о детстве и о том, как мать намазывала меня "Звездочкой", если я умудрялся простудиться. Ноги мои пристегнули к небольшим выступам в полу, руки — тоже, но не настолько плотно, чтобы нельзя было вырваться. Скорее всего, чисто для профилактики, а может, так требуют правила безопасности.

— Виталик, помнишь, как ты был в виртуальной реальности и смотрел фильм? — спросил Вася.

Я кивнул, не открывая глаз.

— Сейчас я попрошу тебя сделать все точно то же самое, что и тогда. То есть — расслабься, выкинь из головы все ненужные мысли, постарайся не думать ни о чем, но и не волнуйся. Через пару минут ты отключишься и очнешься только тогда, когда все закончится, так что бояться особо нечего.

— Постараюсь, — пробормотал я одними губами и рас- ' слабился.

Здорово получилось. Моим мышцам, наверное, не хватило нескольких часов здорового сна, и они с готовностью приняли отдых. Сразу от всех мыслей, крутящихся в голове, я избавиться все равно не мог и поэтому решил думать о чем-то спокойном и приятном, что не вызывало бы никаких чувств, кроме мягкой полудрем^И

О небольшом загородном домике.

Вот заработаю денег, когда все это кончится, куплю себе участок соток эдак на десять.

Построю дом по собственному проекту, чтоб с канализацией и светом. Скважину поставлю, бассейн. Что еще? Конечно, свой собственный огород. Огурцы, помидоры, баклажаны — и все такое свежее, живое, хрустящее... Черешня, как же без нее? Помню, первый раз я попробовал черешню лет в пять, и никто меня тогда не смог убедить, что это не сладкая вишенка.

Я попробовал представить спелую черешню. Такую сочную, с небольшой капелькой росы на тугом, чуть коричневатом боку. И эта капелька медленно так стекает и падает на ладонь, разлетаясь брызгами.

На чью ладонь? Вероника стоит под деревом и улыбается. Мне. Скромно улыбается, чуть потупив взгляд, но все равно смотрит на меня. И я знаю, что она теперь — моя единственная любовь, и что мы не расстанемся никогда...

А потом...

Что?

Потом черешня вдруг преобразилась. Ствол вытянулся и стал толще. Кора побурела, погрубела, пошла под нами и в некоторых местах потрескалась! Ветки вытянулись, исчезая где-то за облаками, и листья тоже вытягивались и менялись! Все это произошло в одно короткое мгновение и в абсолютной тишине...

Вероника исчезла, и только когда вместо черешни я вдруг увидел какие-то другие, совсем не земные плоды, я понял, что уже отключился...

Зеленый покров не скрывал небольшую, ветхую лачужку, притаившуюся между стволами дубов. Правда, на нее вряд ли кто-нибудь обратил бы внимание: уж больно

маленькой и незаметной была она.

Один ее бок лениво покосился, опираясь о ствол могучего дерева, стоящего здесь уже несколько веков. Крыша съехала набок, обнажая выломанные и прогнившие от сырости деревянные балки. Одно из трех окон представляло собой простое черное отверстие с рваными краями и торчащими саманными кирпичами вперемешку с соломой. Еще у одного окна отсутствовала одна ставня, а вторая тихо скрипела на ветру, раскачиваясь из стороны в сторону.

Только третье окно было плотно закрыто. Возможно, когда-то лачужка и походила на обычный дом, но сейчас вряд ли кто рискнул бы предположить, что в ней еще живут люди.

Лачужка эта находилась несколько в стороне от деревни, и дорога к ней за несколько лет уже порядком заросла кустарником и деревьями. Только одна-две тропинки тянулись сквозь лес, незаметные для обычного человека и напоминающие, что в лачужке еще есть жизнь.

И ведь там жили. Трое.

Один — глубокий старик, лет семидесяти, с густой шевелюрой выцветших до сияющей белизны волос. Один его глаз едва открывался, скрытый под складками вспухшей и потрескавшейся кожи, второй был мутным и недвижимым, смотрел, не мигая, в одну точку, но ничего, кроме темноты, не видел. Нижних зубов у старика не было, только несколько верхних, содержащихся, правда, в идеальном порядке и кристально чистых, без единого намека на какие-нибудь болезни. Пальцы на его тонких, ветхих руках всегда оставались скрюченными, отчего не было заметно, что на левой руке у него отсутствует мизинец, а на правой — фаланга указательного. Наверное, он потерял пальцы в шедшей уже многие годы войне, а может, в схватке с одним из бесчисленных диких зверей, бродивших повсюду. Правда, сейчас их уже было не так много. Да и опасались они приближаться к лачужке, вспоминая судьбы своих сородичей, чьи шкуры пошли на одежду и на украшения. Хотя потерять пальцы старик мог просто по пьяни, засунув их в дверной проем. Косточки-то тонкие. Что им сломаться? Но никто не знал точного ответа. Даже его жена-старуха, что жила вместе с ним бок о бок уже более полувека.

Когда-то она была действительно красивой. Теперь от прежней красоты не осталось ничего, кроме тусклых воспоминаний, изредка нагоняющих на ее изрезанное морщинами лицо едва заметную улыбку. Волосы у нее еще не выцвели до конца, но белых прядей было уже гораздо больше, чем черных, да и сами волосы стали тонкими и хрупкими, такими, что она, после того как мыла голову, выуживала из корыта целые слезшие пучки. Еще у нее постоянно тряслись руки, и старушка никак не могла готовить пищу, боясь, что неподвластный ее воле нож в кулаке поранит ее саму. Так уже случалось, и не раз.

Еду старикам готовил внук.

Хотя, может, и правнук, они уже и сами не знали точно.

Лет ему было, наверное, восемнадцать — двадцать и рос он крепким и здоровым. Скоро станет настоящим охотником, как с гордостью замечал иногда старик! Ростом он вышел весь в своего покойного отца, которого почти не помнил, а у деда никогда не спрашивал. Знал потому что, что и сам дед не помнит, кто такой его отец.

Жизнь в лесу затуманила его стремление к познанию, я жил паренек в своем узком мирке, четко выполняя лишь несколько из множества отведенных ему функций: добывал пищу, кормил стариков и старался иногда добыть денег. В деревню неподалеку он наведывался два-три раза в неделю, да и то исключительно для того, чтобы обменять свои лесные находки на что-нибудь более для него ценное. Лесные орехи, к примеру, всегда хорошо шли за муку или соль, а небольшое ведерко сыроежек можно было обменять на индюка или курицу. Особенно он любил приносить на базар змей. Диковинные существа вызывали у простых людей интерес, и они всегда толпились вокруг паренька, предлагая ему что угодно взамен. Однажды он даже приобрел непонятный музыкальный инструмент, который дед назвал "гуслиями" и частенько брэнчал на нем какие-то незамысловатые мелодии.

Сам паренек научиться играть так и не смог, и в последнее время гусли висели на стене как украшение и воспоминание о прежней жизни...

В тот вечер, когда на небе не было ни единого облачка и можно было разглядеть каждую звездочку, а луна светила полными боками, в лачужке было тихо и спокойно.

Старушка, как и всегда по вечерам, лежала на печке, повернувшись лицом к комнатке, и молча наблюдала, как паренек плетет лапоть на скамейке. Старик сидел около огня, на котором стоял котелок с ухой, и медленными движениями помешивал содержимое, чтобы не подгорело.

По всей лачужке уже распространился приятный и чуть солоноватый запах вареной рыбы.

Горело всего две свечки, поставленные так, чтобы ветер, пробивающийся в два забытых окна, не задул и без того слабые огоньки. В полумраке лицо деда казалось чуть помолодевшим, ибо не было видно многочисленных морщин и шрама, пересекающего всю левую щеку и переносицу. Паренек сидел сосредоточенный, пытаясь совладать с непослушными прядями соломы. Искусству плести лапти он научился всего пару месяцев назад, благодаря одному кузнецу из деревушки, который взял паренька на заработки к себе в кузницу, и это был его второй лапоть в жизни, который можно было более-менее надевать на ногу.

Ветер за окнами усилился, и слышно стало, как колыхнутся ветки деревьев и кустарники, словно кто-то пробирается к лачужке, нисколько не скрывая своего присутствия. Но паренек знал, что ближе к ночи никто из деревни не отваживался сунуться в лес. Древние, как сам мир, легенды еще были слишком сильны в этом обществе. И хотя сам паренек ни разу за свою жизнь не встретил ни единого лешего, ни духов убиенных людей, потерявшихся в глуши, он и сам иногда побаивался бродить по не приметным тропинкам леса даже при полной луне.

— Дождь будет, — проскрипел старик, перекладывая деревянную ручку половника из одной руки в другую, — чувствую, будет. Кости ломить начинает в пальцах!

— Дед, может, я помешаю. А ты пока полежи малость, — отозвался тут же паренек, отложив недоделанный лапоть в сторону, — а то ведь трудно тебе перед дождем-то!

— Эх, да разве ж это трудно? Трудно — это когда встать совсем не можешь и сердце щемит так, что чувствуешь на себе уже дыхание ее, смерти то есть. А сейчас-то что. Хоть танцуй, если бы не спина проклятая! — Дед закашлялся, выплевывая на пол мутную слизь, и вытер подбородок рукавом рубахи. — Ты лучше дальше вяжи. Глядишь, продавать будешь, а то, небось, змеи твои уже поднадоели в деревне.

— Да что ты, дед. Змейки-то мои как раз самые знаменитые на базаре, — паренек вновь взял лапоть в обе руки и стал плести дальше, — да и лаптей там много продают, ремесло это несложное, и уже многие в деревне ему обучились.

— Может, и не сложное, но что-то ты с одним лаптем уже третий день возишься, — заметила старуха с печи, щурясь от света стоявшей около свечки.

Ветер за окном все усиливался и уже начал тихо подвывать сквозь неприкрытую ставню.

Правда, пробраться внутрь лачужки все еще не решался. И ведь действительно казалось, словно ходит кто-то вокруг и ломает ветки и кусты.

— А туч никаких не было, — заметил старик, — вот выходил совсем недавно и смотрел на звезды. Красота, да и только. Все видно. А луна какая, углядели?

Паренек рассеянно кивнул. Он никогда не любил глядеть на небо.

Шум деревьев слился в один громкий, неразборчивый гул. Что-то с треском упало, совсем рядом, и это заставило паренька насторожиться. Он замер на своем месте, прислушиваясь.

Глуховатый старик как ни в чем не бывало продолжал помешивать уху. Его невидящий глаз уставился на окно, за которым раскачивалась на ветру плохо прикрепленная ставня. Паренек все собирался заколотить ее, но времени все не было.

— Дед, слышишь? — шепотом спросил парень.

— Что? — дед повернул голову так, чтобы единственным глазом из-под распухшего века разглядеть внука.

— Кажется, идет кто-то... Да, точно идет!

Теперь и дед услышал. Кто-то пробирался к хижине, ломая ветки. Звуки приближались, нарастали, заполняли всю тесную лачужку. Старуха на печке встревоженно закрестилась, бормоча молитву одними губами.

И тут дверь разорвалась! Срывая петли и выворачивая балки, она разлетелась на тысячи кусочков, осыпав всех сидящих мелкой трухой и пылью! Дед с криком упал на пол, опрокидывая кипящий котел рядом с собой. В воздух с шипением поднялись огромные клубы пара. Старуха закричала во всю силу своих легких, пытаясь скрыться в глубине своего ложа, ближе к стене! Она была почти уверена, что это таинственные злые силы пришли, чтобы забрать их всех! Паренек же резво соскочил с лавочки и как был босиком, так и помчался в другой конец лачужки, где под половицами у него было припрятано оружие — стальной клинок, выменянный им у одного старика за небольшой кусок чистого золота из ручья. Клинок лежал у него уже три года, но за это время даже не потускнел — настолько хороша была сталь.

Парень выхватил меч и, развернувшись на пятках, выставил его вперед, сжимая обеими руками и ожидая нападения.

Дым и пыль рассеивались, открывая дверной проем.

В образовавшемся отверстии стоял человек.

Хотя нет... не совсем человек. Похожий, но не сильно. Скорее кто-то (или что-то), пытающееся притвориться, стать похожим на человека.

Он был одет в какой-то странный костюм, обтягивающий его с ног до самой шеи. Причем паренек так и не смог разглядеть ни единой пуговицы. Только одна-единственная тонкая полоска посередине, делящая существо ровно пополам. На ногах — блестящие сапоги, сшитые, наверное, из чистой кожи, которые сейчас могут позволить себе лишь избранные и особенно приближенные к царю-батюшке. Паренек о таких только слышал.

Подобие человека стояло совершенно недвижимо, скрестив руки на груди и ожидая, пока пыль осядет полностью. Было в этой его позе что-то нечеловеческое, странное какое-то.

— Господи ты боже мой, а уши-то, уши, — захрипела с печки старушка, не переставшая креститься.

Парень разглядел, что уши у существа какие-то короткие, словно обрезанные, и неправильной формы — резко закругленные на конце. Да и глаза — пустые были, только внешняя оболочка, надетая лишь для сходства.

Меч в руке парня мелко задрожал. Он уже не мог справиться с волнами атаковавшего его страха. Тем не менее, за его спиной сидел, облокотившись о лавочку, дед и молчаливая старуха, которых он должен был защищать, и поэтому паренек спросил:

— Кто ты такой, что посмел сломать дверь и зайти в мое жилище? — Как же дрожал его голос! Сильнее, чем тело, не приученное к дракам.

Человек, точнее, тот, кто хотел выдать себя за человека, не ответил ничего, продолжая молча стоять и наблюдать за парнем. Словно выжидал чего-то. Или кого-то. От этой мысли парню стало еще страшнее. Он подумал, а вдруг здесь поблизости ходят еще несколько таких же, как этот? Ходят в темноте, выискивая их лачужку, для того чтобы... чтобы...

— Убирайся отсюда, пока не поздно! — срывающимся на детский визг голосом закричал парень. — А не то сам пожалеешь, что приперся!

По лицу существа скользнула какая-то странная усмешка. Он расцепил руки и совсем неожиданно вскинул их над головой.

И тут что-то произошло...

Паренек вдруг понял, что меч больше не подвластен ему. Стальное лезвие вдруг изогнулось и связалось в узелок. Рукоятка выскользнула из его ослабевших рук, и меч взмыл

в воздух, выписывая под потолком какие-то странные пируэты.

Сухо треснуло лезвие и со звоном упало к ногам деда, который тут же испуганно отполз в сторону.

Человек повернул голову, и теперь взгляд его упал на паренька. Пустые глаза впились в тело, парализовав его, и парень с ужасом понял, что теперь настает его очередь. Подобно мечу...

Невидимые силы приподняли его в воздух. Закричать он уже не мог! Даже дышать было нечем — что-то с невероятной силой сдавило его грудь! Он задыхался, открывая и закрывая рот, как рыба, повисшая на крючке. И одновременно с этим, чувствовал что куда-то плывет. Прямо по воздуху.

Старушка пронзительно завизжала, заперхал старик, пытаясь что-то сказать...

В глазах парня потемнело. Все земные звуки померкли, и только какая-то непонятная речь зазвучала в ушах громко и отчетливо. Говорил, без сомнения, тот самый человек, который теперь повелевал его телом. Только вот что он говорил? Паренек и не старался понять.

Мозг его словно раскололся надвое, и теперь мысли текли из него и поглощались существом. Жадно, ненасытно, словно он все никак не мог насытиться тем, что ему мог предложить паренек, а взамен давал другие знания, другую информацию, которая впитывалась в кожу парня как губка. Звуки заполнили все его сознание, проникали в каждую клеточку! Он уже начал понимать, что происходит вокруг и что от него хотят...

Но тут темнота окончательно поглотила его, и паренек уже ничего не смог поделать...

Черешенка. Одна-одинешенька.

Висит на ветке, склонившейся почти над самой землей.

С ее тугого, чуть коричневатого бока стекает капелька росы.

Тоже одна. Больше ничего.

Стекает, оставляя за собой тысячи мелких капелек, и вдруг срывается и летит. Куда-то вниз, в пустоту, в неизвестность...

И звук ударившейся о дно раковины капли окончательно разбудил меня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Ты полон загадок, парень! — Акоп завистливо похлопал меня по плечу. Я, еще не до конца пришедший в себя, вяло пошевелился и понял, что лежу в своей комнате (как странно, всего один раз переночевал здесь, а уже считаю ее своей). Рядом стояли Вероника, Вася и Евгений Валерьевич.

Вот уж действительно неожиданность. Хоть и выглядел он очень плохо, но все же приветливо улыбнулся, увидев, что я проснулся. Если не обращать внимания на кровоподтеки под глазами, отсутствие волос на лбу, царапины и кровавый шрам поперек носа (что-то знакомое?), то он вполне походил на живого человека. На всякий случай я протянул руку и дотронулся до колена Евгения Валерьевича.

— Я не мираж, — отозвался старик, чуть улыбнувшись. Улыбка, судя по всему, досталась ему с трудом — уголок губ был порван, и сейчас из ранки потекла по подбородку тонкая струйка. Он торопливо стер ее платком.

— Если ты пришел только из-за меня, то не надо было так собой жертвовать, — сказал я.

Евгений Валерьевич коротко кивнул. Ничего, мол, все в порядке. И не из таких передраг выбирались.

— Ты как себя чувствуешь, одаренный? — Акоп, не церемонясь, схватил мою руку и обернул черной манжетой. Стал мерить давление, словно заправский доктор. Потом протянул мне градусник, который я засунул под мышку.

Оказалось, что я лежал в одних трусах под тонкой Ну, рассказывай, что помнишь? — спросил Вася. Я пожал плечами:

— Что-то смутно. Какие-то деревья... домик в лесу... еще что-то.

— Вишню помнишь? — спросила Вероника. — Ты о ней часто думал, пока тебя просматривали.

— Вишню? — Нет, я не помнил. Только чувствовал, что она как-то связана с самой Вероникой. — А вы что, смогли читать мои мысли?

— Это ты загнул, — рассмеялся Акоп. — В наше время мысли читать еще не научились. Это же такая сложная штука. Чтению не поддается. Только расшифровке через просмотр.

— Что?

— Обычным языком объясняю — когда мы лазили в твоей голове, перед нами на мониторах компьютеров бегали лишь закорючки, крючочки и какие-то символы. Я сам в них почти не разбираюсь, но опытные дешифровщики смогут расшифровать и составить полную картину всего, до чего мы смогли дотянуться. Вполне возможно, что на подсознательном, а может, и на генном уровне в тебе заложена инициация твоего дара.

— И когда ваши ученые смогут определить, о чем я думал?

— До завтра, я думаю, управятся. — Акоп совсем уж бесцеремонно полез мне под мышку и выудил градусник. — А ты крепкий, братишка. Почти и температуры нет, хотя другие в таких случаях валяются с сорокаградусной.

— Я и в детстве-то редко болел.

— Ну, это, положим, вранье. — Акоп повернулся к остальным. — Не может ведь обычный человек не болеть?

— Не может! — хором подтвердили Вероника и Вася. Лица их прямо-таки растянуло от улыбок.

Евгений Валерьевич пока сдерживался, хотя и он был на грани того, чтобы рассмеяться.

— Разыгрываете? — Я приподнялся на локтях.

— Почти. — Акоп с трудом подавил улыбку. — Просто мы радуемся тому, что у тебя не возникло никаких осложнений. Яне хотел тебе говорить до того, как ты сел в кресло, но метод, при помощи которого мы тебя осмотрели, еще не полностью опробован, и иногда возникают неполадки.

— Например? — поинтересовался я уже совсем невесело.

— Самое худшее — это тебе бы разнесло мозг, — ответил Акоп. — Утешает только то, что ты бы сам этого не почувствовал.

— Просто проснулся бы на небесах... — пробормотал я. — Могли бы хоть предупредить.

— Ты должен был быть спокоен и расслаблен, — ответил Вася. — Посуди сам, как бы ты себя чувствовал, если бы узнал о том, что можешь и не очнуться. Думаю, как угодно, только не спокойно.

— В этом ты прав. — Я вздохнул. — Ладно, не будем об этом. Надеюсь, я не валялся в постели еще неделю, и за это время сумеречные не захватили оставшуюся часть планеты?

— Ты проспал всего шесть часов. За это время сумеречные начали атаковать два крупных города Америки. Пока у них это получается с трудом, но они уверенно идут к намеченной цели. До утра городам не продержаться.

— Люди так ни о чем и не подозревают, — добавил Вася, — а нам пока остается ждать, что покажет расшифровка, чтобы продолжить свои действия.

— Вы все-таки решили, что все будет исходить от меня.

— А если будет слишком поздно?

— Слишком поздно для чего?

— Для того чтобы отступать? Если люди узнают о сумеречных?

— Ну, чего не избежать, того и не избежать. — Акоп потер руки и встал. — Тогда будем воевать. А пока ты лежи. Как только почувствуешь, что сможешь встать, приходи к нам. Мы на четвертом этаже, если что.

— Выздоровливай. — Вероника наклонилась и нежно провела ладонью по щеке. На этот раз не обжигаяще, но все равно жутко приятно. Я улыбнулся ей.

Вася похлопал меня по плечу и помог подняться Евгению Валерьевичу.

— Навести старика, как встанешь с койки, — сказал тот. — Меня положили на этом же этаже в самом конце коридора. Даже окно одно есть, так что я могу смотреть на город. Противный городишко, скажу я тебе. Какой-то грязный и весь в дыму.

А у меня и окон-то нет...

— Поговорим еще, — сказал я вслед. — Сегодня вечером я заскочу. Ты чаек приготовь.

— У меня и бутерброды там в холодильнике лежат, — ответил Евгений Валерьевич, уже скрываясь за дверью. — Ну, ты приходи, поедим...

Дверь закрылась, и я остался один на один со своими мыслями.

Со своими тяжелыми мыслями.

Я вновь опустил голову на подушку, уставившись в потолок и разглядывая трещинки и водянистые подтеки на штукатурке.

А здание-то старое, давно уже не ремонтировалось. Выглядит так, словно недавно построили, а на самом деле прогнило уже, небось, изнутри...

Черешенка.

Слово выплыло из головы и все никак не давало покоя. Что бы оно значило? Не просто ягодок захотелось? Что-то определенно большее.

Я напряг память, свой прочищенный и насквозь изученный учеными мозг, но ничего конкретного в голову так и не приходило. Только всплыли какие-то смутные образы.

Развалившийся домик с пробитой в нескольких местах крышей.

Грязный пол, по которому разлита вонючая и дымящаяся лужа, а еще огромное количество щепок, словно кто-то стругал здесь. Или ломал что-то.

Чей-то смутный силуэт, лежащий то ли на печке, то ли на каком-то неровном камне.

Что бы все это значило?

Я не помнил ничего, но было такое чувство, какое бывает, когда неожиданно резко будят.

Оборвавшийся на середине сон мгновенно забывается. Но все еще кажется, что ты его помнишь и все пытаешься восстановить в памяти.

Вот и мне казалось, но воспоминания не возвращались. Даже наоборот: становились мутнее и все дальше удалялись в никуда.

Ну, хоть бы что-то ухватить. Какую-нибудь мыслишку, которая бы привела к отгадке, кто я есть такой на самом деле.

И почему они все так держатся за меня?

Вспомнив, как несколько дней назад Вася не хотел даже, чтобы я приехал к нему на квартиру, я усмехнулся. Знай он о том, кто к нему спрашивается, он бы так недовольно не болтал.

А Вероника словно чувствовала, что во мне что-то есть. Не ушла, не стала вытаскивать своего Максима из лап сумеречных. А первым делом нашла меня, чтобы предупредить и попытаться спасти. Конечно, это ее средневековое французское благородство, но все же. Семнадцать человек передо мной тоже могли спастись, но у них не получилось.

У них не было шанса. При них еще существовали Исправители, да и сумеречные играли по правилам. И ни один из игроков Зари не был на их стороне. А на моей сейчас еще и партизаны, о которых даже Сом ничего не знал.

А где, кстати, он? Отдыхает, наверное, тоже. А может, просто решил, что нас в комнатке слишком много, и поэтому остался ждать там, на четвертом этаже. Он же прагматичен до мозга костей. Как англичане. Может, он и есть англичанин? Надо будет спросить при случае.

Я повернул голову и увидел рядом столик, на котором стоял поднос с яблоками.

Взял одно и стал задумчиво жевать, почти не ощущая вкуса. Спать не хотелось, но и вставать тоже. Во всем теле — словно какая-то усталость. Излишняя расслабленность, я бы сказал.

И все же черешенка что-то значила. Пусть и не самое важное, но что-то, что помогло бы отыскать ключ к загадке, кто я такой...

Я встал с постели спустя час, когда уничтожил всю тарелку яблок и захотел поест что-нибудь еще.

Прошелся по комнате, заглянул в холодильник и, отыскав в нем два покрытых тонким слоем инея яйца, пошел на кухню.

"Глазунья" получилась не ахти какая, но все же есть было можно. Правда, только проглотив ее, я вспомнил, что можно было пойти к Евгению Валерьевичу. Он, помнится, говорил, что у него есть бутерброды.

Теперь надо было выяснить еще одно — где одежда? Не разгуливать же по Театру Уродцев в одних трусах. Сам кого угодно напугать смогу своими-то волосатыми ногами.

Штаны я нашел под кроватью. Не мои, но по размеру подходили, и я натянул их безо всякого угрызения совести. Майка лежала в кресле. Тоже не моя. Ну и ладно. Я натянул и ее. Теперь можно было смело подниматься на четвертый этаж в общество своих бессмертных друзей. И хотя слабость все еще не проходила, я так и поступил, даже насвистывая себе под нос какую-то популярную некогда мелодию.

Четвертый этаж походил на третий только одним — там тоже был коридор. Правда, дверей всего три, и все расположены с одной стороны.

Я подошел к ближайшей и легонько толкнул ее. Она не поддавалась.

Зато отворилась средняя, и показалась Васина голова.

— Там заперто, — сообщил он. — Проходи сюда. А мы тебя ждем. Я уже полчаса стою высматриваю.

Я прошел и очутился в просторной комнате, целиком заставленной аппаратурой. Вдоль всех стен стояли компьютеры, соединенные толстыми проводами с какими-то неизвестными мне машинами, которые, в свою очередь, тоже соединялись с другой техникой неизвестного назначения. Неподалеку стоял стол, за которым сидели Акоп, Вероника, Сом и еще три человека в белых халатах. Судя по всему, какие-нибудь ученые, которые занимаются расшифровкой моего подсознательного мышления. Я уже перестал удивляться всему.

— К нам подкрепление! — бодро сообщил Вася остальным, когда мы подошли.

Какой-то человек в толстом свитере подsunул мне стул. Я благодарно кивнул и подсел к остальным.

Они были заняты тем, что изучали разложенные по всему столу листы с чертежами и текстом.

интересного в твоей голове! Ты, наверное, и сам не знал о себе такого.

— И не только о себе, — добавил один из "профессоров". — У него в голове масса информации о его предках.

Ничего себе!

— И откуда она взялась?

— Молодой человек, вам лучше об этом знать, — ответил "профессор", — но вы первый, у кого я наблюдал подобное. Скорее всего, ваши гены наилучшим образом приспособлены к тому, чтобы хранить в себе информацию, передаваемую предками. Так сказать, маленькие резервуары.

— То есть, я как бы одна большая ходячая библиотека.

— Не совсем точное определение, но, в принципе, верно. — "Профессор" улыбнулся.

Что ж, это радует. Я взял первый листок, лежавший рядом, и пробежался по нему глазами.

"Вероятно, девятнадцатый век. Небольшая комната, заставленная полками с книгами.

Много полок — тянутся до самого потолка. Рядом стоит специальная лестница, при помощи которой можно дотянуться до верхних книг. Еще чуть неподалеку — стол с лампой, за которым сидит человек. Карлик. У него короткие, тонкие волосы, морщинистое лицо и задранный кверху, приплюснутый нос. Карлик одет в сюртук с пышным воротником, закрывающим шею. Он совершенно не обращает на подошедшего человека внимания. Перед карликом лежит раскрытая книга, которую он лениво перелистывает. Но не читает — рассматривает что-то..."

— Что это такое? — недоуменно поинтересовался я, протягивая лист одному из "профессоров".

— Что-то похожее на воспоминания твоего прадеда или еще какого-нибудь далекого родственника, — ответил тот, просмотрев лист. — Можно будет сказать точно, когда мы составим полную хронологию событий, начиная от самых ранних воспоминаний.

— Но как я могу помнить о том, что мой дед был в библиотеке, да еще и видел какого-то карлика?

— Ты и не помнишь, — ответил "профессор". — Твои гены помнят. Правда, как я уже говорил, такое обилие информации в тебе крайне странно. Единственное объяснение то, что она была заложена в тебя специально для того, чтобы кто-нибудь когда-нибудь прочитал ее. Вполне возможно, что кто-то в прошлом хотел, чтобы ты стал своеобразной библиотекой, которую кто-нибудь прочитал бы. Даже, наверное, не только ты. Кто-то из твоих потомков.

— То есть как?

— То есть, если бы мы не обнаружили тебя, то вся эта информация перешла бы к твоему сыну, или дочери, а затем к внукам и так до того момента, пока ее не прочитал бы кто-нибудь другой, в будущем...

— Сергей Александрович, я поражен! — честно признался Аноп.

— Я и сам поражен, — ответил Сергей Александрович. — Эта идея не нова, но я впервые сталкиваюсь с ее прямым доказательством. И если она действительно окажется правильной, то нас может ожидать много интересного.

— Скажи мне вот что: все это может быть связано с Создателями?

— А почему бы и нет? Я допускаю, что всю информацию в него, а вернее в какого-то его предка, могли вложить Создатели. Может, даже один из более высших существ.

— Бог? — удивленно воскликнул я.

— Не совсем. Что-то, похожее на бога. — "Профессор" дал понять, что закончил разговор и склонился над листами. Новые пачки листов все приносили и приносили.

Я взял еще парочку листов и, подобно другим, начал читать.

"...Чуть левее от человека громко хрипит мужчина. Он лежит на лавочке, прикрытый грязной тряпкой, насквозь пропитанной кровью. У него перебинтована голова. Он без ног. В другой стороне — сваленные в кучу части тела.

От угла, в котором лежат ноги, руки, внутренности (все вперемешку) страшно разит тухлятиной. Воздух наполнен криками, стонами, мольбами о помощи.

Еще на нескольких столах лежат больные или раненные. Они все перебинтованы. Двое без сознания.

За мутными окнами не видно ничего, сквозь приоткрытую форточку в комнатку пробивается режущий ноздри запах гари. С улицы доносятся выстрелы, взрывы, от которых дребезжат стекла.

Двери комнатки распахиваются, и в нее вкатывают койку. На койке лежит карлик с тонкими, короткими волосами. Совершенно голый. Под ним расплывается огромное темно-бордовое пятно. Карлика окружают двое мужчин в белых халатах. Один громко считает пульс. Второй ругается, пытаясь на ходу вставить в шприц иголку. Медсестра, лет сорока на вид, толкает койку до упора, пока она не стучается о другую койку, на которой лежит без сознания молодой человек в пижаме.

— Живее! — кричит один из мужчин в белых халатах.

Медсестра подносит ему скальпель. Он делает разрез на груди у карлика. Тот приходит

в сознание, но второй мужчина зажимает ему рот ладонью. Глаза карлика выходят из орбит.

Он дергается, но подоспевшие санитары хватают его за руки и ноги. Один поспешно вводит иглу в локоть и впрыскивает содержимое. Мужчина со скальпелем что-то вырезает из внутренностей карлика, хватая пинцет и вынимает металлический, заляпанный кровью предмет. Видно плохо, но это, без сомнения, пуля.

Карлик обмякает в руках у санитаров. Вновь теряет сознание. Санитары отпускают его и переходят к другому больному, тому, который без ног. Он пытается встать на руках и едва не соскальзывает с койки.

— Его личные вещи на месте? — обращается один врач к другому. — Если он умрет, надо будет сообщить близким.

Второй врач наклоняется и достает из-под койки небольшой рюкзак с рваной дырой на нем.

От дыры все еще идет едва заметный дымок.

— Военный билет обгорел. Ничего не разобрать, — сообщает он, выуживая небольшую книжицу с распухшими листками. — Еще есть расческа, и... вот это.

Врач достает из рюкзака книгу. Тот, который со скальпелем, берет ее в окровавленные руки и внимательно листает:

— Занятно. Только ничего не разобрать. Вы думаете, он иностранный шпион?

— Вполне возможно. Правда, я не могу узнать язык.

— Похож на какие-то иероглифы. Японец?

— Вы смеетесь? Посмотрите на него.

Врач внимательно разглядывает тело, грудь которого медсестра торопливо заштопывает нитками.

— Он что-нибудь говорил?

— Ничего. Когда мы его нашли, он был без сознания. Единственное, что он сжимал в руках, был этот рюкзак.

— А где его нашли?

— В подвале.

— Прямо здесь?

— Да. Вероятно, он здесь обитал, пока немцы не добрались. Потом скрывался от них, питался чем попало. Посмотрите на его лицо. Он не ел как минимум несколько дней.

— Действительно, истощение.

— Он мог быть местным зрителем. Иностранцы обычно любят советскую литературу.

— При чем здесь это?

— До войны это здание было центральной библиотекой. Мы обнаружили целые комнаты сваленных в кучи книг. Бывшие хозяева библиотеки вывезли часть книг за границу или в тыл, а то, что не успели, попытались спрятать в подвале или на чердаке, но, наверное, им что-то помешало. Нам пришлось часть книг выбросить, потому что нужны комнаты для больных. Их и так уже класть некуда.

Совсем недалеко раздается взрыв. Одно из окон со звоном разлетается. На головы людям сыпется штукатурка. Кто-то падает с койки и кричит.

Врач кидает книжку на койку около карлика и торопится поднять больного. Ему помогает второй врач, которого окликает появившаяся в дверях медсестра. Он уходит из комнатки.

Человек на койке встает и медленно, держась за другие койки, хромя, подходит к карлику.

Берет книгу. На ней что-то написано на непонятном языке, определенном как древнерусский. Человек прячет книгу под майку и некоторое время рассматривает карлика.

Тот лежит, не двигаясь, и ровно дышит. Неровный шрам на груди плавно поднимается и опускается в такт дыханию..."

— При чем здесь карлик? — тихо пробормотала Вероника, и это заставило меня

оторваться от чтения.

Вася и Сом тоже подняли головы и уставились на нее.

— У тебя, значит, тоже? — спросил Вася.

— И у меня, — отозвался я. — Судя по всему, в Великую Отечественную. А до этого я читал девятнадцатый век. И он тоже там был...

— У меня времена правления Петра, — произнесла Вероника удивленно.

— А у меня — Иван Грозный. И он уже тогда был здесь. Вот послушайте... — Сом перелистал несколько страниц и зачитал: — "Ориентировочно четырнадцатый век. Карлик с короткими и редкими волосами и приплюснутым носом появляется из пристройки и направляется в сторону собора. В руке у него свиток..." Ну, и так далее.

— Но ведь тогда еще не было игроков! — воскликнул Вася. — Вы хотите сказать, что на Земле еще до появления игроков были какие-то бессмертные люди? Подобные нам?

— Мы ничего не хотим сказать, — ответил Сергей Александрович, — но и у меня на листе есть карлик. Он с книгой.

— И у меня он с книгой. На ней не разберешь надписи... — сказал я. — Это что-то может значить?

— Без сомнения. Заметь, судя по всему, карлик появляется на глазах у всех или почти у всех тех твоих родственников, память которых ты держишь в себе. — Сергей Александрович отложил в сторону листы и начал рассуждать: — Это значит, что карлик как-то связан и с тобой. Ты нигде не видел карликов?

— Встречал как-то... — пожал я плечами. — Их в городе много ходит. Что я, обращал внимание, что ли, какие у него там волосы, редкие или нет?

— Ладно, не твоя вина. Тем более что ты никак не пересекался с карликом. Он не передавал тебе никаких книг, ты с ним не разговаривал или что-нибудь в этом духе?

— Ни разу, — заверил я, — иначе я бы помнил.

— Вот именно. Этот карлик, кем бы он ни был, косвенно или напрямую играл роль в жизни твоих предков. С некоторыми даже вступал в контакт.

— А может, какую-то роль играла книга? Та, которая с вишней на обложке? — спросила Вероника.

— Ну-ка повтори! — воскликнул я, насторожившись. Опять вишня! — И вишня, или черешня, — это единственное, что я помню из своего сна, — пробормотал я.

— Также какой-то знак, — заверил Сергей Александрович, — как и книга. Что-то все это символизирует. Карлик, скорее всего, — какой-то гонец, у которого задача донести информацию в виде книги до тебя, вернее, до твоих родственников. Книга содержит что-то важное, иначе он не стал бы так настойчиво преследовать твой род.

— И где она может быть сейчас? — поинтересовался Вася.

Сергей Александрович пожал плечами:

— Кто знает... Может, карлику удалось передать ее одному из прадедушек Виталия, и она лежит где-нибудь у него в квартире или пылится на чердаке заброшенного дома, где жила его бабушка.

— Честно сказать, не помню ничего подобного, — сказал я. — Согласитесь, если бы это было что-то важное, то мне бы рассказали. Но ни мать, ни отец никогда не говорили ни о чем подобном.

— Скажи, Виталий, а ты уверен в том, что твой отец настоящий тебе отец? Или мать та, за кого себя выдает? — Сергей Александрович задал вопрос с такой непосредственностью, что я даже сначала не понял его смысла. А потом ответил:

— Совершенно уверен. Я похож на них обоих. Притом, что на моего отца могла позариться только моя мать. Они друг друга стоили, заверяю вас.

— В любом случае надо прочитать все до конца, составить полную картину всего, что содержит твое подсознание, и уже тогда выдвигать версии. — Сергей Александрович принял из рук подошедшего человека еще одну стопку листов. — Сегодняшний день обещает быть долгим...

Я читал до упора, передавая листы "профессору", которые он сортировал и передавал на соседний стол, за которым листы раскладывали в хронологическом порядке. Не знаю, получалось ли у них что-нибудь конкретное — за несколько часов ни один из сидящих у стола людей не проронил ни слова.

Затем буквы на листах стали сливаться для меня в одну неровную толстую линию черного цвета, и читать уже стало невозможно. Я понял: все-таки не слишком хорошо отдохнул, чтобы долгое время чувствовать себя бодрым.

Я широко зевнул и решил встать из-за стола. Никто меня не одернул. Тогда я положил стопку листов на стол и неторопливо пошел к дверям. Надо немного отдохнуть, а то выдохся уже совсем.

Только выйдя в прохладный коридор, я сообразил, что у меня нет ни одной сигаретки, хотя ужасно захотелось курить. Не возвращаться же обратно.

— Есть еще Евгений Валерьевич, — буркнул я сам себе. Навестить его не помешает. Правда, я ни разу не видел, чтобы он курил... Выясним.

Я вновь спустился на третий этаж. Странно, но вокруг было пустынно и тихо. Словно все обитатели Театра собрались в комнате, где происходит расшифровка моих мыслей. А может, сейчас идет представление? Часы на стене показывали половину первого дня. Вполне возможно...

Так и не дойдя до своей двери, я развернулся и спустился на второй этаж, к сцене. Из-за двери и правда доносился грохот музыки, аплодисменты и неразборчивые крики. Я приоткрыл створку двери и уткнулся в спину какого-то молодого паренька, стоящего на страже.

— Давайте билет, — протянул он руку при виде меня.

— Я здесь обитаю, — сказал я, — на третьем этаже.

— Так ты один из этих... которые вчера пришли? — удивился парень.

Я согласно кивнул.

— Тогда проходи так. Сразу предупреждаю — три первых ряда забиты все до отказа. Поищи места в шестом или девятом. Там, кажется, еще остались свободные.

— Сигаретка есть? — осведомился я, заходя в темноту зала и закрывая за собой дверь.

— Здесь не курят, — несколько виновато ответил паренек и протянул мне открытую пачку.

Вынув две сигареты, я поблагодарил и стал пробираться к рядам.

Сцена, на которой совсем недавно меня подвергали инициированию, была ярко освещена лампами. Теперь на ней были расставлены в ряд какие-то клетки и стенды. На столах стояли банки с заспиртованными уродцами. Приглядевшись, я разглядел какое-то двухголовое, скрюченное тельце. Наверняка, искусно сделанные куклы с помощью современных технологий.

— А теперь, дорогие мои, представляем на ваш суд существо, прибывшее к нам из далекого Владивостока. Вы же знаете, что несколько месяцев назад там разбился танкер с нефтью, и едва не случилась очередная экологическая катастрофа. Так вот, нам привезли экземпляр, получившийся в результате отравления нефтью. Детей просим закрыть глаза, а особенно впечатлительных — отвернуться! — голос доносился из-за небольшой портьеры. Как только он прекратился, зазвучала торжественная музыка, и под ритмичные удары барабанов на сцену выкатили стол на колесиках, на котором располагалось нечто, скрытое черной занавесью.

Я напрягся — не каждый же день увидишь уродца, хоть и подставного!

— Внимание! — в полнейшей тишине загремел голос, тысячекратно увеличенный микрофоном. — Ап!

Занавеска откинулась, и по залу пронесся одновременно удивленный и сочувственный вздох.

На столе в клетке сидело небольшое сгорбленное существо. Из спины у него торчал уродливой формы горб, покрытый редкими, жесткими волосиками, ноги без колен были

раскинуты в стороны и заканчивались какими-то дистрофическими пальчиками. Голова явно превышала туловище по размерам раза в два. Огромные глаза, наполовину скрытые под мохнатыми ресницами, тупо смотрели прямо перед собой. Существо сжимало тонкими ручонками решетку, и, казалось, ему было совершенно наплевать, что сейчас его рассматривают тысячи глаз.

Ничего себе подделка! Существо выглядело чересчур реалистично! Если бы меня не предупредили заранее, то я без сомнения поверил бы в то, что сидело сейчас на сцене в клетке. А может, оно все-таки неживое? Искусно подделанная кукла? Но нет, существо зашевелилось и неторопливо, словно во сне, повернуло голову в сторону ярких прожекторов.

Ресницы его захлопали, и оно прикрыло одной рукой глаза, чтобы не резало.

— У Тибуса болят глаза при ярком освещении, и поэтому мы не рискуем показывать его более нескольких минут, — вновь раздался голос, — но, мне кажется, вам всем хватило времени рассмотреть результат небрежного обращения с нашими водами и понять, как могут действовать подобные разгильдяйства на человеческий организм!

К столу подбежал молодой паренек, который вчера провожал меня из комнаты сюда. Резким движением он накинуд на клетку плед и откатил существо со сцены.

— Как вам наше зрелище? — спросил голос не без удовольствия. Говоривший явно понял, что произвел на публику впечатление.

— Дерьмо собачье! Показуха! — сказал кто-то из нижнего ряда.

Голос знакомый! Я пригнулся так, чтобы на лицо говорившего упал луч света, и — точно!

— Евгений Валерьевич, а вы здесь какими судьбами?

Евгений Валерьевич, собственной персоной, с перевязанной головой и темными синяками под глазами! При виде меня он удивленно крикнул и пробормотал:

— Вот уж кого не ожидал здесь увидеть, так это тебя!

— А я вас, — сознался я. — Думал, что вы еще с постели не скоро встанете!

— Я оказался несколько сильнее, чем ты предполагал! — Евгений Валерьевич улыбнулся. — Ну; а как у вас все прошло?..

— Тише, товарищи, — зашикал на нас мой сосед слева, — вы же всем мешаете! Выйдите в коридоре там и разговаривайте!

Я кивнул головой, указывая на выход. Евгений Валерьевич согласно закивал.

Пока я пролезал через весь ряд, на сцене происходил загадочный танец женщины-змеи. Она действительно была сплошь покрыта какой-то цветной чешуей и то и дело выбрасывала из приоткрытого рта раздвоенный язычок. Пластика у нее вправду походила на змеиную. По крайней мере, пока я добирался до выхода, она успела едва ли не колечками свернуться на специальном помосте.

Зал восторженно зааплодировал. Я распахнул дверь и вышел вслед за Евгением Валерьевичем в коридор. Паренек проводил нас немного завистливым взглядом. Ему тоже хотелось поговорить с нами, но он не решался. Видать, недавно в игре, а у партизан, наверное, еще меньше.

— Какая показуха, Виталик! Какой фарс! — тотчас воскликнул Евгений Валерьевич со свойственной ему прямоотой. — Нет, ты видел, как они зарабатывают деньги на своем даре! В открытую смеются над правилами Игры, над Создателями!

— Тебе что, еще не рассказали? — удивился я.

— О чем? О том, что больше нет никаких правил? — Евгений Валерьевич ткнул мне пальцем в грудь. — Так я в это ни капли не верю! Не может быть такого! Создатели вечны! И наши четыреста пятьдесят лет для них всего лишь пара часов. За такой короткий период времени Игра не может им наскучить!

Мы пошли по коридору в сторону лестницы.

— Знаешь, Виталик, что я думаю? — продолжал старик, то и дело поправляя повязку на голове. — Мне кажется, что Создатели специально убрали Исправителей, чтобы

посмотреть, как будут развиваться действия! Представляешь, как им сейчас нравится ход событий? Это же не так предсказуемо, как игра-стратегия, в которую мы играем! Верно я говорю?

— В общем, верно, — согласился я. Столь неожиданная разговорчивость Евгения Валерьевича немного меня озадачила. Я-то думал, что увижу больного старичка, который еле передвигается и у которого сломаны все кости. А оказалось совсем наоборот.

Мы поднялись на третий этаж, и я немного притормозил перед своим номером. Евгений Валерьевич продолжал идти вперед. Пришлось последовать за ним.

— Я партизан всегда не уважал! Мы им предлагаем все в обмен лишь на одно — строго соблюдать правила! А они что делают? Забирают и дар, и денежки и, вдобавок, не выполняют никаких требований. Разве что убивают сумеречных! Нет, я согласен, что дело правильное, но мы же не звери! У нас есть свой кодекс, иначе у нас бы была не Игра, а самая настоящая резня! А здесь что мы видим?

Я пожал плечами. Евгений Валерьевич этого моего жеста, судя по всему, не заметил. Он был полностью по-

глощен монологом, обрадовавшись, что у него появился молчаливый собеседник. То есть я.

Мы подошли к двери его номера, и старик некоторое время возился с ключами (интересно, у меня дверь снаружи не закрывалась, да я и сам как-то не сильно этому противился). Наконец дверь открылась, и он впустил меня внутрь. Зажег свет, и я увидел точно такую же комнату, как и у себя. Только не было полок с книгами. Может, Евгений Валерьевич сам их снял?

— Присаживайся. — Старик бросил пиджак на спинку кресла, оставшись в одной рубашке, и сел на диван. — Скажи честно, тебе понравилось то, что ты видел сейчас на сцене?

— Не знаю, — честно сознался я. — Обычное представление. У нас в городе тоже такое было. Только там не постоянный Театр Теней, а приезжий. Они еще шатер расстилали на центральной площади.

— Я не о Театре Теней, — отмахнулся Евгений Валерьевич. — Тебе понравилось то, что игроки откровенно показывают людям, на что они способны? Причем заметно принижают свои достоинства. Заставляют смотреть на них с жалостью!

— Но это же все делается для прикрытия! Я, конечно, не знаю, сколько лет они уже здесь находятся, но, согласитесь, даже вы ничего не знали об этой штаб-квартире!

Евгений Валерьевич недовольно кашлянул, отведя глаза. Что-то ему сильно не нравилось. Уж не знаю, почему.

— Они не такие, как мы, — сказал он наконец. — Мне это не по душе! К тому же, это именно я выбираю будущих игроков, отделяю их от обычных людей. Я предлагаю им Игру и наделяю даром и властью...

Так вот оно что! Старика просто совесть замучила!

— А они предают... Меня же первого и предают, понимаешь? По сути, я им доверяю, оказываю им такую честь — стать игроком, а они?... Тот паренек, что стоял у дверей, — это ведь мой последний Игрок; В начале этого столетия я лично предложил ему Игру, когда он лежал в больнице. Жизнь паренька висела на волоске. Он перебрал наркоты и чуть не откинул копыта. Он с радостью принял то, что я ему сказал, но уже через месяц после обучения неожиданно исчез из города. И никто его не смог найти, даже Вася со своей новейшей системой слежки. И вот где он обнаружился! А я-то думал!

— И что же вы хотели от человека, который умирал? — удивился я. — Он бы согласился на что угодно, лишь бы ему пообещали бессмертие! Извините, Евгений Валерьевич, но это ваш промах. И нечего винить партизан в том, что они прячутся таким способом. Они спасаются не только от сумеречных, но и от вас, и от Исправителей одновременно. К тому же сейчас партизаны — единственные, кто может нам помочь в начавшейся войне!

— А мне говорили, что ты — единственный, — улыбнулся Евгений Валерьевич.

— Все мы чего-то стоим, — ответил я.

Дверь приоткрылась, и в комнату зашел Акоп. Даже не вошел, а запрыгнул, чуть пригнувшись. Видно, он сильно торопился куда-то.

— Вот ты где! — воскликнул он, увидев меня. — А я тебя по всему Театру ищу! Ты чего ушел так быстро, мы же уже почти заканчивали?

— Я решил немного развяться. А потом повстречал старого знакомого, и заговорились.

— Понимаю, — Акоп рассеянно кивнул. — Вы неплохо выглядите, Евгений Валерьевич. Честно признаться, я не ожидал, что вы так скоро восстановитесь!

— Не надо меня списывать, — ответил Евгений Валерьевич, — я еще проживу пару столетий, прежде чем отброшу копыта!

Акоп кивнул, соглашаясь, и облизал губы, не сводя с меня глаз. Определенно хотел мне что-то сказать. Но почему-то не решался. Евгения Валерьевича стеснялся, что ли?

— Виталий, тебя можно на минутку? — наконец спросил он.

— Конечно. — Я поднялся. — Евгений Валерьевич, вы заходите, если что. Знаете, где мой номер?

— Да-да, — закивал старик, — обязательно заскочу. Ты интересный собеседник, Виталий!

— Вы тоже, — ответил я, выходя в коридор вслед за Акопом.

Как только дверь закрылась, Акоп взял меня под локоть и молча повел в мой номер. Мы зашли. Он отпустил меня и сел за стол.

— Мы закончили расшифровку и инициирование твоего дара, — произнес он, — и, так уж получилось, составили историю твоего рода почти за пятьсот лет! Мне кажется, именно я должен тебе рассказать все. Вероника с Сомом и Васей слишком устали, чтобы сейчас вести разговоры. Они пошли отдыхать, ну а я прямиком к тебе.

— И много узнали? — Я присел рядом, чувствуя, как начинает дрожать мой голос. Наконец-то что-то важное! Я узнаю, кто я такой на самом деле!

Акоп вместо ответа выудил неизвестно откуда две бутылки водки и глухо стукнул ими о крышку стола. — Новости не слишком утешительные. Стаканы есть?

— Наверное. — Я поискал стаканы и нашел два. Правда, сначала их надо было хорошенько сполоснуть: после долгого стояния без всякого применения они изрядно покрылись толстым слоем пыли.

Едва я поставил их на стол, Акоп наполнил оба наполовину и залпом осушил свой. Лицо его передернулось, но он занюхал рукавом своей рубашки.

— Мы не смогли инициировать твой дар и узнать, что он вообще из себя представляет! — сказал он наконец, громко выдохнув.

Я тоже взял стакан, но пить не торопился. Хотел услышать все на трезвую голову.

— Единственное, что удалось найти, так это корни твоего дара. Откуда он взялся.

— Ну и?

— Ты пей. — Акоп толкнул мой кулак с зажатым стаканом.

Я выпил и тотчас полез в холодильник за закуской. Из глаз брызнули слезы. Ничего себе водка! Такой одной бутылки мне хватит, чтобы отправиться на тот свет! Чистый спирт!

— Отлично. — Акоп вновь наполнил стаканы. — Дар заложил в тебя или сам Создатель Зари, или кто-то из его помощников. Еще в тысяча четырехсотых годах кто-то неизвестный похитил одного из твоих предков. Причем похищение сопровождалось так называемыми "святыми огнями", бешеным ветром, свечением откуда-то с неба. Потом этого предка обнаружили в совсем другом месте, километрах в пятистах от дома. Он ничего не помнил до того момента, пока не встретил... — Акоп вновь выпил. На его глазах тоже выступили слезы. Второй раз занюхивать он не стал. Схватил со стола хлеб и принялся жевать. — Он карлика встретил! Того самого, который потом появлялся все поколения, вплоть до Второй Мировой. Карлик научил твоего предка каким-то знаниям и никогда не

отходил от него. Затем карлик перешел на "службу", если можно так сказать, к сыновьям твоего предка, потом к внукам. И так он был с ними постоянно. Словно хранитель.

— А куда он делся после войны?

— Кто знает... может, убили его. Не в этом суть. Главное, что в тебе заложено что-то, что в корне может пере-

вернуть весь мир. В этом я не сомневаюсь. Вот только успеешь ли ты?

Я выпил. Во второй раз водка пошла легче, через пару минут ударив в голову. Сразу стало немного легче осознавать, что происходит. Наверное, Акоп специально спаивает меня, чтобы я не принимал все им сказанное очень близко к сердцу. Или, наоборот, напивается сам, потому что понял, что войну с сумеречными мы можем проиграть.

— Хорошо? — спросил Акоп, наполняя стаканы в третий раз.

— Хорошо... — Я откинулся на стуле, вяло пережевывая хлеб. — Ты хочешь сказать, что дар мой открыть не удастся. Или не так скоро, как хотелось бы. Значит, сумеречные успеют захватить весь мир?

— Все верно! — кивнул Акоп, — Теперь ты пей первым. Глядя за тем, как я опустошаю стакан, он продолжил:

— Но ты не думай, что все на этом потеряно. Еще до того, как пришли вы, мы разрабатывали планы по предотвращению вторжения сумеречных на Юг России. В наших руках много полезной информации, и если хорошенько всем подумать, то можно найти что-нибудь слабое в их действиях.

Мне стало совсем легко. Голову уже качало из стороны в сторону, а перед глазами все начинало понемногу раздваиваться. Акоп стал несколько размытым.

— И все уже знают, что супермена из меня сделать не удастся?

— Почти все, кто должен знать. Вася ушел немного раньше и поэтому не попал к началу, если можно так выразиться, конца.

— Вася? — Я небрежно откинулся на спинку стула, заложив одну руку за спину, и сощурил один глаз. — Расскажи мне о Васе. Кто он такой был?

— Вопрос не понял, — отреагировал Акоп, разливая остаток. Или он очень хорошо притворялся, или был закоренелым алкашом, что не позволяло ему пьянеть даже от целой бутылки. Меня лично от такого количества водки уже начинало развозить. А ему пока хоть бы что, только глаза немного окосели.

— Ну, он же... этот... поток информации вроде. Вот я и хочу узнать, как это у него получается — быть... ничем?

— Он не ничто, — пожал плечами Акоп, указательным пальцем пододвигая ко мне стакан, — он информация самого себя. Понимаешь, Виталька, тут такая штука... Вася не просто что-то похожее на струю плазмы, летающую по воздуху. Он есть информационное строение самого себя. То есть, даже став потоком информации, он содержит в себе информацию о самом себе.

Свою память, свою родословную, строение своего тела и так далее. Он похож на... ну, скажем, если бы твой мозг представлял собой часть воздуха. Только определенную часть, которая может мыслить и двигаться, а потом, при определенной температуре и каких-нибудь химических операциях, воздух обретает форму, но память и мысли в нем сохраняются... Ты что-нибудь понял из моей болтовни?

Я тряхнул головой. Понятного было мало, но что-то все равно дошло.

— Тогда выпьем, — заключил Акоп, опрокидывая стакан себе в горло.

На этот раз я воздержался, но он не заметил. Поставил стакан на стол и заел долькой огурца.

— А вот скажи мне, Виталик, зачем тебе вообще все это надо? Эта игра дурацкая, война с сумеречными? Зачем?! Это же верная смерть, а для тебя, так вдвойне. Ты же смертный. А они все — нет. — Он сделал характерный жест рукой, обводя комнату. — Они все останутся такими же, как и были, а ты состаришься и умрешь! Тебе оно надо?

— Я уже говорил об этом. Да и думал не раз. Акоп, я не знаю. Действительно не знаю,

зачем вообще влез в это

дело. Сначала я хотел просто узнать, из-за чего меня хотят убить, потом... наверное, потом у меня уже не было выбора! Я узнал о том, что сумеречные собираются захватить планету, а затем еще дар мой...

— Но мы не знаем твоего дара, — перебил Акоп. — Ты не сильно нужен теперь. И что тебя тогда может держать?

— Не знаю, — честно сознался я. — Мне просто сейчас совсем некуда идти. Может быть, я понял, что жизнь, которой я жил раньше, намного хуже той, в которой я очутился сейчас.

— И чем же она лучше? Игроки — диктаторы! Это же заметно сразу. У них настолько извращенные правила, что просто поражаешься, как вообще можно так жить!

— Что ты имеешь в виду? — не сразу врубился я.

— Все, что только можно! Игроки не ценят ничьих жизней, потому что они бессмертны. Для них важнее то, что несет в себе человек для победы в Игре.

Да, я заметил это. Еще тогда, в Васиной квартире, я размышлял точно так же. Но почему сейчас мои представления об Игроках изменились?

Акоп с жаром продолжал:

— Разве я не прав?! Они погрязли в исполнении правил и начисто забыли обо всех земных благах. Они руководствуются правилами, как животное своими инстинктами, и им больше ничего не нужно! Ни-че-го! А разве не это унижает человека? Разве не делает его похожим на зверя? Я и ушел от игроков Зари, а вернее, сбежал, потому что не хотел уподобляться волку, который рыщет по лесу в поисках пищи, однако знает, что дальше леса ему сунуться нельзя, потому что дальше — люди. И они убьют его. Я же хотел выйти из леса и, как оказалось, не один хотел. Нас таких много! И все мы хотим питаться не только тем, что нам предоставляют Создатели, а большим. Тем, чего мы сами хотим!

— То есть, получив дар и бессмертие, вы отрекаетесь от того, кто вам дал все это? Говорите, что он не нужен вам. Но для чего вы тогда боретесь против сумеречных?

— Я не говорил, что не хочу бессмертия или отрекаюсь от Создателя, — поправил Акоп. — Я говорил о том, что Создатели поставили Игроков в слишком жестокие рамки придуманных правил и люди уподобились зверям с их инстинктами. Мы тоже в своем роде Игроки и тоже уважаем Создателя. Но мы не хотим сражаться против сумеречных по таким правилам, которые он нам предлагает. Мы сражаемся по своим. А вот ты зачем сражаешься, я понять не могу.

— Но вам-то я нужен.

— Честно сказать, сейчас я уже не уверен на все сто. Дар в тебе есть, но откроется ли он когда-нибудь?

— Вот поэтому я и хочу остаться, — ответил я. — Согласись, Акоп, я ведь тоже не подчиняюсь их правилам. Я даже попал в Игру, нарушив одно из них. Так что лучше я буду сражаться против сумеречных за вас, чем за людей, которые не знают даже того, что теперь знаю я.

— А ты все-таки решительный парень, — пробормотал Акоп, опустив глаза. — Я тоже таким бы был. Только у меня сил не хватило отказаться от того, что предложил мне Евгений Валерьевич...

Я понял, что он хотел этим сказать. И стало вдвойне понятней, почему Евгений Валерьевич так невзлюбил этот Театр. Еще бы, в каждом человеке видеть пример своей неудачи. Видеть, что ты ошибся. И не раз, и не два, а много раз...

— Я, правда, пришел не только для того, чтобы рассказать тебе о нашей неудаче, — сказал Акоп, выпив еще. Теперь Акопа тоже немного пошатывало, и он положил локти на стол. — Я пришел за советом. Наши профессора выложили такую идею, что твой дар может проявляться

совершенно неосознанно. Сам собой. Ты и сам можешь этого не заметить...

— Я понял тебя. Ты думаешь, что я могу неосознанно дать подсказку, что делать

дальше?

Акоп кивнул.

Слишком детское утверждение. По-моему, наивно с его стороны надеяться на то, что один человек может спасти всю планету. Тут надо действовать сообща. Не просто принимать какие-то одиночные решения и действовать, как тебе хочется, а всем вместе. Единой силой... К тому же, он не уверен на все сто. Так что все это может оказаться лишь пустой тратой времени.

— Смотри сюда. — Акоп порылся в нагрудном кармане рубашки и выудил какой-то листок, развернул его и разгладил ладонью на столе. — Сейчас я прочитаю тебе кое-что, а ты скажешь свои соображения насчет услышанного. Идет?

— Не стоило тогда меня спаивать, — на всякий случай предупредил я.

— Все под контролем, — успокоил Акоп. — Водка расслабляет работу мозга. Может, какая мысль и проскочит невзначай.

— Тебе решать, — пожал я плечами, закусывая хлеб огурцом. В основном для того, чтобы сбить какой-то неприятный привкус во рту. Словно не водку пил, а соляру или еще что похлеще.

— Главара у сумеречных зовут Штамм. Кличка, оно и понятно. Настоящего имени мы не знаем. Как и того, где он в данный момент находится. Правда, точно известно, что он у них вожак и идеолог.

— Что-то вроде Ленина двадцать первого века? — ухмыльнулся я.

— Что-то вроде, — согласился Акоп, мусоля в пальцах листок. — Именно Штаммом разработан весь план по захвату Земли. На него опираются сумеречные как на вождя. Знаешь, ведь ни одно общество не обходится без вождей. Вот и у них такой. Если бы нам удалось взять Штамма, то, возможно, сумеречные и остановились бы.

— Ты думаешь? Разве сумеречные не найдут себе другого Штамма?

Акоп разлил еще по стакану. Его лицо просто горело красным, но он явно хотел напиться вдрызг. Залпом выпил, шумно и с хрипом выдохнув горлом:

— Все дело в том, что найти его им не удастся. Сумеречные — такой же слаженный механизм, как и игроки Зари. У них нет идеологов, потому что они все равны изначально. Каждый выполняет свою определенную функцию. Появившийся вождь разрушил их понятия о честной игре и сделался в их глазах вторым Создателем. Они его и вправду сейчас обожествляют. Потому что Создателя Сумерек для них уже нет. Он уже не откликается на их просьбы.

— Неужели, все так серьезно?

— Именно!

После четвертого стакана в голове начался прилив. Меня замутило, и я прислонился к стене, стараясь расслабиться. Все, больше пить не буду. А то отключусь, и тогда весь Акопов метод коту под хвост. Слишком расслаблять мозг тоже не надо.

— Ничего не всплывает? — поинтересовался Акоп.

Я отрицательно покачал головой, чувствуя, что движения мои становятся плавными и расплывчатыми. Только бы не отключиться.

— Еще могу добавить, что у Штамма ярко выраженная мания величия. Он чрезмерно любит повелевать. Всеми. Не знаю, как он попал в ряды игроков, но именно эта черта, возможно, послужила причиной для начала операции по захвату Земли. — Акоп замолчал, чего-то ожидая.

Ясно чего. Что я вдруг приму какое-нибудь верное решение, и оно станет единственно правильным. И мы победим! И вновь будет мир во всем мире, чтоб его...

Я глупо хихикнул, зажимая рот рукой. В голове было пусто, как никогда, и хотелось лечь и поспать. Прямо здесь, на столе. А почему бы, собственно, и нет. Я же не супергерой! Я не могу не пьянеть от такого количества!

— Иногда мне даже нравится вот так управлять жизнью и смертью людей, — вяло произнес я первое, что пришло в голову, — ощущать, что только от тебя зависит, каков будет

их следующий день. Очень необычные ощущения! — Кто так говорил? Кажется, тот самый докто-ришка из больницы, в которую я отвез Генку. Как он там сейчас? Может, его уже и в живых нет. Умер от одного единственного взгляда Вероникиного телохранителя.

— Что ты сказал только что? — вдруг вытянулся Акоп. Неловким движением он столкнул со стола пустую бутылку, и я пьяно рассмеялся:

— Нравится ему управлять жизнью людей, понимаешь?! Оч-чень, как грится, необычайные ощущения! Не поверишь, Акопыч, но это единственное, что сейчас мне приходит в голову... Я, наверное, слишком много выпил...

— Ты знаешь, что сейчас сказал, — тихо и без запинки произнес Акоп. Он перегнулся через весь стол, и вдруг лицо его оказалось всего в нескольких сантиметрах от меня. И расплылось. — Ты только что сказал лозунг Штамма! Слово в слово! Именно этим лозунгом он заставляет сумеречных верить, что они и есть властелины мира!

— Подумаешь, — буркнул я, — велика важность. Может, тот докторишка был всего лишь рядовым сумеречным. Я что, знал тогда, кто есть кто?

— Докторишка, значит... Как он выглядел? — поинтересовался Акоп, вновь присаживаясь на табуретку.

Я пошатнулся, пытаясь пожать плечами:

— Не помню. Кажется, была борода и толстые очки. Они его очень старили.

— Какого цвета борода?

— Н... не помню я. Зачем надо было меня спаивать, чтобы потом проводить допрос? — Из горла сама собой вырвалась икота.

— Верно, мой просчет! — ответил Акоп и вдруг схватил меня за шиворот и перетащил через стол. На пол со звоном упала бутылка. За ней последовала и вторая.

И откуда у него только силы взялись?! Я, к примеру, даже шевелился уже с трудом.

Акоп поднял меня за шиворот и потащил напрямик в ванную комнату.

— Ты у меня сейчас все живо вспомнишь, — пробормотал он, и только когда из крана на мою голову ударила струя холодной воды, я понял, что он хотел сделать.

— Пусти, идиот! Убью! — заорал я заплетающимся языком.

Акоп что-то прохрипел в ответ, все сильнее опуская меня на дно раковины. Холодная струя немного протрезвила.

— Ну! — заорал Акоп прямо на ухо. — Какого цвета у него борода?!

— Иди к черту! — Я толкнул его в живот локтем и отпихнул к противоположной стенке. Затем резко развернулся и со всей силы ударил его по лицу. Вернее, подумал, что ударил. Акоп легко увернулся, и его широкая ладонь звонко хлопнула по моей щеке:

— Так что?

— Я пьян! — прохрипел я, вновь напрыгивая на рыжего. Он отскочил в сторону, и по моей щеке вновь прошла его ладонь.

— Тебе нужно только вспомнить, бестолочь!

От второго удара расплывчатые предметы вновь обрели четкость. Я действительно протрезвел еще больше. Но и разозлился. Какое он имел право бить меня?!

Короткий удар — но Акоп, похоже, тоже умел неплохо драться! Мой кулак вновь не достиг цели, а партизан

оказался за моей спиной и короткой подсечкой швырнул меня на раковину.

— Говори!

— Черная она у него была! — заорал я, разворачиваясь. — Черная, как уголь, понял?! Тебе этого достаточно?

Наверное, он не хотел увернуться на этот раз. Я почувствовал его скулу за секунду до того, как звонко клацнули его зубы и Акоп отлетел к двери, зажимая рот рукой.

— Блин, мне этого даже больше, чем достаточно! — Между пальцев у него потекла тонкая струйка крови, но Акоп широко улыбался пьяной улыбкой. Глаза его по-прежнему были мутными. Тоже без зрачков, а вернее, без задней части. Прозрачные.

— Ты понял, что ты сейчас натворил?

— Если подойдешь ближе, натворю еще раз, — проворчал я, понимая, что остываю. Водка выветривалась из организма так же быстро, как и завладевала им.

— Ты нашел Штамма, сукин сын!

Губу я действительно ему разбил. Ну, и поделом. Сам Акоп, казалось, не заметил этого. Он радостно улыбался и продолжал говорить, перекрикивая шум воды:

— Штамм носит бороду! Черную, как смола! И лозунг его! Ты и вправду обладаешь даром, Виталик! Даром, не контролируемым тобой! Пока!

— У тебя хоть фотография его есть? А то, может, это какой-нибудь фанатик-подражатель из сумеречных, — устало спросил я. Горела щека, по которой Акоп ударил.

— Конечно, — Акоп кивнул. — Ты достаточно протрезвел, чтобы понять, что произошло?

— Достаточно!

Мы вышли из ванной. Я быстро переоделся и поднял с пола бутылки.

— Может, зайдём за Евгением Валерьевичем?

— Пусть старик оклемается. А то ему вновь захочется приключений, а сейчас он не в лучшей форме, как считаешь?

Я согласился. Мы пошли на четвертый этаж.

Как странно. Я узнал о Штамме всего полчаса назад и уже успел раскрыть, где он находится.

Совершенно случайно ведь. Или нет? Может, и правда дар помог?

Я не знал.

Как и не знал того, что собирается делать Акоп, хотя план его действий мог быть чересчур предсказуем. Просто организовать на Штамма облаву, захватить его и выставить сумеречным ультиматум. Понятно, конечно, что на этом война не закончится, но наши силы заметно возрастут. Да и агитация в рядах соперника ослабнет. Так что карты нам в руки. Козыри! Не все, конечно, но большинство!

— Акоп, ты армянин? — спросил я, когда мы поднимались по лестнице.

— Причем настоящий, — ответил Акоп, не оборачиваясь. — Только у настоящих армян рыжие волосы!

— Никогда не знал.

— Зря! — Мы остановились перед дверью, и он сделал мне знак не двигаться. — Сейчас я их ошарашу! — весело проворчал Акоп и отворил дверь...

А за дверью...

Все было как и тогда, когда я ушел, — люди в белых халатах стояли около странных машин, из которых выходили свежесточенные листики, за столом сидела Вероника. Сом стоял рядом. Еще один профессор неподалеку...

Но что-то все равно было не так. Да! Они все стояли и ничего не делали. Просто без движения пялились на открывшуюся дверь. И на их лицах было такое выражение, словно... словно...

Нет! Невозможно!

В кресле за столом сидел жрец.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Здравствуйте все, кого знаю! — громко воскликнул Колька, улыбнувшись.

Я так и остался стоять в двери, а Акоп неожиданно вскинул руку, и оказалось, что там зажат пистолет. Поддрагивающее дуло смотрело прямо в лоб жрецу.

Улыбка мгновенно улетучилась с его потного лица.

— Акоп, не надо! — крикнула Вероника. — Он здесь как посол!

— Я посол, — повторил жрец. — Моя личность неприкосновенна. — И облизал толстые губы.

— Мне-то что, — тихо сказал Акоп. — Я не игрок Зари. На меня правила не

распространяются!

Глаза жреца округлились. До него дошдр. И что бы он ни хотел сказать до этого, какими судьбами и зачем он вообще явился, сейчас он ничего сказать не смог.

— Акоп, если ты его убьешь, мы ничего не добьемся, — произнес Сом. — Николай принес какую-то важную информацию. Пускай он сначала выложит ее.

Акоп опустил пистолет:

— Прежде всего меня интересует, как он узнал о Театре. И как узнал, что здесь находитесь вы, Вероника.

— Я отвечу, — вновь облизывая губы, нервно сказал жрец. От той важности, с которой он сидел, когда вошли мы, не осталось и следа. — Я расскажу все, как только подойдет Вася.

— Хорошо. — Акоп убрал пистолет в какой-то потайной карман брюк и подошел к Веронике и Сому. — Как это произошло?

— Он просто подошел к входным дверям и потребовал, чтобы немедленно подозвали меня. Затем сказал, что у него есть очень ценная информация и если я пообещаю, что его не тронут, то он поделится ею, — ответила Вероника.

— Но вы же говорили, что он, кажется, погиб в магазине при взрыве?

— Выжил, собака, — ответил Сом, не сводя со жреца взгляда. Николай в ответ улыбнулся.

Дверь отворилась. Я обернулся и увидел Васю. Какое у него было лицо! Казалось, что он бежал несколько километров, не останавливаясь, — весь красный, тяжело дышал.

— Ты!!! — воскликнул он, увидев жреца, и вдруг бросился на него. Я отлетел в сторону от сильного толчка. Акоп прыгнул, пытаясь встать между, но не успел. Вася подлетел к Николаю и со всей силы ударил его по лицу! Жрец вскрикнул, падая вместе с креслом на пол... А затем Акоп все же настиг Васю и оттащил его в сторону, что-то бормоча ему на ухо. Сом помог подняться жрецу. Тот держался за разбитый нос, зажимая его вмиг ставшим красным платком.

Вновь сел в кресло.

— То, что ты выжил в магазине, не значит, что ты не сдохнешь здесь! — выплюнул Вася, правда, подходить не стал, а сел на стул напротив. Я поднялся с пола и тоже сел. Акоп встал за Васиной спиной. Сом и Вероника оставались стоять на своих местах.

— Я о тебе такого же мнения, Вася, — ответил жрец, задирая голову, — но не будем сейчас об этом. Я пришел по делу.

— Сначала расскажи, как ты вообще оказался здесь, — потребовал Акоп. Ясное дело — его прежде всего беспокоил тот факт, что сумеречные узнали о резиденции партизан.

— Тут ничего сложного нет, — ответил жрец. — Прежде всего, вы, наверное, все поняли, что я не погиб. Правда, все, кто был со мной тогда, уже на небесах. Я остался жив и немного позже увидел, как Виталик проделывал незамысловатые упражнения на проводе, пытаясь влезть

в окно. А дальше все просто, как никогда. Окрыленные успехом, вы в открытую выехали из села, ничуть не задумываясь о том, почему сумеречных почти нет, и уж, тем более, не думая, что за вами может быть слежка.

— А она была, — произнес Вася замогильным голосом.

— Конечно. Начиная прямо от железнодорожной станции, на которой вы, с нашей помощью, не смогли обнаружить ни одного сумеречного. Ну, а дальше, думаю, понятно. Правда, признаюсь, я не знал, что это за здание и чья резиденция, и понял, лишь когда увидел армянина, которого мы разыскиваем уже не один десяток лет. — Колька убрал платок. Кровь из носа у него уже не шла. — А теперь о деле. Вы думаете, я смог бы сунуться сюда, если бы у меня не было гарантии того, что я смогу выйти? Нет! Сразу скажу, что у меня в плену находятся шесть человек, которые не менее важные шишки, чем вы. Я тоже забочусь о своей жизни, знаете ли.

— Откуда нам знать, что это правда? — спросил Сом. Жрец молча протянул ему фотокарточку, выуженную

из внутреннего кармана пиджака. Сом передал фотографию Веронике, затем Васе и Акопу. Акоп протянул мне. На фотографии были запечатлены шесть мужчин, крепко привязанных к стульям. Рядом стояли люди с автоматами.

Одного из связанных я узнал — Максим. Наверное, Колька сознательно его сфотографировал вместе с пленными, чтобы сделать больнее Веронике.

— Убедились? — Колька вновь улыбнулся. — Теперь, думаю, чтобы долго не тянуть, можно перейти к главному — для чего я, собственно, явился! Вы же понимаете, что борьба, которую мы начали, не в вашу пользу. И вряд ли когда-нибудь станет наоборот. Люди еще ничего не поняли. Игроки Зари, в большинстве своем, — тоже. Да и вы, думаю, не много знаете обо всех масштабах операции.

— Кончай балаболить, — прервала его Вероника, — говори, зачем пришел.

— Не надо, чтобы прежние обиды туманили твой мозг, — заметил жрец. — Да, я предатель и четко это осознаю. Но борюсь за более правильное дело! За то, чтобы война закончилась и настало наконец светлое будущее!

— Ты мог бы выбрать и другой путь.

— Какой? Игроки Зари никогда бы не согласились на что-нибудь подобное. У них кишка тонка для этого. А иного пути, кроме как истребление, я не вижу. Да и Штамм тоже. Надоело уже прятаться! Хватит! Стоит пожить нормальной жизнью!

— Не уклоняйся от разговора, — заметил Акоп. — Ты пришел что-то просить. Так сделай это!

— Верно подмечено, — ухмыльнулся жрец. — Начну, пожалуй, с того, что сообщу, что у нас в плену сейчас находятся три тысячи игроков Зари. Я предлагаю вам обмен...

— Но у нас нет сумеречных. Ни живых, ни мертвых, — сказал Сом.

— Но зато у вас есть Виталик! — медленно и вязко произнес жрец.

Наступило молчание. Все смотрели на меня. Игроки Зари знали, что мой дар инициировать не удалось, а значит, я — обычный человек, по крайней мере пока. Жрец этого не знал и предлагал за меня людей, которые могли бы сильно помочь в борьбе с сумеречными. Тут весь выигрыш налицо. Но...

— Мы согласны, — быстрее всех кивнул Акоп. — Скольких людей ты освободишь?

Этого не ожидал никто. Теперь все взгляды обратились к партизану.

— Как ты можешь? — прошептала Вероника. Лицо Сомы просто перекошилось от гнева. Казалось,

еще секунда — и он вцепится Акопу в горло.

— Могу, поверь мне, — коротко бросил Акоп и повернулся в сторону жреца. — Так сколько?

Жрец и сам не ожидал, что на его предложение ответят так быстро. Он замялся, облизывая губы.

— Мы не можем этого сделать, — сказал Вася. — Ты же понимаешь, что тогда всем конец.

— Здесь я хозяин, — резко ответил Акоп, — и мне принимать решение! Я вытаску ваших людей. И заткнитесь... пожалуйста.

Вася замолчал. Он решительно ничего не понимал. Как и все остальные. А вот до меня, похоже, начинало доходить. Я повертел фотокарточку в руках, не сводя со жреца глаз. Лишь бы он ничего не заподозрил.

Жрец тем временем окончательно собрался с мыслями и выудил из пиджака пачку скрепленных листов. Протянул их Веронике:

— Вот имена всех, кто содержится у нас. Вы можете выбрать имена трехсот человек. В случае вашего согласия их доставят сюда в течение четырех часов.

— Я же уже дал согласие, — ответил Акоп. — Вероника, выбирай.

Вероника нерешительно посмотрела на Васю. Согласен он или нет?

Только бы никто не решил встрепенуться!!!

Вася коротко кивнул. Сом ничего не ответил. Я не шевелился.

— Только одно условие, — заметил Акоп. — Сначала вы привозите людей, а затем получаете Виталика.

— Само собой, — пожал плечами жрец. — Что это ты так сразу согласился?

— А зачем нам человек? — пожал плечами Акоп.

— А разве он вам ничего не рассказал?

— Рассказал, конечно, но что нам делать с его даром, если мы не можем его открыть... у нас не хватает технологий. Да и война идет, не до этого сейчас.

— И вы не боитесь, что мы сможем использовать его против вас же самих? — подозрительно сощурился жрец.

— Это ему решать, — ответил Акоп, — но мне кажется, что он не станет этого делать.

— Ну, это мы еще посмотрим. Человек он для того и создан, чтобы мучиться!

Вероника тем временем проставила на листах крестики напротив фамилий и вернула их жрецу:

— Вот. Через сколько времени вы сможете доставить нам этих людей?

Жрец убрал листы в карман, не читая:

— Четыре часа, не более.

— А где гарантии, что вы не уничтожите Театр после того, как получите то, что хотите?

— Гарантий никаких, кроме моего честного слова, — ответил жрец, — но нам не хочется устраивать заварушку в центре города. Еще не время.

Он поднялся с кресла и неторопливым шагом последовал к двери. Следом за ним прошло два молодых паренька в белых халатах.

Минуты три все стояли молча и неподвижно. Пока не вернулся один из пареньков и не сказал, что жрец уехал на синем "форде" куда-то в город.

Первой закричала Вероника:

— Ты что же сделал, скотина! Ты же человека продал, который нам нужен! Понимаешь?! Идиот!

— Подожди, Вероника, не нервничай, — перебил ее Вася. — Тут сначала надо узнать, что вообще происходит. С чего вдруг здесь появился жрец?

— Он же сам объяснил тебе, что проследил за нами с самого Краевского! — ответил Сом.

— А Виталик, значит, ему нужен для того же, для чего и нам. То есть для использования его дара в войне?

— И этот ублюдок его обменял! — зло выкрикнула Вероника. Казалось, она сейчас не сдержится и кинется на

Акопа. Тот стоял как изваяние, улыбаясь. Да, он знал, что делает.

— Нет, я ничего не понимаю. Акоп, что ты затеял? Акоп произнес:

— Давайте-ка присядем. Я расскажу вам кое-что интересное...

— Главное в том, что мы знаем, где находится Штамм, — Акоп ткнул пальцем в карту, — Новоозерск. Город, который пока еще не захватили. И я даже знаю, почему. Потому что Штамм не хочет привлекать к своей особе внимания. Он работает доктором в одной из больниц и ждет своего часа.

— Не понимаю, откуда такая информация, — начал было Вася, но Акоп его перебил, похлопав меня по плечу:

— Вот от этого нашего ходячего чуда! Он лично встречался со Штаммом и даже разговаривал с ним!

— Что? — в один голос воскликнули Сом и Вероника. Акоп выдержал таинственную паузу и рассказал все,

что происходило у меня в комнате.

После этого повисла пораженная тишина.

— До вас дошло, дорогие мои! — радостно воскликнул Акоп, скорее утверждая, чем спрашивая. — Мой план прост и гениален. Все дело в том, что я знал, что в Новоозерск

отсюда ведет всего одна дорога! Больше нет! А куда повезет Николай Виталика, если не к главарю?

— Логично! — подтвердил Вася. — Ну, а если он захочет сначала поквитаться с ним за то, что произошло в Краевском?

— Допустимо, — согласился Акоп, — но маловероятно. Николай, конечно, подлая личность, но он, как и все сумеречные, боится Штамма. А значит, постарается доставить Виталика, во-первых, как можно быстрее и, во-вторых, целым и невредимым! Я понял это, как только Николай начал говорить. И до меня тут же дошло, что он не знает, что мы обнаружили Штамма. А приехал он именно за Виталиком. Иначе с чего бы ему соваться в самое логово, да еще не зная, что его здесь ждет? Видали, как он переменился в лице, когда я наставил на него пушку и сказал, что мне плевать на эти ваши дурацкие правила?!

— И ты бы выстрелил? — поинтересовался я.

— Мне на игроков Зари, в принципе, наплевать. Они — марионетки в сетях правил и шагу не могут ступить без них. — Выдержав тяжелый взгляд Вероники, он добавил: — Ну, не все, но большинство! Согласитесь?

— Оставим это, — произнес Вася. — Лучше скажи, что ты собираешься делать дальше.

— Все ясно! — гордо протянул Акоп. — Через четыре часа нам привозят триста человек и забирают Виталика. Его везут в Новоозерск по одной-единственной дороге. Впереди в засаде машину (или машины) поджидаем мы и, когда они будут проезжать, нанесем удар. Освобождаем Виталика, уничтожаем сумеречных и на их же машинах направляемся в резиденцию Штамма.

— И берем его! — В возбуждении Сом стукнул кулаком по карте. — Черт, я вдруг пожалел, что не стал партизаном!

— В этом плане слишком много изъянов, — мрачно заметил Вася. — Как мы узнаем, к примеру, какие машины именно принадлежат сумеречным?

— Для этого есть телефоны, если ты не знал. Наши сотрудники позвонят отсюда нам и сообщат, на какой машине увезли Виталика, ее-то мы и будем поджидать!

— Ну, а если жрец все-таки решит уничтожить ваш Театр, и никто ничего передать нам не успеет?

— Тогда не забывай, Вася, что здесь будут три сотни игроков Зари, да и моих ребят не меньше. Сумеречные не вяжутся в бой, потому что Театр это все-таки крепость. И взять ее можно только штурмом и с большими

потерями. А им невыгодно раскрываться раньше времени.

— Что-то уж больно неожиданно все происходит, — пробормотал Вася. — А что с Виталькиным даром?

— Ничего пока. Мы знаем, что за Виталькиным родом наблюдал карлик, что со всем этим связана книга с вишней на обложке...

— А знаете, что еще странно, — сказал я, — это мне только сейчас в голову пришло. Я вот читал, что у карлика была своя большая библиотека, где он хранил множество старинных книг. А потом, во время войны, его библиотеку сделали госпиталем.

— Ну и?

— Так и Штамм работает в больнице. А мои предки, насколько я знаю, со времен Великой Отечественной войны никуда не переезжали из Новоозерска. Значит, библиотека карлика может находиться там!

— Не может, а должна! — выпалил Вася. — И сдается мне, что Штамм тоже ее ищет. Иначе с чего бы ему переквалифицироваться во врача.

— Это могла быть просто маскировка, — поморщился Акоп. Наша с Васей версия не пришлась ему по вкусу. — Откуда сумеречным знать о Виталике, да еще задолго до того, как они узнали о его даре?

— Но они могли знать что-нибудь еще, связанное с карликом? Да и жрец что-то чересчур сильно взялся за мою поимку! Видел бы ты его, когда он узнал о том, что я хранитель дара!

— Мы не можем отметить ни одной из версий, — произнес Сом, — но пока лучше придерживаться той, что Штамм просто маскируется. Нам останется напасть на него, связать, скрутить и можно праздновать победу! Верно я говорю?

— Верно! — подтвердил наш неровный хор. А Вася спросил:

— Сколько нас пойдет?

— Все мы. Евгений Валерьевича, наверное, придется оставить, — ответил Акоп. — Он еще не восстановился полностью, а нам нужны по-настоящему сильные люди.

— Можно несколько десятков людей отправить сразу к Новоозерску, — предложила Вероника. — Пусть они не входят в город, а дожидаются нас. Мне кажется, что Штамм будет окружен неплохой защитой.

— Но у нас есть преимущество! Он будет думать, что Николай везет ему Виталика и уж никак не будет ожидать нападения!

— Все верно, но предохранимся надо. — Вася встал. — Итак, через четыре часа приезжает Николай. Кто-то должен остаться, чтобы не возникло подозрений, и передать ему Виталика. Остальным, пожалуй, лучше всего выехать сейчас. Акоп, ты ориентируешься по картам лучше нас, тебе и вести! I

— А кто останется? — спросил Сом.

Все замолчали. Оставаться, ясное дело, не хотелось никому. Акоп и Вася нужны были как проводник и очень хорошая сила. Вероника хорошо знала Новоозерск, ну а Сом... Может, ему и остаться?

Наверное, так подумали все, но сам Сом неожиданно помотал головой:

— Не выйдет, господа. Я слишком давно не разминал косточки в этом Краевском. Надоело уже. Хочу приключения! И вы меня ни за что не остановите! Воин я, в конце концов, или тряпка?

— Тогда кто? — Вася переводил взгляд с одного лица на другое. — Догнать нас он не успеет, значит, ему придется остаться здесь.

— Евгений Валерьевич, — эхом отозвалась Вероника, — он может все это сделать!

Вася облегченно вздохнул:

— Думаешь, он не будет рваться с нами?

— А что поделаешь? Так он принесет много пользы.

— Ну, тогда кто ему об этом скажет?

— Я скажу, а вы езжайте, — неожиданно произнес я. — Договоритесь обо всем, чтобы я вас не слишком долго ждал в поездке.

— Все будет отлично, золотко! — воскликнул Сом. — Мы еще попьем с тобой пивка на пару.

Я задумчиво кивнул.

Как сказать обо всем старику? Черт возьми, проблема!

Евгений Валерьевич, казалось, миг постарел еще лет на двадцать.

Лицо его осунулось, блеск в глазах потускнел. Он устало присел на краешек кровати, положив руки на спинку.

— Повтори еще раз, — потребовал он тихим голосом, совсем не похожим на его прежний громовой бас.

Я рассказал ему все, что произошло, начиная с нашего разговора на кухне. Закончил тем, что предложили ему, Евгению Валерьевичу, друзья.

Не слишком важная роль во всех наших действиях, но и их надо было понимать. Они все беспокоились прежде всего за его здоровье, что бы там ни говорил Акоп насчет полного распада личности у игроков.

— Значит, меня попросту кинули, — вздохнул Евгений Валерьевич, не поднимая глаз. — Что ж, приятно осознавать, что кого-то еще беспокоит мое здоровье.

— Поймите, Евгений Валерьевич, они думали о вас, — не слишком убедительно сказал я. — Это не просто игра по правилам в подzemке или еще что... это настоящая война. Уже без правил и без всяких моральных принципов.

— Ты думаешь, я не понимаю? — перебил он меня. — Не первый год на этом свете живу. Такого навиделся, что тебе и не снилось...

— Просто наша задумка слишком опасна. Вы еще не до конца выздоровели, чтобы рисковать.

— Да я здоровее тебя в сто раз, мальчик мой, — проворчал Евгений Валерьевич. — Не в этом дело. Не думай, что я считаю вас всех подлыми предателями. Совсем нет, я даже не держу на вас никакой обиды. Хотите, чтобы я здесь остался и передал тебя Николаю? Пожалуйста! Но что мне делать потом? Мое место не у партизан, а среди игроков. А я остаюсь здесь совсем один? Как я буду выбираться?

А ведь он совершенно прав! Мы оставляем его, по сути, в совершенно чуждой для него обстановке. Да еще и среди людей, которых он не то чтобы презирал, но видел в каждом из них свой собственный просчет. Подтверждение того, что он не смог выбрать подходящую кандидатуру игрока. Вернее, игроков!

— Ладно, — всплеснул руками Евгений Валерьевич, — я так понял, что теперь мы не увидимся с тобой довольно длительное время. Если вообще когда-нибудь встретимся. И меня могут убить, и ты можешь погибнуть.

— Мы встретимся потом, — произнес я не очень уверенно. Лицо Евгения Валерьевича стало каким-то грустным, словно он точно знал, что моим словам сбыться не суждено. — Нет, правда, встретимся. Когда все закончится, сумеречные будут разгромлены, и вы станете наконец свободными от всех правил и сможете жить вечно, тогда я найду вас. Или вы меня, если захотите, конечно, иметь дело с таким... человеком.

— Сказки все это, — грустно улыбнулся Евгений Валерьевич, — а я уже не так молод, чтобы в них верить. Даже если мы победим, ты не захочешь оставаться с нами.

— Почему?

— Ты изменишься. Не только физически, постареешь, конечно, но и морально. Ты же земной человек, ты прикован к земле, и тебе захочется иметь жену, растить детей, собственными руками построить свой дом.

— Неправы вы, Евгений Валерьевич, — я помотал головой. — Я не такой. Мне не надо этого. Возможно, наверное, когда-нибудь я и захочу остепениться, но не так, как вы думаете. Далеко не так. Я рос в другой среде. Я и подобные мне так же не похожи на людей, как вы на партизан. У нас другой склад характера и образ жизни, так что... мне уже никуда от вас не деться. Уж лучше жить с вами и умереть среди вас, чем вот так, как я жил раньше. Мир все равно не примет вора и карманника. Пусть я даже сто раз спасу его от сумеречных! Евгений Валерьевич усмехнулся:

— И все-таки я привязался к тебе, Виталик. Знаешь, мне грустно, что нам приходится прощаться с тобой таким вот образом.

— Но мы еще не прощаемся. Нам еще вместе работать четыре часа, — напомнил я, — да и потом, наверное... как-нибудь.

— Давай все же обнимемся напоследок, — предложил старик.

Мы обнялись. Крепко, по-дружески. Тут только я понял, насколько близким человеком для него я стал. Может, у старика чересчур разыгрался комплекс внука, а может, он просто давно не общался ни с кем из простых людей и вдруг понял, как устал без этого. Я не знал. Его подбородок уперся в мое плечо, и он сказал:

— А из тебя бы вышел очень хороший игрок! Высшего класса!

— Спасибо, — прошептал я, — спасибо.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сом, Вероника, Вася и еще шестеро партизан выехали спустя час, еще через два часа с третьего на первый этаж спустился Евгений Валерьевич.

Я сидел в кресле и лениво перелистывал какой-то журнал.

С минуты на минуту должны были появиться сумеречные во главе со жрецом, но пока

за стеклянными витринами Театра все было тихо и спокойно. Ничего не знающие люди проходили, пробегали, проезжали мимо, и никто не обращал на меня внимания. Им не было дела до того, что творится вокруг. Каждый из них жил в своем собственном мирке, в котором и так хватало проблем, забот и радостей. Какое им дело до молодого парня, сидящего внутри закрытого Театра Уродцев и читающего журнал? Правильно, никакого.

Евгений Валерьевич оделся в костюм бизнесмена. Черные отутюженные брючки, такой же черный пиджак. В тон галстук. Волосы аккуратно уложены. И еще от него пахло каким-то приятным одеколоном.

— Ты готов? — поинтересовался он, присаживаясь в кресло около меня.

— Если бы я был философом, то ответил бы, что к этому никогда нельзя быть готовым, — ответил я, — но я не философ, и поэтому если хотите, то да, я готов.

Евгений Валерьевич улыбнулся:

— Страшно?

— Спрашиваете! Еще как страшно! Вы думаете, что я уже давно привык к тому, что все вокруг постоянно убивают друг друга, взрывают машины и все такое в этом духе? Ни фиги! Мне еще ни разу не приходилось выпрыгивать из горящей машины!

— Мне, кстати, тоже, — ответил старик, — но, говорят, ощущения такие, словно прыгаешь из самолета без парашюта!

— Особенно, наверное, когда приземляешься!

— Наверное... — Евгений Валерьевич помолчал. Стало слышно, как на улице мама успокаивает дико орущего ребенка.

— Знаешь, что я тебе скажу напоследок, — произнес Евгений Валерьевич задумчиво. — Ты поищи хорошенько в больнице... ну, библиотеку эту. Сдается мне, что в ней-то весь ключ к загадке твоего дара. Да наверное, и не только твоего. Всего нашего.

— Что вы имели в виду?

— Ты смотрел фильм, который спроектировал Вася?

— Виртуальный? Смотрел.

— Но ведь этого на самом деле никто не видел. Я вот о чем тут подумал на досуге. Знаешь, делать нечего... Вот и ударился в размышления, как ученый какой. Из первых игроков до наших дней не дожил никто. И поэтому никто не может подтвердить, как все было на самом деле. Только легенды, передаваемые из уст в уста, да рассказы. Ни одного точного факта.

— А как же Вероника? Говорили, что она в Игре с самого ее начала?

— Правильно, но она не видела Создателей. Ее приняли в Игру несколько лет спустя. Для нас ведь плюс-минус два года ничего не значат...

— И все-таки я не могу понять, что вы хотите сказать?

— Знаешь, Виталик, я подозреваю, что здесь дело не только в Создателях. Поищи, пожалуйста, библиотеку или то, что от нее, возможно, осталось, и найди хоть что-нибудь в доказательство того, кто мы все есть. Что-то не верится мне, что все так просто... Тогда у нас и повод возникнет встретиться вновь.

— Что-то я запутался, — пробормотал я, откладывая журнал, — но в любом случае постараюсь сделать то, о чем вы попросили. Мне, знаете, и самому интересно, что происходит вокруг и кто я такой!

У тротуара остановился синий "форд", за ним следом еще две белые "семерки".

Остановились, хотя на светофоре горел зеленый свет и остальные машины проезжали мимо.

Я напрягся. Вот и началось. Черт возьми! Наконец-то! Если перед этим я немного боялся, то, как только одно из окошек "форда" стало опускаться, что-то внутри меня со звоном оборвалось, и бояться я перестал. Только какая-то пустота внутри живота, и голова немного закружилась. Как в детстве, когда меня сильно укачивало в машинах и, как правило, начинало поташнивать, едва только мы приближались к этому хромированному средству

передвижения.

Окошко опустилось, и из темноты салона вынырнуло толстое и как всегда потное лицо жреца. Он улыбался. И смотрел прямо на меня. Да, конечно, он видел меня сквозь стекло. Так что надо было начинать действовать.

— Пойдемте. — Я поднялся и неторопливо пошел к дверям. Евгений Валерьевич, припадая на одну ногу, последовал за мной. Мы вышли.

На улице было жарко, и я порадовался тому, что надел только легкую рубашку без рукавов. А вот Евгению Валерьевичу придется туго. Но он ведь не поедет с нами, верно? А дальше, сдастся мне, будет намного жарче. Особенно на шоссе между Новоозерском и Сочи.

Мне вдруг стало холодно. Не знаю уж почему, но по спине едва заметно пробежала волна холода, добралась до затылка и, встопорщив волосы, растворилась.

А если ничего не получится?!

— Вновь очень рад вас видеть, — улыбнулся Николай, — а я-то уж было подумал, что вы передумаете!

— Мы свое слово держим, — ответил Евгений Валерьевич, — а вот ты, похоже, нет.

— Не надо так сразу, Евгений, — картинно поморщился жрец. — То, что мы сделали с тобой, уже в прошлом. Забудь обиды. Сейчас время для культурных разговоров!

— Прекращай строить из себя дипломата, — сказал Евгений Валерьевич. — Когда-нибудь я вскрою твою черепушку! Лучше скажи, где игроки Зари?

— За углом, в "КамАЗах". Один мой жест, и их отпустят. Только сначала Виталик должен сесть ко мне в машину!

Я сделал шаг назад. Двери "семерок" приоткрылись, и оттуда показались дула пистолетов и угрюмые лица сумеречных. Четыре человека. На вид вполне обычные люди. Вот только глаза их... без зрачков.

— Пока прошу по-хорошему, — произнес жрец, — дальше видно будет.

— Не пойдет, — покачал головой Евгений Валерьевич. Он стоял в какой-то странной, расслабленной позе, чуть опустив голову, разглядывая жреца исподлобья, засунув руки в карманы. Казалось, он был абсолютно уверен в своей безопасности.

А еще все это сильно напоминало сцену из старинного гангстерского фильма. "Крестный отец", кажется.

— Сначала я увижу освободившихся игроков Зари, а уж потом Виталик поедет с вами. Иначе какие гарантии?

— А при чем здесь вообще ты? — неожиданно поинтересовался жрец. — А где Вася? Вероника? Сом, на худой конец? Что это они выставили забитого старика для переговоров столь высокого класса.

— Я еще раз повторяю: не выпендривайся, — медленно произнес Евгений Валерьевич и поднял голову.

Что-то увидел в его глазах жрец, потому что улыбка резво слетела с его лица, и он даже немного отстранился внутрь салона.

— Николай, мы здесь тоже не так беззащитны, как тебе кажется. Если с твоей стороны прозвучит хоть один выстрел, будь уверен, что мы ответим тем же.

— Не стоит, — жрец вновь попытался улыбнуться, но у него плохо получилось. Все-таки нас он побаивался, как ни старался это скрыть, — да и людей напугаем, верно? Давай сделаем так — я отпускаю твоих игроков, и как только они выходят из-за поворота, Виталик садится в машину. Идет?

— Черт с тобой. — Евгений Валерьевич посмотрел на солнце, затем вновь опустил голову, — Ты же понимаешь, что мы успеем взорвать твою машину в случае подвоха в любой точке города.

— Посмотрим, Евгений.

Николай скрылся в машине. Следом скрылись и сумеречные.

Мы ждали.

У меня вспотел лоб, и по виску медленно стекла капля пота.

Получится или нет?! Поедем ли мы в Новоозерск?! Действительно ли тот доктор и есть Штамм?! Никто из нас не знал точно. Просто мы пересекли ту черту, когда можно было принимать обдуманные, правильные решения. Теперь пришло время риска, потому что иного просто, не оставалось.

Либо мы сумеречных, либо они нас. Как пить дать.

Из-за поворота показалась первая партия игроков Зари. Разношерстная толпа людей.

Мужчины, женщины, подростки в изорванных куртках. На вид они ничем не отличались от обычных. Но у них был дар. И они были бессмертными. Правда, играть им, наверное, больше не удастся.

Люди толпились, щурясь от дневного света, и медленно продвигались в нашу сторону. Я заметил того растяпу-мужика, с которым встретился в подземке, Максима. Сейчас он шел, немного пошатываясь, и держался рукой за голову. Вторая рука безвольно болталась вдоль тела. Люди, которые узнали Евгения Валерьевича, ускорили шаг. Обычные прохожие обходили их с таким видом, словно это шел цыганский табор, распеваяющий песни. Но вокруг было абсолютно тихо. Ни один из освобожденных игроков не произносил ни слова. Мрачное зрелище.

— Ты доволен? — донеслось из машины, и ближайшая ко мне дверца приотворилась. — Теперь выполняйте свое обещание!

Я повернулся к Евгению Валерьевичу. Он смотрел на меня. Не моргая.

И мне стало ясно, что больше мы с ним не увидимся. Возможно, никогда. Хотя кто его знает? Я же не предсказатель, просто чувство такое.

— Прощай, Виталик, — произнес старик, — не забывай, если что. Навещай.

— До свидания, Евгений Валерьевич, — я кивнул, — и вы не забывайте.

Он ко мне действительно привязался. Это было видно по его грустному взгляду, по его слегка наклоненной голове, да и по всей позе. Не хотел он меня отпускать. Жуть как не хотел. Но что поделаешь?

— Быстрее, — нервно процедил жрец из автомобиля, — не семечки щелкаем. Война, как-никак!

— Главное — позвоните! — прошептал я, крепко сжимая старческую руку. Он тоже ответил совсем не слабым рукопожатием и подмигнул.

— Все будет в порядке, Виталик.

Я развернулся и неторопливым шагом подошел к "форду", залез в темный салон и захлопнул за собой дверцу.

Вот и все. Отрезан от настоящего мира. По крайней мере, на ближайший час.

Евгений Валерьевич за окном развернулся и пошел навстречу людям, которые, узнавая его, пожимали ему руку и что-то радостно говорили.

— Поехали, — проворчал жрец сидевшему спереди водителю, — а то им еще придет в голову оторваться на нас.

Глухо заворчал мотор, и мы поехали.

Зажегся мягкий свет. Я откинулся на сиденье, откинув голову на мягкую спинку, и посмотрел на жреца сквозь чуть приоткрытые глаза:

— Ну, так и что будем делать, господин хороший?! Жрец сидел ко мне полубоком, внимательно разглядывая. И пистолета из руки не выпускал.

— Когда приедем, увидишь, — ответил он, — но тебе не понравится! Хочешь ты того или нет, мы все равно заставим твой дар работать на нас.

— Пожалуйста, — я пожал плечами, — жалко, что ли? Автомобиль мчался по улицам Камска, и я молча разглядывал проносящиеся мимо многоэтажки, магазины, ларьки и прохожих. А что еще делать? Даже рассуждать о том, что ждет этот город впереди, не хотелось. Его же, наверное, тоже захватят, если у нас ничего сегодня не получится. И по улицам уже будут ходить не беззаботные люди, а совсем другие существа. Не люди. Но и не кто-то другой. Просто существа.

— Николай, скажите мне, как вам удалось выжить там, в магазине? — спросил я через

некоторое время. Надоело молчать.

Жрец вздрогнул, словно чуть задремал до этого с открытыми глазами, и переложил пистолет из одной руки в другую:

— Тебе интересно?

— Просто скучно вот так ехать и молчать. Жрец усмехнулся:

— Скажи лучше — страшно ехать и молчать, а не скучно. Я бы на твоём месте боялся!

— Но вы же не на моём месте, — заметил я. — Может, у меня иммунитет к страху, так что перейдем на другую тему. Ну так что же? Вы упали на первый этаж и чудом не попали под обломки второго? Или успели выскочить из магазина вообще?

— На мне все заживает как на собаке, — ответил жрец, — так что я не увернулся от обломков и даже не успел выскочить. Меня тоже завалило. Прямо на мне лежал придавленный плитой Петр, и это, наверное, сыграло мне на руку. Меня не расплющило в лепешку, хоть и зацепило ноги. Они и сейчас болят, хотя уже меньше. А левая уже начала вновь обрастать кожей.

— Это поэтому вы прихрамывали в Театре?

— Конечно. Не из-за того же, что ты ударил меня вентилятором!

Действительно. На лице его я не заметил никакого шрама, хотя точно помнил, как лопасть вспорола ему щеку. У обычного человека подобная рана заживала бы не меньше месяца. А тут всего несколько дней...

— Действительно, как на собаке. И как же вам удалось выбраться?

— Я лежал под плитами, зажатый, как палец в горлышке бутылки. И что мне оставалось делать, кроме как пытаться вылезти? Кровь Петра чудесно подошла для роли масла или мыла, позволившего мне вылезти из-под плит целым и невредимым! — Жрец улыбнулся, явно гордый своей выдумкой. — Правда, я сломал свой охотничий нож и привел Петра в плохое состояние. Видел бы ты меня в тот момент. Я был похож на маньяка в момент совершения убийства! Если бы я не был игроком, то меня бы стошнило!

Я представил себе жреца — весь в крови, кажущейся черной в бликах огня, с кончика ножа свисает оборванный лоскут кожи, мокрые волосы прилипли к затылку. Хотя, какие у него волосы? Так, одно воспоминание. Но зрелище, наверное, было действительно не из приятных.

— Ну, а проследить за вами, как я уже говорил, было легче легкого. Тем более что город был уже полностью изолирован от людей и контролировался нами! — Жрец всплеснул руками, радостно засмеявшись. — И видишь, как все отлично получилось?! Теперь и ты в нашей власти!

— И чему вы радуетесь? — поинтересовался я. Мы уже выехали из города и теперь ехали через небольшие лесополосы. Тень от деревьев накрывала машину.

— Как это чему? — удивился жрец. — Я видел твой дар! Я знаю, что ты можешь сделать, если направить твою силу в нужное русло! Ты поможешь нам одолеть людей и игроков Зари!

— Вы уверены? — уточнил я. Мне вдруг захотелось рассказать ему все. Увидеть, как округляются, вылезают из орбит его глаза от удивления. Как он не может подобрать нужных слов и рот его открывается и закрывается, как у рыбы. Ну, а потом... Нет, еще слишком рано. Я еще успею насладиться подобным зрелищем. Еще час.

— А почему бы мне не быть уверенным? — Жрец подозрительно сощурился. — Ты ничего не скрываешь? Что-то мне показалось, что Вася с Вероникой слишком легко тебя отдали!

— Не забывайте, что я с самого начала не слишком-то и был им нужен. Это Вероника хотела спасти меня от Исправителей. А когда выяснилось, что их уже нет, то и забота обо мне отпала.

— А про свой дар ты им ничего не говорил? Знаешь, Виталик, можешь считать меня дураком, но я не поверю, если ты кивнешь!

Я и так считал его дураком, тем более что мы уже говорили об этом, но не кивнул, а

пожал плечами:

— Нет, почему же, я говорил им. И они даже пытались определить мой дар!

— Ну и?

— И ничего не вышло. Дело даже не в том, что у них слишком слабое оборудование. Это не так. Просто дар мой какой-то особенный. Он сам проявится, когда наступит время.

Я злорадствовал, видя, как меняется лицо жреца. Он был явно разочарован моими словами. Но старался не подавать виду.

— Что ж. Я не сильно тебе верю, — пробормотал он, — но все же хочу сказать, что у нас техника гораздо лучше той, которая есть у игроков Зари. А тем более у партизан... Кстати, о них... Виталик, ты же понимаешь, что это война. Триста игроков, конечно, очень хорошая цена за твою особу, но ты же понимаешь, что это значительно укрепило бы силы игроков в Камске...

— Не понимаю. Что ты с ними сделал?

— Я? Ничего. Но вот некоторые наши биологи... гхм... — Жрец не сдержал зверскую улыбку...

Наверное, у меня что-то в голове заклинило. В глазах вдруг потемнело, и очнулся я уже плотно прижатый сильными руками шофера к сиденью. Николай и еще

один сумеречный туго перетягивали мои руки веревкой. Скула болела. Из носа на губы стекала тонкая струйка крови.

В ушах гулко отдавался голос диктора из включенного радио:

"Два дня назад, как известно, около Луны был обнаружен предмет неизвестного происхождения. Ученые долго спорили, что делать с ним и наконец решили переправить его на Землю для более подробного изучения. Подозревается, что предмет даст толчок в исследованиях глубокого космоса и поможет ответить на многие вопросы, связанные в основном с темой "Есть ли жизнь во Вселенной", кроме нас самих? Вчера американский шаттл "Ньюсдюк" взял неизвестный предмет на борт и в ближайшее время ожидается, что он будет доставлен на Землю для подробнейшего изучения. Но уже сейчас многие ученые поговаривают о сенсации мирового масштаба..." Где-то мне это уже доводилось слышать. Но сейчас меня интересовали более важные проблемы.

— Что произойдет с игроками?! — прохрипел я. С каждым словом в глазах темнело и начинало немного поташнивать.

— Ничего для них неприятного, — улыбнулся жрец. Его волосы взлохматились и торчали во все стороны. Сам он здорово вспотел. Видно, я действительно сорвался. — Если не считать того обстоятельства, что они просто умрут во сне.

— Все триста человек?!

— Ну, и еще те, кто будет есть с ними из одной посуды, пить из одного стакана... — Жрец просунул между плотно связанных запястий конец веревки и удовлетворенно похлопал себя по коленям. Сумеречный вновь переместился на переднее сиденье.

Я попробовал выпрямиться, и спина тотчас отозвалась острой болью. Видно, меня еще и нехило попинали.

Машина вновь завелась, и мы поехали. Лесополосы закончились, и начались вспаханные поля. В салоне стало невыносимо жарко, вдобавок захотелось пить.

Совсем скоро начнутся холмы. И тогда... Черт возьми, тогда я лично прибую эту толстую суку! Зря я не добил его в кабинете Цитадели. Надо было. Но кто же знал, что все так обернется?

Дуло пистолета в руках жреца смотрело мне в грудь.

Несколько минут мы молчали. Я чуть повернулся в кресле, насколько это позволяла болевшая спина и связанные руки, и заметил, что сзади нас едет еще одна машина. Тоже, наверное, сумеречные. Эскорт?! Здорово же меня охраняют! Справятся ли с ними девять человек? Справятся! Почему бы и не справиться?! Ведь они нападут неожиданно, а это самый важный фактор любой битвы! А вот что делать мне? Какие гарантии, что меня не убьют в тот самый момент, когда сообразят, что на них организована засада?

Я откинул пока эти мысли. Спустя еще минут двадцать мы проехали дорожный знак, возвещающий, что до Новоозерска осталось чуть меньше ста километров. Значит, действительно едем туда. Хоть это радует. Я сделал вид, что не заметил вывески, опустив глаза в пол и изображая, будто ковыряюсь пальцами в веревках. Жрец по-прежнему не сводил с меня настороженного взгляда. Увидев, что я посмотрел на него, он разомкнул жирные губы и спросил:

— Как самочувствие?

— Голова болит, — прохрипел я как можно жалобнее. — Стоило так бить?

— Если бы тебя не ударили, ты бы перегрыз мне горло, — мрачно усмехнулся жрец. — Это у тебя дворовые инстинкты проснулись?

— Почти, — сознался я.

Интересно, что на меня нашло? Раньше такого никогда не бывало. Но, наверное, раньше я никогда не узнавал, что за мою жизнь пожертвовали тремястами с лишним человек. И ведь как подло! Словно звери какие, а не люди! Отравить! Заразить! Обречь на неизвестную гибель! И Евгений Валерьевич... Он ведь ничего не знает... Наверное, это самое худшее в жизни — знать что-то важное, но ничем не помочь. Знать, что человек может умереть, и никак не спасти его...

Я сплюнул кровавой слюной прямо под ноги жрецу и втянул носом кровавые сопли. Вновь сплюнул. Боль в голове затихла, но перед глазами все еще бегали темные пятнышки.

— Ладно, не расстраивайся, — примирительно сказал жрец, — с кем не бывает?

— Заткнись, — буркнул я, но он пропустил мои слова мимо ушей.

— Тебе через пару часов будет все равно, я уверен. Наши ученые умеют раскрывать не только такие возможности, как у тебя.

— Они у вас тоже инквизиторы?

— Не все, но большинство. А еще некоторые пробовали свои силы на Лубянке. В гестапо, правда, не довелось побывать никому, а то мы бы захватили Землю гораздо быстрее.

— Вы сумасшедшие, — заверил я. Время приближалось!

— Возможно! Но и Гитлер был сумасшедшим, что не мешало ему стать почти королем всего мира!

— Ваш идеолог Гитлер?

— Нет, — покачал головой жрец. — Гитлер был шизофреник. Он хотел смерти всех, а мы лишь хотим жизни себе. Жить безо всяких правил, и чтоб никто не мешал, разве это не прекрасно?

— Это одно и то же.

— Это не одно и то же, — мягко возразил жрец. — Ты и сам поймешь. Потом.

— Вряд ли.

— Я уверен. — Жрец откинулся на спинку сиденья и стал рассматривать пейзаж за окном.

Поля закончились, и наконец-то начались холмы.

Значит, уже совсем скоро. Вася говорил что-то насчет дорожного знака с изображением оленя. Вроде того, чтобы сбавляли скорость, потому что на дороге может быть животное. А о том, что будет дальше, мы как-то не рассуждали. Вася сказал, что об этом надо будет хорошенько подумать, и они все ушли. Потом я видел их только тогда, когда они отъезжали на двух "копейках". Вот уж не знал, что подобные реликты еще ездят. Наверное, только в таких городишках, как Камск. И ни Вася, ни Вероника, ни Сом ничего не сказали, кроме того чтобы я не сильно волновался, все пройдет гладко и без сучка и задоринки.

Хорошо, вот знак. Изображен олень и под ним предупреждение — сбавить скорость до сорока километров в час. Мы только что проехали его. А дальше что?

"Форд" вдруг взвизгнул тормозами. Машину дернуло. Жрец не успел даже удивиться, как вдруг его со страшной силой швырнуло вперед, прямо на спину водителя. Сидящий на переднем сиденье сумеречный со всей силой ударился грудью о бардачок, издал какой-то звук, похожий на хрюканье, и обмяк. Меня тоже швырнуло вперед, но так как я был зажат

между сиденьями, то меня всего лишь немного сдавило и спасло от того, что произошло потом: переднее стекло вдруг лопнуло! Мелкие осколки ворвались внутрь, осыпая сумеречных и меня, впиваясь в кожу и путаясь в волосах. А уже следом раздался большой бу-ум!.. И нас перевернуло!

Кажется, задняя машина, не успев сбавить скорость, со всей силы врезалась нам в зад! Я вдруг потерял ориентацию и на секунду не смог сообразить, где верх, а где низ! Больно стукнулся затылком об обшивку потолка кабины, потом вдруг задел челюстями спинку кресла, вновь крыша; жрец, взмахнув рукой, едва не огрел меня пистолетом!.. И мы упали! На крышу!

Все пространство вокруг заполнял грохот и скрежет! Громыхало так, что я не слышал вообще ничего, кроме звуков ломающихся кресел, выворачиваемого бардачка и прогибаемых перегородок!

Нас пронесло несколько метров, а затем машина начала плавно останавливаться и вскоре замерла совсем.

Кто-то дико заорал спереди. А вернее, оттуда, что сейчас представляло собой сплошное месиво из обивки, крови, пружин и много чего еще!

Я попробовал дернуться и понял, что зажат между проломленной крышей и креслом. Одна моя нога попала в щель и застряла, уткнувшись пяткой в песок.

И только спустя секунду пришла боль. Я заорал как только мог, во всю силу легких! Ногу жгло и, казалось, выворачивало наизнанку. В спину уткнулось что-то твердое и острое, от чего болел позвоночник! Шум в голове не стих, а, наоборот, стал еще сильнее. Контузия — вот как это называется! Снаружи вдруг раздались выстрелы! Кто-то бежал в нашу сторону! Я вывернул шею как мог, вглядываясь в то, что осталось от задней части "форда". Вторая машина тоже лежала на крыше, но из нее уже вылезали сумеречные. Двое неуверенно, пошатываясь, и еще трое резво побежали в разные стороны, выхватывая на бегу оружие. Их автомобиль разворотило не так сильно, как наш.

Кто-то в салоне с силой ударил ногой по двери, и она со скрежетом отлетела в сторону. Хриплый голос грязно выругался, и следом раздались первые выстрелы. В узком пространстве смятой машины эти выстрелы прозвучали как удары гигантского колокола всего в метре от меня! Звуки эти отдались в ушах адской болью. С улицы застреляли в ответ!

Что они там, забыли обо мне, что ли?! Я вновь дернулся, стараясь вырваться из плена, но ничего не вышло. Вдобавок прямо передо мной сиденье вдруг развалилось, и... появился жрец.

Вернее, его перекошенное от боли, жирное лицо! Следом — дрожащая рука с пистолетом, дуло которого уткнулось мне в бедро!

Его тоже зажало двумя кусками вывернутого металла почти по пояс, по крайней мере, насколько мне удалось разглядеть за те короткие мгновения, пока он не загородил свое тело руками, пытаясь подползти ко мне как можно ближе. Хоть вокруг и так не оставалось свободного места, у него это почти получилось. Жирное лицо оказалось в опасной близости от меня. А дуло уперлось еще сильнее в бедро. Если он выстрелит, то меня просто разнесет снизу.

Не слишком приятная смерть!

А мои руки по-прежнему были крепко перемотаны веревкой, которая разодрала все запястья, пока мы катились.

С улицы теперь уже стреляли непрерывно. Кто-то пробежал совсем близко от машины.

Откуда-то спереди раздался хруст стекла.

— Шевельнешься — пристрелю как собаку! — прошипел жрец одними губами. Здоровая капля пота стекла со лба прямо ему в глаз, и он часто заморгал, дернув головой. Я замер.

— Твои придурки-друзья устроили, значит, засаду! — Тряхнув головой еще раз, жрец склонился над самым моим ухом. — Я не стану интересоваться, откуда они узнали, что мы

едем по этой дороге, но скажу тебе одно: если придется умирать мне, то умрешь и ты! Мне наплевать, какой там у тебя, к черту, дар! Пускай ты не достанешься ни Штammu, ни своим игрокам Зари! А мне терять нечего, я и так прожил уже довольно много и мне есть, что рассказать Создателю!

— Виталик! — крик Вероники. Я вздрогнул, услышав его. Дуло пистолета сильнее вошло в мое бедро, правда, дальше дотянуться жрец не мог. Он передернулся от боли, мотнув головой, словно хотел отогнать боль, и вдруг его стошнило кровью! Прямо на мои брюки! Кровь лилась у него и изо рта, и из носа, а он еще и кашлял, взхлеб, пытаясь остановиться, но не мог. Я с ужасом увидел, как глаза его передернула мутная дымка и... у него исчезли зрачки. Они стали серыми и гладкими. За веками клубился мутный туман!..

Я инстинктивно отпрянул назад и больно ударился головой о перегородку.

Вывихнутая и застрявшая нога отдалась в голове тупой болью, и я застонал.

Жрец захрипел, втягивая в себя воздух, и начал часто-часто моргать.

— Никуда ты не пойдешь! — прошипел он. Глаза его вновь стали обычными, а все лицо покрылось крупными каплями пота.

За его спиной я вдруг четко разглядел блики огня. Так, машина горит! А я застрял. Как и жрец! Вот чего он хочет — не выпустить меня, раз уж он сам не может выбраться!

— Ничего не получится! — сказал я. — Ты так ничего и не понял! Вы проиграете! И не только из-за меня. Из-за вашей глупости! Вы сильны только своими дарами, и совсем не понимаете, что у людей в сто раз сильнее развит инстинкт самосохранения, чем у вас! Вы же совсем не боитесь смерти, потому что думаете, что бессмертны. Но ведь это не так. Вот ты сейчас сгоришь, и ничто тебя не спасет. Даже Создатель! Ему вообще наплевать на тебя!

— Заткнись, — процедил сквозь зубы жрец, — заткнись!

— Ты не сделаешь даже этого! Тебе ведь хочется посмотреть, как я мучаюсь вместе с тобой, сгорая заживо! — Становилось действительно жарко. Теперь я уже совершенно отчетливо различал шум и треск горящей обшивки и кресел. Жреца вновь передернуло.

Кто-то снаружи вновь прокричал мое имя. Выстрелы уже стихли. А я все лежал в этом гробу и совершенно не представлял, что делать! Осторожно попытался высвободить ногу из щели, но... здесь совершенно невозможно было пошевелиться. Чуть я дернулся, как жрец дернулся следом. Его свободная рука вцепилась в мою штанину.

— Ник-куда!! Не пойдеш-ш-ш-ш-шь! — зашипел он.

И тут обшивка над моей головой с треском разорвалась, словно это был кусок картона. В нашу гробницу резко ворвались лучи жаркого солнца. Чьи-то руки подхватили мое тело и бесцеремонно подняли. Зацепившаяся за железку нога едва не хрустнула, но я сдержался и не заорал.

А вот жрец вдруг стал извиваться! Он дернулся было следом за мной, держась за штанину, но его пальцы разжались, потому что куртка у него на спине вспыхнула и огонь стал быстро перебираться по всему телу. Пистолет в руке задергался, и он начал стрелять! Наверное, жрец нажимал на курок только из-за того, что ему было невыносимо, чудовищно больно!

Но мне было все равно. Кто-то приподнял меня над машиной и положил недалеко, прямо на асфальт.

Нога неосторожно подвернулась, и в глазах вновь потемнело от боли. Я тряхнул головой, оборачиваясь, чтобы разглядеть неизвестного спасителя.

И вот теперь мне стало действительно плохо! То, что высвободило меня из покореженного автомобиля, больше всего походило на сказочного дракона, стоящего на задних лапах. У него была плоская, вытянутая морда, с небольшими роговыми образованиями над ноздрями. Узкие глаза-щелочки, заостренные уши.

Все тело состояло из переплетения мышц, туго обтянутых бордовой кожей. Длинные лапы заканчивались узкими пальцами с острыми когтями. За спиной едва шевелились два небольших крыла. Передние лапы были немного меньше задних, на которых он стоял, и имели три сустава.

А еще все существо было усеяно мелкими капельками крови.

— Ты был на волоске от смерти! — сообщило существо... до боли знакомым голосом...

— С-с-сом? — выдавил я, не в силах сдерживать удивления.

Из горящей машины уже не кричали, только треск огня и шипение выходящего воздуха...

Существо захохотало грубым басом. Все его мышцы затряслись одновременно.

— Я же говорил, что я — воин! А воины должны быть сильными, ловкими и уметь летать, — произнес он. — А ты что думал?! А?

— Господи, да я не ожидал как-то! — пробормотал я. За спиной существа показалась Вероника и еще двое игроков Зари. Один прижимал к груди пропитанную кровью тряпку и слегка прихрамывал.

Тут только я заметил, что вся дорога вокруг усеяна осколками, какими-то обломками и кровью. Недалеко от разбитого автомобиля, который ехал вслед за нами, беспорядочно валялись убитые сумеречные. Один из игроков Зари бродил между телами и, ничуть не смущаясь, шарил по их карманам и поднимал оружие. Недалеко лежали еще двое игроков Зари.

Совсем молодые парни... Хотя кто знает, сколько они уже прожили?!

— Николай?.. — спросила Вероника, подходя ближе.

— Сгорел, — закончил я, — туда ему и дорога! Что здесь произошло?

— Все отлично. Как и было написано в сценарии! — ответило существо. У меня язык не поворачивался назвать его Сомом-Лехой. Видимо, Вероника заметила, как я удивленно разглядываю существо, потому что тоже улыбнулась:

— Круто выглядит, правда? Я в первый раз тоже сильно испугалась.

— Кто это испугался? — Я потупил взор. — Просто интересно...

— Ха, интересно! — воскликнуло существо. — Ты боишься меня, по тебе видно!

— Не надо выпендриваться, — ответила Вероника. — Хватит болтать, пошли к машинам. Сегодня нам предстоит сделать еще кое-что.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Существо протянуло мне чешуйчатую лапу. Немного подумав, я ухватился за нее, утонув пальцами в какой-то тепловатой слизи, и поднялся. Нога продолжала ныть и, посмотрев на нее, я увидел, что штанина порвана почти до колена и вся голень и стертый кроссовок залиты кровью. От кроссовка вообще мало что осталось.

— Здорово ты притормозил! — хохотнул Сом. — Помочь?

— Сам дойду. — Я отпустил лапу и старательно вытер ладонь о штанину. Он заметил это мое движение и вновь сильно расхохотался. Странно было смотреть, как открывается и закрывается его пасть, дергается пухлый, раздвоенный на конце язык, и осознавать, что это и есть тот самый человек, который разгуливал в домашнем халате, тапочках и поил меня пивом, утверждая, что оно полезно для здоровья.

— А где Вася? — я огляделся. Его поблизости не наблюдалось.

— Пойдем в машину, там все расскажу, — отозвалась Вероника. — Сейчас сюда нагрянет милиция, а нам к их приезду надо быть уже далеко отсюда.

— Верно, — подтвердил один из партизан, у которого был разбит лоб. — А мы поедem назад, в Камск. Сообщим, что все прошло нормально.

Издали показалась фигура в темной куртке и с автоматом наперевес. Рыжая копна волос развевалась на ветру, небольшая темная шапочка сползла куда-то на затылок.

Акоп.

— Он убежать хотел, вы видели?! — возбужденно прокричал он, не дойдя до нас метров десять. — В лес тика-нул! Думал, что я такой дурак и совершенно не умею охотиться! Нет, вы представляете, когда я настиг его, он еще попытался меня зарезать!

Правда, драться совсем не умел... зато я себе такой ножичек приобрел! Загляденье! — Он помахал зажатый в одной руке ножом с широким лезвием и деревянной нарезной ручкой. — А! Виталик, ты уже здесь?! Быстро мы сработали, верно?!

Акоп бодро похлопал меня по плечу и поддержал, видя, что я вот-вот упаду от его ударов. Я действительно чувствовал себя настолько слабо, что едва стоял на ногах. Вернее, на ноге.

— Могли бы и поосторожнее! Не дрова же спасали.

— Пошли к машине, — твердо сказала Вероника, — а то так можно болтать до самого приезда ментов!

Она решительно развернулась и направилась по дороге к опушке. Партизаны пошли в противоположную сторону.

— Постойте, — окликнул я их. Они обернулись, вопросительно глядя на меня. — Не надо ехать туда... там зараза. Жрец сказал, что чем-то заразил всех игроков Зари, которых сегодня отпустил. И они разносчики болезни. Возможно, что все ваши друзья уже заражены.

Наступила гробовая тишина. Каждый по-своему обдумывал мои слова. Лица партизан не изменились, но по их взгляду я понял, что они сейчас чувствуют. Возможно, что у каждого из них были семьи, друзья, близкие им люди... А теперь их уже нет. Или не станет в самое ближайшее время.

— Надо было спасти и жреца, — пробормотал совсем тихо Акоп. — Я бы с удовольствием попробовал вкус его крови...

— Зверство, — коротко бросило существо-Сом. — Сумеречные превратились в каких-то зверей.

— Они чокнутые! Пойдем, — напомнила Вероника. — Надо ехать.

Существо сделало шаг и за короткое мгновение преобразилось. Я не успел увидеть, как это произошло. Вот стоял дракон — а вот уже Сом. Морда укоротилась, руки и ноги вновь стали обычными, пятипалыми, на голове отросли черные волосы. Хвост втянулся.

Сам же Леха продолжал идти вперед, словно ничего такого не произошло. Ну да, они же все привыкшие... Партизаны, постояв, все же пошли к своим машинам. Мы вышли на опушку, и я увидел белую "семерку", немного заваленную ветками для маскировки.

Акоп и Сом резво раскидали ветки и помогли мне залезть внутрь. Вероника села за руль.

— Где все-таки Вася? — поинтересовался я, когда машина тронулась и выехала на трассу. Мы стали стремительно удаляться от горящих автомобилей сумеречных.

— У меня в голове, — пояснила Вероника. — Только не удивляйся. Дай я все объясню.

Сом достал откуда-то сзади аптечку и стал смазывать мою ногу раствором, стирая кровь.

— Вася, наверное, говорил тебе, что он является потоком информации. Своего рода компьютерный человек, состоящий из цифр и света. Так вот, а я могу содержать в своей голове определенное количество информации. В этом смысле Вася ничем не отличается от содержания, к примеру, какой-нибудь книги. Вот я и взяла его к себе в голову.

— Но для чего?

— А как ты собираешься найти Штамма в больнице? — в ответ поинтересовалась Вероника. — Там же наверняка полным-полно сумеречных, которые нас просто так не подпустят. Они вообще сейчас ждут именно тебя, потому что Николай сообщил им о том, кого он везет. Для этого и нужно, чтобы Вася стал информацией. Через компьютер я запущу его в систему коммуникаций больницы, и он быстро найдет Штамма, а потом сообщит нам. Останется только добраться до него.

— А уж это сделать легче легкого. — Сом повертел в своих руках мою ступню и неожиданно резко ее дернул. Что-то звонко хрустнуло, и я подпрыгнул от боли.

— Ничего страшного. Обычный вывих, и пятку сvez, когда тормозил. — Сом порылся в аптечке и извлек из нее бинт. — Сейчас перевяжем, и к больнице ты уже подъедешь совсем другим человеком.

Некоторое время я наблюдал, как Сом перематывает мою ногу, смазывая бинт раствором, чтобы не прилипал к крови. Когда он закончил, я спросил: — Что все-таки произошло на дороге? Кто-нибудь расскажет мне?

— С удовольствием, — сказал Акоп. Автомат был зажат у него между ног, а нож он все еще вертел в руках. — Мы попросту, при помощи нашего общего друга Сомы, сделали в дороге небольшие углубления, которых было бы достаточно для того, чтобы автомобиль остановился, и прикрыли их детонаторами. Они срабатывали, стоило нам нажать на небольшую кнопчку вот здесь. — Из кармана Акоп вынул небольшой радиопередатчик и протянул его мне. — Асфальт взлетает на воздух, обнажая углубления, и автомобиль останавливается. Мы, правда, рассчитывали, что он затормозит, а получилось так, что задний автомобиль помог ему перевернуться, а потом перевернулся и сам.

— И все это вы проделали за час с небольшим? — изумился я.

— Не забывай, что у нас был Сом, — покачал головой Акоп, — у его монстра руки, что две совковые лопаты. Да еще и машин не так много было, и мы успели примерно

минут за десять до вашего появления. А с сумеречными мы уже разобрались без особого труда. Гораздо труднее было найти тебя. Ведь Женька не сказал, в какой именно машине ты находишься. Вдобавок они обе быстро загорелись.

— А им позвонить можно? — вдруг спросил я. — Что же вы раньше не сказали? Их же нужно предупредить, что они все заразны! Пускай ищут вакцину или еще что, я не знаю... У вас же там врачи есть!

— Отсюда не дозвониться уже, — покачал головой Акоп, — Я тоже подумал об этом, когда ты только сказал. Но у меня не такой мощный сотовый. Сигналы он еще кое-как принимает, а вот посылать не может.

— А у тебя, Вероника? У тебя же был информатор?

— Зато у Женьки его нет, — отозвалась Вероника. — Виталик, если бы можно было что-то сделать, то мы бы это сделали. Сейчас им уже ничто не может помочь. Разве что партизаны, которые были с нами. Может, они и успеют сообщить.

— Зря мы не взяли их с собой, — проворчал Акоп, ловя лезвием ножа блики света от бокового окна. За окнами мелькали дома и улицы какого-то города. — Я же говорю, что впятером нападать на целую больницу, да еще на босса сумеречных, — глупо.

— Неожиданное и хорошо спланированное нападение нередко приносило победу русским воинам во многих сражениях, — заметил Сом, — и недавние события тому подтверждение.

— Я, честно признаться, не был уверен, что у нас все пройдет так гладко, — ответил Акоп. — Нам удача помогает. Но она может и отвернуться когда-нибудь.

— Типун тебе на язык, — сказала Вероника.

— Верно, — сказал Акоп и вздохнул, — но что-то тревожно мне. Может быть, это оттого, что я чуть не упустил сумеречного? Потерял белую сноровку, сидя в штабе. Променял силу и реакцию на мозги.

— Мозги лучше, — сказал Сом, — поверь мне.

Боль в ноге постепенно стихла. Я уселся поудобнее, положил голову на спинку и стал разглядывать проносящийся за окном пейзаж. Никаких мыслей в голове не было. Только усталость. Акоп послал мне в лицо солнечного зайчика и, когда я повернулся, подмигнул:

— Не дрейфишь?

— Чего уж, — ответил я. — Уже столько навидался, что хочется только, чтобы все это быстрее закончилось.

— А быстрее не получится, как бы тебе ни хотелось. Даже если мы сегодня убьем или схватим Штамма, всегда найдутся его помощники, другие идеологи или им подобные. Надо искоренять сумеречных до последнего игрока. Чтобы их совсем не было. Только тогда все будет спокойно.

— Ты говоришь прямо как жрец, — произнес я. — Только он хотел уничтожить всех, а не только вас.

— А я просто устал, — чуть улыбнулся Акоп. — Веришь ты или нет, но я устал уже воевать. Иногда думаю: зачем вообще ввязался в эту дурацкую игру? А потом думаю, что все-таки правильно сделал. Так бы лежал сейчас в гробу, где-нибудь за городом, и в моей бы черепушке ползали червяки. Представляешь, каково? Но зато повидался бы с Создателем!

— Ты веришь в Создателя? — спросил я, прикрывая глаза. Очень хотелось спать. Ехать еще почти два часа, так что я, может, успею немного отдохнуть.

— Я? Не знаю. — Акоп пожал плечами. — Вроде и верю, ведь я получил от него дар и бессмертие, а вроде и нет, ведь я его никогда не видел. Только слышал о нем. Мне даже иногда кажется, что я был бессмертен и одарен с самого своего рождения. А потом кто-то просто увидел это во мне и сделал игроком. А на самом деле я такой и был. И все такие были. Просто один человек смог различить в нас необычайное. А затем ему захотелось развлечься, и он придумал весь этот миф о Создателе и об Игре.

— А Исправители?

— Может, он и есть Исправители? Один человек во многих лицах. Или целая компания фанатиков Игры, забавляющаяся с людьми таким вот оригинальным способом.

— Акоп, ты несешь чушь, — твердо заявил Сом, — отвернись лучше и не мешай Виталику отдыхать. Это мы привыкшие к подобному, а ему-то...

— Да я уже почти привык, — слабо возразил я. — Еще немного, и можете принимать меня к себе в игроки.

— Ты и так почти наш, — ответил Сом.

Акоп отвернулся к окну и стал ковыряться ножом в обшивке.

Я закрыл глаза и увидел перед собой горящего жреца.

Лицо его покрылось волдырями, волосы уже сгорели, обнажая почерневшую кожу, один глаз вытекал, пузырясь, по щеке, подбородку, капая на землю. Губы обгорели, зубы уже не были белыми, а обуглились. Рот жреца был открыт, и огонь лизал его десны, небо, язык. И из этого рта доносился едва слышный крик. Почти неуловимый. Но я понял, что он хочет сказать, он проклинал меня. И не только меня. Вообще всех, кого можно было только проклясть. Всех, кого вспомнил его обезумевший от температуры мозг. Тело жреца было одним живым факелом. Он извивался, зажатый кусками железа и обуглившимися сиденьями, и пистолет в его руке вздрагивал от каждого выстрела, посылая в воздух все новый и новый патрон. А когда патроны кончились, пистолет просто клацал, пока его боек не оплавился.

И из ярких огней вдруг выплыло лицо карлика. Тоже совершенно отчетливо. Словно я уже видел его много-много раз. С приплюснутым носом и прилизанными на затылке реденькими волосиками. Он улыбался мне как старому знакомому. И между его передних зубов торчал черенок вишни. Совершенно точно — вишни. Карлик вертел этот черенок языком и молча улыбался. Ему было что сказать мне. А мне было что у него спросить.

Но мы оба не произнесли ни звука.

И почему я вдруг так четко представил себе все это? Не знаю.

Картинка перед глазами вздрогнула и рассыпалась на крошки, улетающие в темноту. И я проснулся.

— Там же полным-полно сумеречных! — ужаснулась Вероника. — Вся больница просто кишит ими, как насекомыми!

Наша машина остановилась всего метрах в двухстах от больницы, и с нашего места очень хорошо был виден ее центральный вход. Был уже совсем вечер, и поэтому людей около больницы крутилось немного. Стояли две медицинские машины, да на лавочках под деревьями сидели больные и их посетители. Правда, для Вероники, смотрящей в бинокль, возможность подробнее рассмотреть, что творилось около больницы и внутри нее, была гораздо больше. Она переводила взгляд от одного этажа к другому, и выражение ее лица становилось все более определенным: она сильно нервничала.

Сом возился с переносным компьютером, что-то подключая к нему. Один Акоп, казалось, совершенно не волновался. Он все так же лениво поигрывал ножиком, вертя его между пальцев, и рассматривал больницу, прищурив глаза.

— Чего вы все суетитесь? — спросил он наконец. — Нас целых пять человек, один из нас может полностью изолировать все входы и выходы в здании, мы нападём неожиданно и вдобавок будем знать, где находится Штамм. По-моему, этого достаточно даже для того, чтобы раз и навсегда избавиться от сумеречных.

— Я больше волнуюсь не из-за того, поймает ли мы Штамма или нет, а из-за последствий, которые возникнут после его смерти, — сказала Вероника. — Что будут делать сумеречные?

— У них не будет выбора, — спокойно ответил Акоп. — Если бы Гитлера убили в тридцать девятом, то не было бы и войны.

— Но мог бы найтись другой лидер. Один из приближенных. Может быть, война не началась бы в тридцать девятом, но она все равно наступила бы рано или поздно. Вот и сумеречные могут лишь отложить нападение до лучших времен.

— Кажется, им уже слишком поздно что-либо откладывать, — заметил Сом. Он в этом споре неожиданно встал на сторону Акопа. — Большинство крупных городов уже в их власти...

"...И последние новости из научной лаборатории "Каспбрак" в штате Невада. В настоящее время там уже полным ходом идет подготовка к подробнейшему изучению неопознанного предмета, который в ближайшие часы доставит на Землю американский шаттл "Нью-дюк", — зазвучало из радио, и я невольно прислушался. — Сейчас все внимание ученых Земли приковано именно к этому неопознанному предмету, который, как предполагается, имеет искусственное происхождение, а значит, может принадлежать какой-нибудь другой цивилизации из глубокого космоса"

— Детям подкинули игрушку, вот они с ней и возятся, — проворчал Сом.

— Что ты имеешь в виду?

— Думается мне, что этот таинственный предмет из космоса подкинули сумеречные, чтобы на несколько дней отвлечь внимание общественности. Один из тактических ходов.

— Ты уже готов? — Вероника положила бинокль на колени и распустила волосы, коротко встряхнув головой. Затем закрепила их заколкой на затылке и начала массировать себе виски, чуть прикрыв глаза. — Васе уже не терпится заняться делом.

— Ты чувствуешь его? — удивился я.

— А как же. Он сейчас одно и то же, что и мои мысли. Я вижу его точно так же, как думаю.

— Всего?

— Да, насквозь. — Вероника посмотрела на меня. — Не думай, конечно, что я настолько наглая, что буду лезть в самые сокровенные закоулки его памяти. Правда, хотелось бы узнать больше о том, что он думает обо мне в частности.

Сом и Акоп хихикнули.

— Он тебе сам расскажет, — сказал Сом, вынимая из бокового кармашка ноутбука тонкие проводки с присосками. Почти такие же, какие использовал Вася, отправляя меня в виртуальное пространство. Вероника взяла их и сама приклеила себе на виски и на запястья.

— Будет жечь, — предупредил Сом.

— Я знаю, но хуже все равно не будет. — Вероника улыбнулась. — Но если будет очень больно, ты знаешь, что я с тобой сделаю!

— Она может, — заметил Акоп, поигрывая ножом.

— Хорошо. — Сом склонился над компьютером и стал что-то быстро набирать.

На экране загорались и умирали ярко-зеленые буквы на абсолютно черном фоне.

А Вероника уже не сидела, а полулежала, обмякнув на сиденье и уронив голову на грудь.

" Дыхание ее участилось, и она немного вздрагивала всем телом, словно из нее толчками уходила кровь.

— Он вышел из нее, — возбужденно воскликнул Сом, и даже я увидел, как на экране совершенно четко загорелась надпись:

"Отправляюсь на поиск! Ждите!"

Загорелась и погасла. Экран вновь стал черным.

— Ждем, — шепотом повторил Сом.

На улице становилось все темнее. Откуда-то из-за крыш домов показались толстые, черные тучи, лениво подбирающиеся к городу. Может быть, совсем скоро хлынет дождь. Тем более что на улице действительно было душно и безветренно.

По телу Вероники пробежали судороги, и она неожиданно выпрямилась, широко открыв глаза. Из уголка ее губ потекла тонкая струйка крови.

— Все в порядке? — Сом протянул ей платок.

— Отлично. Даже голова не кружится. — Вероника вытерла кровь. — Только язык немного прикусила. Вася вышел?

— Да. Отправился на поиски. Теперь ждем, что будет дальше.

Не успел Сом закончить, как в углу монитора вспыхнула надпись:

"Взломал компьютерный код. Пробираюсь в системы коммуникаций. Подождите еще минуты три. Сообщу".

— В системы коммуникаций? — удивленно спросил я. — Он еще и по сетям умеет лазить?

— Все, что в проводах, — его родная стихия, — весело заметил Акоп. — Еще когда Вася был партизаном, он умел проникать в дом через один лишь телефонный провод.

— Теперь понятно, почему за ним вели такую охоту, а Исправители не убили.

— Вася, если хочешь знать, должен был стать одним из ведущих игроков Зари в свое время, — сказал Акоп, — но он, как видишь, выбрал немного другой путь.

"Система коммуникации теперь моя! Иду на второй этаж!"

— Он сделал это! — Сом радостно ударил по рулю. — Ну что, господа, думаю, надо готовиться к операции?!

— И то верно. А то расслабились уже. — Акоп достал из кармана черные перчатки с отрезанными пальцами и натянул их. Теперь, в таких вот перчатках, в черной кожаной куртке и черной шапочке, из-под которой выби-

вался вихор рыжих волос, он больше всего походил на супергероя американских боевиков. Осталось только намазать ему лицо гуталином.

— Подай сумку! Там за тобой лежит. Я протянул Сому ту самую сумку, которую он таскал за собой еще с Краевского. Я знал, что он сейчас из нее достанет. И верно — Сом протянул Веронике два увесистых пистолета с широкими рукоятками и насадками под оптические прицелы, следом еще несколько обойм.

Пока Вероника рассовывала обоймы по карманам, Сом достал себе короткую автоматическую винтовку с обрезанным прикладом. Акоп лениво водил лезвием ножа по подбородку.

"Обнаружен Штамм! — замигало на мониторе. — Это действительно он! Классно! Третий этаж, кабинет номер шестнадцать — офтальмологический. Штамм пьет кофе и разговаривает по сотовому. Судя по всему, ни о чем не подозревает. Жду вас через десять минут. Через семь минут замыкаю все двери, отключаю свет и электричество во всем здании! Материализуюсь на четвертом этаже!"

— Прямо в точку! Виталик, я начинаю тебя уважать все сильнее и сильнее. — Акоп бодро похлопал меня по плечу. — Я буду первым армянином, который освободил Землю! И благодаря тебе!

— Нельзя сделать яичницу, не разбивая яиц, — поморщился Сом. — Сначала надо эту победу заработать!

— Тогда — ни пуха ни пера! — Акоп улыбнулся, хотя по его лицу вдруг стало четко видно, что он сильно волнуется. Наверное, даже больше, чем Вероника и Сом.

— К черту. — Мы открыли дверцы и вышли в духоту вечера.

Ветра по-прежнему не было. От земли в воздух поднимался жар. Черные тучи покрывали небо, недовольно ворча над нашими головами.

— Я, наверное, постараюсь пробраться на крышу, — сказал Сом. — Мы с Васей прикроем вас сверху, если что.

— Если нам не удастся добраться до третьего этажа, то убейте его еще и за нас, — сказала Вероника.

— Я сделаю это своими собственными руками, пардон, лапами! — Сом вскинул винтовку на плечо, неторопливо поднялся на холм и скрылся в парке за деревьями.

Мы остались стоять, чего-то молча ожидая. Я каждой жилкой своего тела вдруг четко осознал — началось!

Все, что со мной происходило на протяжении целой недели, наконец-то приблизилось к завершению. Мне уже не от кого убежать, некому доказывать свое право на жизнь. Мне уже не угрожает быть убитым Исправителями из-за каких-то там правил. Передо мной теперь нарисовалась одна-единственная, но четкая цель — уничтожить одних ради жизни других.

Людей в первую очередь. Я не дрался за игроков Зари, я был здесь, среди бессмертных, единственным представителем человечества. И пусть не самым обычным человеком, но я отстаивал их право на существование под солнцем.

И получится ли у меня, еще предстояло выяснить.

— Дождь будет, — сказала Вероника.

— Еще четыре минуты. — Акоп засунул нож за пояс — Пошли?

— Идем.

Когда мы подходили к больнице, у меня вдруг закололо под лопаткой.

Началось! Страшно? Да, еще как страшно! Наверное, во много раз страшнее, чем тогда, в подземке, или в парке, или осознавать, что Евгения Валерьевича уже нет в живых.

Вероника протянула мне пистолет, тот самый, маленький, с которым я бегал в метро (как же давно это было!).

Я посмотрел на здание больницы и подумал, что где-то там, в ее недрах, лежит и Генка Сорокин. А может, уже и не лежит. Может, умер или, наоборот, вылечился. За неделю-то вполне возможно, и сестра забрала его домой.

Всего пять метров отделяло нас от стеклянных дверей за которыми начиналась приемная и сустились люди как вдруг за нашими спинами тяжело сомкнулись две тучи, оглушив окрестности тяжелым бу-ух, в больнице неожиданно погас свет, и Вероника выстрелила.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Входная дверь разлетелась, выпуская наружу чьи-то испуганные крики, звонки телефонов, гул еще не остановившихся вентиляторов, топот множества ног, скрип инвалидных кресел и коек.

А Вероника уже стреляла из обоих пистолетов сразу, неумолимо идя вперед. Люди падали, не успев сообразить, что произошло, опрокидывая стулья, сбивая ногами мягкий зеленый ковер, разбрасывая бумаги.

Неужели, все они были сумеречными? Наверное, если Вероника говорит, что это так, значит ей можно верить.

Едва мы перешагнули через металлический остов дверей, как Акоп тоже открыл огонь! Он стрелял более беспорядочно, во все стороны, больше разрушая, чем убивая! Отвлекал внимание сумеречных от Вероники, давая ей возможность добраться до лестницы.

А милиция, интересно, как отреагирует? — подумал я. — Вмешается ведь! Но это уже не важно. Разговор идет о существовании самой цивилизации...

Веронике почти удалось добраться до лестницы, как вдруг из коридора показались первые вооруженные люди! Некоторые, не добежав, попадали, подкошенные пулями, а

другие рассыпались по сторонам, открыв ответный огонь. Акоп, чертыхнувшись, отскочил за небольшой стол, служивший прилавком для лекарств, и ударом ноги опрокинул его на землю.

Вероника тоже скрылась за каким-то металлическим ящиком. Я резко отпрыгнул, насколько позволяла болевшая нога, и вкатился в лифт, двери которого были открыты, хоть сам он и был обесточен. Между дверцами висела характерная табличка: "Лифт не работает". Оно и хорошо!

Но нужно было действовать быстрее. Штамм наверняка уже сообразил, что происходит, и теперь постарается выбраться из больницы во что бы то ни стало!

Также, наверное, подумала и Вероника. Воспользовавшись затишьем, она вскочила и зигзагами побежала к лестнице на второй этаж. Вслед ей раздались выстрелы, выбивающие клочки ковра прямо у нее из-под ног и куски бетона из стен вокруг! Я высунулся и, не целясь, открыл огонь по коридору, в котором скрывались стреляющие.

Пистолет подпрыгнул в руке, едва не вылетев, но я продолжал нажимать на курок, пока не закончились патроны. Только потом в голове мелькнула мысль — а где запасные?!

Что-то внутри пистолета сухо щелкнуло, и он вдруг снова выстрелил. Самозаряжающийся?!

Вокруг стоял такой страшный грохот, что даже если бы уже подъехала милиция; то мы бы этого не услышали. А вернее, нам всем теперь было просто наплевать на то, что творилось на улице.

Веронике удалось подняться по лестнице, и она через считанные секунды скрылась в лестничном пролете. Сразу после этого все выстрелы направились в мою и Акопову сторону.

Я зажался в лифте, прижимаясь плотнее к стене и закрыв голову руками. Вокруг меня все трещало, грохотало, взрывалось и разлеталось на куски. Действительно — просто сущий ад! У меня даже не было возможности выстрелить. Куда там! Я пошевелиться не мог!

Все стихло лишь спустя вечность. В ушах моих по-прежнему гудело и сухо щелкало, сквозь бинт на ноге просочилась кровь, и я обнаружил, что ею залит уже почти весь пол!

Акоп сидел за столом, от которого теперь остались лишь воспоминания, и лихорадочно перезаряжал автомат. Сумеречные из коридора, судя по всему, занимались точно тем же.

Небольшая передышка.

Откуда-то сверху доносились приглушенные выстрелы. Значит, борьба продолжается. Нам тоже надо подниматься, помогать!

Акоп вскинул автомат и, поднявшись на колени, открыл огонь по коридору. Еще один зазевавшийся сумеречный с криком отлетел к стене и так и замер, зажав руками горло.

Остальные, чертыхаясь, скрылись за углом.

— Кажется, эти ублюдки не приучены к открытому бою! — заорал Акоп. — Им бы только исподтишка убивать!

— Поднимаемся! — закричал в ответ я. — Нашим помочь надо!

— Согласен, беги первым, я прикрою!

Я поднялся, и тут же упал вновь, потому что зазвучали выстрелы. На этот раз с улицы.

Милицию принесло, черт бы ее побрал! Вечно приходит в самый неподходящий момент.

Сейчас опять влезет, не разобравшись толком!

Акоп, ругаясь, перекатился в другой угол залы и зажался в углу между тумбочкой с телевизором и стеной.

Вновь все пространство вокруг наполнилось грохотом, а я упал, зажав уши, чтобы не оглохнуть! Менты добивали все то, что не успели разнести сумеречные. Стол, за которым недавно скрывался Акоп, разлетелся в щепки. От стен стали отлетать целые куски, превращая ковер в ничто. Лекарства, витрины, плакаты на стенах — все было уничтожено в считанные секунды.

И лишь затем, когда звуки выстрелов стихли и пыль стала медленно оседать, снаружи

раздался мегафонный голос:

— Всем выйти с высоко поднятыми руками! Оружие бросить! Каждый, у кого будет обнаружено оружие, умрет! Ясно?!

Чего ж тут неясного?! Акоп высунулся и послал на улицу очередь из автомата. На что он надеется, интересно? Сумеречные из коридора молчали.

— Сами напросились, идиоты, — ответили с улицы. Менты, как обычно, долго думать не любили и решили действовать. Им, судя по всему, было совершенно наплевать на больных, на заложников и на прочих мирных граждан. Внутрь стали с шипением залетать дымовые шашки.

Слезоточивый газ мгновенно заволок все пространство вокруг, и спустя пару секунд я уже не видел коридора, в котором укрывались сумеречные. Еще через секунду Акоп резко поднялся на ноги и побежал в сторону лестницы, непрерывно стреляя из автомата. Я вскочил и бросился следом, едва не споткнувшись о тело одного из сумеречных, перевалившееся через стул. От чудовищной боли в ноге меня всего передернуло, но я не сбавлял скорости до тех пор, пока не догнал Акопа. Мы подбежали к лестнице и стали торопливо подниматься на второй этаж. Весь первый этаж уже был в дыму, и сквозь него смутно проглядывались двигающиеся силуэты сумеречных. Видимо, они тоже пробирались вслед за нами.

— Странная больница какая-то, — пробормотал Акоп, когда мы пересекли лестничный пролет, — ни одного больного. Все сумеречные!

— Может, у них здесь тоже своего рода штаб. Как ваш Театр, — предположил я.

Ответить Акоп не успел. Не добежав до второго этажа всего несколько ступенек, мы столкнулись нос к носу с тремя сумеречными, выскочившими из-за дверей.

Или они были в панике, или просто не ожидали увидеть здесь двоих вооруженных людей. По крайней мере, никто не успел среагировать. Акоп резко подскочил к

одному из них, рывком вынимая из-за пояса нож, и вспорол ему живот. Сумеречный широко вытаращил глаза, схватился за рану и начал оседать на пол, а Акоп уже развернулся ко второму, чуть пригнулся и всадил лезвие прямо в пах. Второй слабо вскрикнул, роняя автомат. Падая, он немного заслонил собой третьего, давая тому возможность выхватить пистолет и выстрелить. Находясь в панике, он, правда, не слишком целился и попросту снес своему мертвому напарнику полголовы. Сумеречный, обдав нас с Акопом кровью и кусками черепа вперемешку с какой-то слизью, резко упал вперед, инстинктивно взмахнув руками, и покатился по ступенькам вниз, туда, где клубился слезоточивый газ. А третий сумеречный уже наставлял на нас пистолет. К счастью, выстрелить он не успел. Небольшой выпад Акопа — и пистолет улетел куда-то в коридор второго этажа, а лезвие ножа пронзило сумеречному горло. Тот захрипел и, отступив на пару шагов, упал на спину, растянувшись в коридоре.

Акоп вновь убрал нож за пояс и подмигнул, тяжело дыша:

— Посмотри-ка, Виталик, похоже, здесь уже поработали.

Я заглянул в коридор и увидел отбитые куски стен на полу, человек пять-шесть, лежащих в различных позах или сидящих, прислонившись к стене, мертвых и разбитые вдребезги двери.

Ни Вероники, ни Сома, ни Васи не наблюдалось. Они, наверное, уже были на третьем.

— Пошли, пока наши ментовские друзья не решили подняться вслед за нами. Если сумеречные внизу еще не ошалели от выстрелов, то могут сообразить обернуть все, как нападение террористов на больницу. Тогда за нами начнется самая настоящая охота.

Мы стали подниматься по ступенькам еще выше. Нога болела, но я старался не обращать на нее внимания. На лестничном пролете мы услышали первые выстрелы наверху. Кто-то кричал, звенели разбиваемые стекла.

Безумие! Если нам и удастся достать Штамма, то сможем ли мы сами выбраться отсюда?!

Входной двери на третьем этаже уже не было. По коридору в панике бегали люди в больничных халатах. Люди с автоматами и в куртках лежали на полу, прямо у входа.

— Скотина, — процедил Акоп, опуская автомат, — он решил спрятаться среди

настоящих больных!.. А вон и Сом!

Действительно, из одного кабинета выскочило огромное, чешуйчатое существо, бодро размахивающее крыльями. В одной лапе оно сжимало извивающегося человека, казавшегося, по сравнению с ним, большой механической куклой. Размахнувшись, существо швырнуло человека о стену. Тот закричал, но крик тотчас оборвался, сменившись глухим треском и стуком, и человек упал на живот. Кто-то из больных в ужасе закричал, упал следом, зажав голову руками.

— Пошли, — Акоп тронул меня за плечо и побежал в сторону существа. Я заковылял следом.

— Ну, как дела на фронте? — Акоп остановился напротив существа, которое при виде нас радостно зашевелило крыльями.

— Все отлично. Шестнадцатый кабинет, в котором сидит Штамм, оцеплен. Ждут нас. Вася говорит, что этот чувак никуда убежать не сможет. Разве что — выпрыгнет с третьего этажа. Но в таком случае ему даже бессмертие не поможет!

— Загнанный в ловушку зверь может сделать что угодно, — заметил Акоп.

Мы вновь побежали — впереди существо-Сом, следом Акоп, а потом я, все сильнее припадающий на болыгую ногу.

Забежав за поворот, мы увидели Васю и Веронику, стоящих напротив дверей в кабинет со вскинутым оружием.

— Что внизу? — поинтересовался Вася.

— Менты, — коротко бросил Акоп. — Думаю, надо все закончить до того, как они сообразят, что к чему, и начнут уничтожать террористов вместе со зданием. Штамм здесь?

Вася кивнул:

— Отстреливается, ублюдок. Заперся в туалете и открывает огонь, стоит приоткрыть дверь. Как будем его выкуривать?

— Расстреляем дверь и вбежим, — сказал Акоп. — Кто-нибудь да успеет добраться до него!

— Слишком рискованно, — покачала головой Вероника. — К тому же мы не знаем, какое оружие есть у Штамма в запасе. Он может держать в кабинете что угодно.

— Может, мне попробовать залететь из соседнего кабинета прямо в окно? — Существо в возбуждении потерло лапы. — Он такого не ожидает, и у меня будет время, чтобы прикончить его.

— Можно, — согласился Вася. — Как только ты выбьешь окно, отсюда ворвемся и мы. У Штамма попросту не будет времени сообразить, что к чему.

— Вот и отлично. Пожелайте мне удачи! Сом-существо щелкнул языком и скрылся в соседнем

кабинете. Акоп тыльной стороной ладони в перчатке стер со лба капельки пота и вставил новую обойму в автомат. Вероника посмотрела на меня:

— Если хочешь, можешь остаться здесь. С твоей ногой не слишком разумно будет соваться в самое пекло.

— Пекло было там, внизу, а здесь всего лишь пикник на обочине, — ответил я. — Неужели ты думаешь, что и мне не хочется надрать этому козлу задницу?

— Я просто волнуюсь за тебя, — ответила Вероника. — Ты же знаешь, что я привязалась к тебе настолько, что...

Изнутри кабинета совершенно отчетливо, перекрывая шум в коридоре, раздался звон разбиваемого стекла.

Следом — короткая очередь выстрелов. Акоп и Вася одновременно оказались около дверей и ударом выбили ее внутрь! А потом...

Господи ты боже мой, когда же все это закончится?! Изнутри кабинета прямо на две фигуры, стоящие в проеме, метнулась всепоглощающая, огромная, широкая волна огня! Акоп как-то странно выгнулся назад, словно хотел сделать мостик, и отлетел к противоположной стене, роняя автомат и хрипя. Васю просто подбросило к потолку, он с

хрустом ударился о стену и съехал вниз, оставляя на стене кровавый след.

А дверь загорелась! Вероника откатилась в сторону, открыв огонь, я тоже упал, выставив пистолет перед собой, и стал стрелять в дверной проем, который горел, и из которого вырывались черные клубы дыма.

Где же Сом?! Неужели и его тоже убили?! Но ведь так не может быть! Так все хорошо шло, и вот на тебе!

Хотя... нет. Вася застонал и попытался сесть, держась за разбитую голову. Сквозь пальцы сочилась кровь. Акоп тоже закашлял. Его, судя по всему, ранило не так сильно, потому что он быстро сообразил, что происходит, и потянулся за автоматом. Куртка у него на груди была порвана, а рубашка обуглилась, вгорев в кожу. Сейчас Акопу было действительно чудовищно больно. Как он только сдерживается?

Вероника стреляла в дверной проем, пока у нее не кончилась обойма, но и тогда она продолжала нажимать на курок, как одержимая, пока я не тронул ее за руку. Только тогда девушка перевела на меня взгляд, и я увидел в нем одну лишь пустоту. Безумие?

— Все в порядке, — прошептал я. — Вероника, они живы, посмотри сама, они только немного ранены! Ну посмотри же, я не вру, Вероника!

Вероника моргнула, и что-то сделалось с ее глазами.словно пленка с них слетела. Они снова стали нормальными. Вероника посмотрела на Акопа, добравшегося до автомата, и на Васю, пытающегося отползти на безопасное от огня расстояние.

— Я лично его убью, — пробормотала она, тяжело дыша. Волосы у нее растрепались и лежали беспорядочно на плечах и на лице. Из небольшой царапины на скуле текла кровь.

— Я тоже, — ответил я тихо, — за Евгения Валерьевича.

— И за Леху, — добавила Вероника.

— Точно. — Мы поднялись одновременно и побежали в сторону горящего дверного проема.

Сразу полыхнуло жаром, от которого хотелось куда-нибудь укрыться, но куда же от него деваться, если надо было во что бы то ни стало идти вперед?!

Я рванул перед Вероникой и первым проскочил сквозь огонь, чувствуя, как его языки слизывают мои брови, бросаются на кончики волос и цепляются за рубашку. На короткое мгновение я зажмурился, потом вновь открыл глаза, но ничего не увидел.

Вокруг был только дым. И все.

Сзади подбежала Вероника, осторожно тронув меня за плечо. В дыму я почти ее не видел.

Вдобавок становилось трудно дышать.

Мы стали осторожно продвигаться вперед. Шаг за шагом, двигая дулами пистолетов из стороны в сторону, ожидая нападения в любое мгновение...

Зацепился ногой за опрокинутый стол, потом разглядел валяющийся на полу стенд с буквами для проверки зрения.

А потом вдруг я увидел Сому.

Алексей лежал на полу, между опрокинутой тумбочкой и осколками стекла, скрючившись и прижав руки к животу. Глаза его были закрыты, но он все еще дышал. Даже с моего места было видно, как тяжело приподымается и вновь опускается его грудь.

— Алешка, — прошептала Вероника, как-то странно всхлипнув, и быстрыми, широкими шагами подошла к лежащему, склонившись над ним.

— Вот так оно всегда и бывает! — резко раздалось из мутной темноты. Я развернулся на пятках и, несколько секунд вглядываясь в дым, разглядел сидящего в углу человека.

Доктор! Штамм! Да, это был он. Тот самый, которому я доверил Генку много-много дней назад. И который странным образом оказался центром всей этой истории, в которую я попал.

Штамм сидел на табуретке, закинув ногу на ногу, и поигрывал каким-то овальным предметом, перекатывая его из одной ладони в другую:

— Я говорю, что так всегда и бывает — все спланируешь, подсчитаешь, расчертишь,

начнешь воплощать планы в жизнь, а потом появляются какие-то чудаки и все портят!

Вероника повернулась в сторону Штамма, поднялась с колен и выставила перед собой пистолет.

Совершенно неожиданно Штамм расхохотался. Громко, раскатисто, хрипло, хватая ртом дым, откинув голову назад.

— И ты думаешь, что что-то изменится? — хохот перешел в глухой кашель. Я тоже почувствовал, что мне становится трудно дышать. Дым сгустился.

— Да я и так уже мертв! Ну и что с того? — Штамм зажал овальный предмет в левой ладони и развел руки в стороны. Даже сквозь дым я различил, что именно торчит у него из живота. Сом все-таки успел выполнить свое обещание. Он выпустил Штамму кишки.

Штамм понял, что мы с Вероникой увидели кусок стекла, распоровший его живот поперек почти на две половины, и вновь скрестил руки на груди:

— Но ведь это ничего не меняет, дорогие мои. Дело свершилось, оно начато, и ничто не в силах его остановить. Это как маленький камешек, скатившийся с горы и вызвавший обвал! Я только макушка всей пирамиды, но есть и другие! Вы думаете, что все это смог спланировать один-единственный человек?

— Ты не человек, — уточнил я.

Штамм как-то странно посмотрел на меня.

— Это о тебе говорил Коля? Ты и есть тот самый, внутри которого заключен древний, могущественный дар?

— Я и есть. Только тебя это касаться не должно. Не для вас этот дар, а для людей!

— Как мы красиво говорим, — улыбнулся Штамм. — Давно ли вы перешли на сторону игроков Зари, чтобы так рассуждать? По мне — так какая разница, на чьей стороне быть? Главное — цель! Главное — стать свободным и независимым.

— Но не таким же варварским способом!

— А как еще можно начать жить спокойно?! — неожиданно выкрикнул Штамм и тотчас зашелся в хриплом кашле.

— Не убивая! Можно было бы просто прекратить войну между игроками. Ведь Создатели не вмешивались, никто не следил за вами! Можно было просто остановиться!

— Невозможно прекратить, — покачал головой Штамм. — Вражда между игроками сидит в нас уже не одно столетие. Просто так ее не подавить. Да и не хочется, если говорить начистоту. Я бы чувствовал себя гораздо спокойнее, зная, что никто не нападет на меня со спины, вспомнив древнюю вражду или свято веря в нерушимость правил Игры.

— Ты прав, — сухо сказала Вероника, — именно поэтому я и убью тебя сейчас!

— Вполне возможно, — согласился Штамм, прокашлявшись с кровью, — но тогда и вам придется умереть вместе со мной. — И он протянул вперед руку с зажатым в ней овальным предметом. — Этой штучки хватит на то, чтобы разнести половину этажа. Стоит мне ее уронить — и вы мертвы вместе со мной, а я еще хочу немного поговорить.

— Зачем ты тянешь время? — спросил я. — Ведь все равно умрешь.

— Жизнь такая штука, что за нее все время хочется цепляться, — усмехнулся сквозь окровавленную бороду Штамм. — Ничего не поделаешь, но я тоже когда-то был человеком. Неплохим врачом. Почти таким же, каким могла бы стать Вероника, если бы не вошла в Игру.

— Но я и не жалею, — сказала Вероника тихо.

— И я не жалею, — ответил Штамм. — Между нами иная пропасть. Я знаю, что нужно для того, чтобы жить спокойно, а вы лишь слепо боретесь против любых изменений, не зная истинных целей!

— Но убивать людей?! — воскликнул я.

— Приходится, — пожал плечами Штамм. Овальный предмет перекатывался в его ладонях все быстрее и быстрее. — Всех приходится убивать. Иначе нельзя! Даже эта больница построена на крови. В Великую Отечественную здесь была огромная, великолепная библиотека, множество разнообразных книг! Таких, за какие сейчас бы отдали

очень многое, лишь бы прикоснуться к ним, но когда понадобилось куда-то складывать больных и раненых, партизаны без особой жалости выбросили всех работников на улицу, не дав им ни одежды, ни пищи. И всех их убил голод, мороз и немцы. Так зачем же здесь вообще говорить о гуманности? Вот и мне стоит бросить эту штукину на пол, как мы все умрем. Вы уже видели действие одной. Но сейчас я не делаю этого. Почему? Да потому что я, мне...

— Тогда нам не о чем больше разговаривать, — неожиданно сказала Вероника.

Что-то в ней оборвалось.... Медленным движением Вероника направила пистолет прямо Штамму в голову

и выстрелила.

Он дернулся, стукнувшись головой о стену сзади, разбрызгивая по обоям кровь, и упал со стула на колени, потом, слабо дернувшись, лицом в пол, поджав руки под себя. Кусок стекла с хрустом вышел из-под его левой лопатки.

— Кончено, — тихо сказала Вероника, а потом все вокруг взорвалось.

Бетонный пол прямо передо мной вздыбился, скрючился, сжался гармошкой и провалился. Вероника, опустив пистолет, зашаталась и тоже упала, скрывшись под осколками бетона, дерева и стекла.

Ужасный грохот наполнил уши, разрывая барабанные перепонки.

И все вокруг, разрывая дым, вдруг заполнил белый, яркий, слепящий глаза свет. И я утонул в нем, выпуская из рук пистолет, чувствуя, как ослабевает мое тело, как я падаю куда-то вниз, как что-то меняется внутри меня, и сквозь плотно сжатые зубы вырывается крик.

Я не хочу умирать!

Но что поделать-то?!

Нечего!

Темнота расступилась как-то незаметно, превратившись во что-то мигающее и искрящееся.

Один глаз открыт. Уставился прямо на лампу дневного света, наполовину вырванную из своих пазов и свисающую в опасной близости от головы. Искры, разлетающиеся в стороны от каждого движения лампы, слепили, оставляя в глазах темные пятнышки.

Надо вставать.

Да. Надо.

Вот только смогу ли я?

Я открыл второй глаз и различил прямо над собой огромную рваную дыру, затянутую дымом.

Края дыры были утыканы осколками бетона и металлическими штырями с зацепившимися за них остатками обгорелых простыней, одеял. Из порванных подушек медленно вылетали и оседали на пол обуглившиеся перышки.

Значит, упал. Но на какой этаж? Второй? Первый?

Надо выяснить.

Сел, упершись руками в пол с такой силой, что едва не содрал кожу с ладоней, и, дождавшись, пока шум в голове утихнет и черные пятнышки наконец исчезнут, осмотрелся.

Длинный коридор. Освещен дневными лампами, расположенными вдоль стен. Никаких дверей, никаких окон — вообще ничего. Одни серые стены с облупившейся штукатуркой и шелушащейся краской.

Вокруг валяются разбитые кровати, множество мелких горящих предметов, смятый, словно бумажный, металлический сейф. Совсем недалеко лежит человек лицом вниз, нелепо раскинув руки и изогнувшись в такой позе, что сразу стало ясно, что он мертв. Еще один — чуть дальше, казалось, хотел встать на голову, но не смог и свернул себе шею.

Напротив тоже тянулся коридор. И тоже трупы. Пять или шесть лежали одной кучей. Рядом плавился и горел противопожарный газ. А еще дальше, прислонившись к стене, сидела Вероника.

— Вероника! — позвал я, стараясь перекрыть шум в голове, но услышал лишь отдаленное эхо своего собственного голоса.

Она не ответила, не шевельнулась. Сидела все так же — склонив голову на колени, обхватив ее руками. Недвижимая. Волосы рассыпались по плечам и чуть шевелились от ветерка.

— Вероника! — Я попытался встать, но спина тотчас отдалась острой болью, следом заболела и подвернутая нога.

Но встать надо! Еще как надо!

Я ухватился рукой за металлический штырь и чуть привстал, раскачиваясь из стороны в сторону, как пьяный. К горлу подкатил сухой комок, затошнило, но я сдержался. Вновь позвал: "Вероника!"

И она снова не ответила.

Вывернутая нога безжизненно болталась, но я ее совершенно не чувствовал.

Я отпустил штырь и, подпрыгнув на одной ноге, упал на противоположную стену. Потом, отдышавшись, оттолкнулся от нее и сделал еще несколько неуверенных скачков в сторону Вероники.

Что-то с грохотом упало за моей спиной. Лампа, наверное.

Я облокотился о стену, тяжело дыша и чувствуя, как пот медленно стекает по моему лбу, по щекам, по шее за шиворот обгорелой рубашки. Вокруг было душно, и от спертого воздуха не проходила тошнота. В глазах все плыло.

Чуть дальше Вероники лежал Акоп: на спине, раскинув руки в стороны. Грудь его поднималась и опускалась. Значит — жив еще.

Я оттолкнулся вновь, проскакав еще пару метров. Еще один толчок, и я опустился около Вероники, стараясь не задевать свою больную ногу. Тихо позвал:

— Вероника. Ты меня слышишь? Ответь! Это же я — Виталик. Все нормально, мы живы. Мы все живы. А Штамм мертв! Все худшее позади!.. Слышишь меня?

Если она и слышала, то никак не отреагировала. Продолжала сидеть, чуть вздрагивая всем телом и слабо-слабо мотая головой. Лишь спустя пару секунд до меня донеслись ее приглушенные всхлипы.

Плачет.

— Чего ты плачешь? — шепотом спросил я. — Все же нормально. Все уже закончилось. Ну?

Акоп рядом издал горлом какой-то протяжный хрип и замолчал, тяжело дыша через нос. Его грудь пересекала широкая рваная рана, из которой толчками шла кровь.

— Вероника, — я подался вперед и рукой чуть приподнял ее голову. Она не сопротивлялась и даже наоборот вдруг выпрямилась и посмотрела на меня.

Глазами, в которых не было жизни. Глазами, в которых была лишь одна пустота. Нет, в них не читалось безумство, как там, наверху, но что-то в них было не так.

Но я не отстранился, слегка проведя пальцами по ее влажным ресницам, я всмотрелся в подернутые слезами зрачки, заглянул за глаза, туда, где у них, у игроков, не было оболочки, и увидел ее мозг.

Серая, пульсирующая масса, покрытая тонкими жилками, венами и сосудиками, слабо вздрагивала в такт Вероникиному дыханию и медленно рассыпалась в пыль. От мозга отслаивались целые куски, которые крошились, мялись, как бумага, и пылью оседали на внутренних стенках черепа. Мозг уменьшался.

Нет, не мозг. Это было что-то другое, порождение Создателей, заменившее игрокам мозг. То, из-за чего они и начали эту бессмысленную игру, уничтожение себе подобных. Для чего? Лишь для того, чтобы стать бессмертными, ощутить всего лишь на мгновение свое величие над остальными людьми.

Вероника смотрела куда-то позади меня, и на лице ее блуждало выражение полной отрешенности. По щекам катились слезы, собирались на остром подбородке и капали вниз.

Губы шептали что-то неразличимое, неразборчивое. Она не видела меня. Она не видела

того, что творится вокруг. Не хотела видеть. Не могла. Мозг ее умирал вместе с ней.

— Вероника, — прошептал я снова и сильно ударил ее по щеке. Она дернулась, заморгала, но продолжала смотреть в никуда.

— Вероника! Очнись! Ты же умираешь! И все они умирают! — Я вновь ударил ее по щеке. — Акоп умрет! Без твоей помощи он тоже покойник! Только ты его можешь вылечить! Вспомни о своем даре лекаря! Ты же лечила мои руки, вынимала из них осколки! Вспомни же, ну?! Вероника! '

Все тот же бездумный взгляд. Мозг ее рассыпался и оседал пылью. Она сошла с ума. И с этим уже ничего поделать было нельзя...

— Цель! — сквозь бессмысленный поток бормотания неожиданно вырвалось у нее. Она вдруг хихикнула, заморгала и вновь опустила голову на колени, сжав ее руками. До меня донеслось лишь слабое всхлипывание. То ли от смеха, то ли от плача. Впрочем, для нее это было, наверное, все равно.

Акоп вновь закашлялся и выплюнул себе на грудь кровавый комок слизи.

Я поднялся, опершись о стену, чувствуя, как к горлу вновь подкатывает тошнота, и на этот раз не сдержался. Блевал до тех пор, пока изо рта не закапала одна лишь желчь. И только тогда вновь позволил себе выпрямиться.

Вроде полегчало. Не настолько, чтобы можно было чувствовать себя бодрым, но идти можно было.

Только вот куда? До отверстия мне точно не дотянуться. Значит, в одну из сторон коридора.

Я запрыгал на одной ноге мимо Акопа, мимо сидящей Вероники, время от времени прислоняясь к стене и отдыхая. Дым постепенно рассеивался, и стало легче дышать. Шум в ушах стихал.

Это, наверное, подвал. Или еще ниже. Вскоре я увидел и Васю. Он лежал в центре коридора на животе, поджав одну руку под себя, а вторую вытянув вперед. Словно хотел дотянуться до чего-то.

Я присел около него и осторожно перевернул. Вася дышал. Глубоко и ровно. Он выглядел вполне нормально, только на затылке была большая ссадина от удара о стену. От нескольких легких ударов по щекам Вася очнулся и на пару секунд вперился в меня мутным, ничего не понимающим взглядом. Потом что-то стало с его глазами, он заморгал, и взгляд его стал осмысленным.

— Виталик?! — Одна рука его дернулась, ухватив меня за плечо, и крепко сжала его, удостовераясь, что я не фантом. — Виталик, ты как тут очутился? Где мы вообще? Что происходит?

— Ты как себя чувствуешь? — спросил я.

— Я? Нормально. Только голова болит, чтоб ее... Где все, Виталик? — Вася попытался сесть и застонал от боли, когда оторвал голову от земли.

— Все в порядке, — сказал я, садясь рядом и вытягивая ноги, — Штамм мертв.

— Мертв? — Глаза Васи широко открылись, и он издал слабый радостный вопль: — Мертв... Черт возьми, но как это получилось? Последнее, что я помню, это вспышку... белый свет... потом меня подняло в воздух, а потом... вот уже дальше и не помню ничего.

— Потом мы с Вероникой пробрались в комнату, где скрывался Штамм, и она прикончила его. Выстрелила ему в голову.

— Вероника? — не поверил Вася. — А где она сейчас? Где все остальные? Где Сом, Акоп?

— Сом, скорее всего, мертв, — ответил я, разглядывая мутные лампы вдоль стен. Голос мой эхом улетал в глубину коридора, — Акоп лежит там, тоже, наверное, умрет, у него вспорота грудь, и он без сознания. А Вероника... Вероника, кажется, сошла с ума.

— То есть как? — не сразу понял Вася, а когда я ему объяснил, что именно происходит с ней и с ее мозгом, тяжело вздохнул и посмотрел куда-то за мою спину.

— Значит, такая вот цена победы, — прошептал он минуту спустя. — Все умерли,

остался лишь я и лишенная ума девушка? Справедливо, блин.

— Ничего не поделаешь, — сказал я. — Это жизнь, и для каждого она идет по-разному. Надо выбираться, тогда мы, может быть, успеем спасти Акопа.

Вася молча поднялся и, пошатываясь, уперся рукой о стену. Я тоже встал, поджав больную ногу, к которой постепенно возвращалась чувствительность.

— Где мы находимся? — Впервые с момента нашего разговора Вася огляделся, чуть щурясь от света. — Подвал?

— Может быть, — пожал я плечами, — только я все никак не могу найти выхода. Все взорвалось там, наверху. Один дым, и ничего не видно.

— Ты шел в ту сторону? Я кивнул.

— Значит, Вероника и Акоп там.

— Да, что ты хочешь сделать?

— Я пойду к ним, — сказал Вася, — и не надо пытаться меня остановить, Виталик. Ты же знаешь, что у тебя ничего не получится. Я просто хочу быть рядом с ними, пока ты будешь искать помощь.

— А если мне не удастся никого найти? Если меня схватит милиция до того, как я открою рот?

— Скажешь им, что ты один из больных, — криво усмехнулся Вася. — Врать-то ты всегда умел, вот и соврешь. Еще скажешь, что здесь, внизу, трое твоих друзей, которые лежали с тобой в одной палате. Пускай вытаскивают нас отсюда, да побыстрее. Ясно?

— Чего неясного? — Я пожал плечами. — Но ты уж проследи за Вероникой. Может, что-нибудь с ней еще можно сделать.

— Я прослежу, — заверил меня Вася, — а ты побеспокойся о том, чтобы быстрее выбраться.

Он развернулся и неровными шагами заковылял по коридору в противоположную сторону. Я стоял и смотрел, как он исчезает за поворотом, и только потом пошел дальше.

Спустя пару минут лампы вдоль стен вдруг закончились, сменившись небольшими смоляными факелами, вставленными в специальные ниши. Да и сама стена вдруг преобразилась. Исчезла краска, и появились неровности, как от грубо выложенных камней, повеяло сыростью, и земля под ногами стала рыхлой и влажной.

Неужели я спустился настолько низко, что подвал в этом месте уже не был никому нужен, и за ним не наблюдали много лет? Или я просто попал в систему канализации? Но где тогда трубы?

Ответ пришел неожиданно — из-за поворота, стоило мне сделать еще несколько шагов, вдруг выплыла дверь. Ею и заканчивался, сужаясь, коридор.

Небольшая деревянная дверь с кольцом вместо ручки и с набитыми на ней непонятными символами, словно появившаяся из древних сказок о Кощее Бессмертном. Сквозь замочную скважину в ней угрюмо завывал ветер.

Я остановился перед дверью, разглядывая ее. А потом подумал вдруг: была не была, что вот так стоять и бояться зайти? А мне-то казалось, что уже прошли те дни, когда я чего-то боялся! Прыгнув несколько раз, я приблизился к двери и толкнул ее. Дверь с тяжелым скрипом отворилось и...

Наверное, я ожидал это увидеть. Втайне. Надеялся.

Но чтобы так неожиданно?..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Крид ждал тебя! — громко сказал человек с обрезанными ушами и одетый в облегающий костюм без пуговиц. Тот самый, из моего сна, когда меня пытались безуспешно инициировать.

Я вдруг с особой четкостью вспомнил тот эпизод сна, когда человек, сидящий сейчас передо мной, явился к далекому моему родственнику и забрал его куда-то, неизвестно куда.

Ведь это действительно был он! Невероятно!

Человек сидел в кресле, закинув ногу на ногу и обхватив ладонями колено. Около него стоял столик, на котором лежала одна-единственная книга. Та самая, с вишенкой на обложке. И хотя за спиной человека возвышались огромные стеллажи с книгами, покрытые вековой пылью и паутиной, только эта книга вдруг приковала мой взгляд, и я уже не мог оторваться от нее.

Торчащий из стены факел хорошо освещал и человека, и книгу, так что я не стал подходить ближе, а сделал всего один прыжок и замер, облокотившись о стену рукой и поджав ногу.

Дверь за моей спиной с таким же тяжелым скрипом захлопнулась.

— Крид ждал тебя, мальчик мой, уже много лет, — повторил человек, улыбаясь тонкими губами. — Он знал... да, он именно знал, что ты придешь в тот самый день, когда надо! И он не ошибся!

— Кто такой Крид? — устало спросил я, разглядывая человека. Удивляться чему-либо у меня уже не осталось сил. Оставалось только принимать все как есть.

— Крид — это я, — ответил человек, — а Урсула не дождался! Урсула умер, когда пришли люди в касках и расстреляли его. Не стоило ему выходить на поверхность. Крид говорил ему, что еще слишком рано. У Крида всегда было больше знаний, чем у Урсулы.

— Урсула — это карлик? — уточнил я, и Крид согласно кивнул:

— В вашем понимании он карлик. Для нас просто маленький человечек. Ну и что с того, что он был мал ростом, зато сил и знаний в нем хватило бы не на одно поколение живущих... Ну, так ты присаживайся. Чего встал на проходе, словно чужой? Садись прямо на пол, он не холодный, только сыроват немного, но тебе ли не все равно?

А может, мне и правда все равно? Я подсказал ближе и сел на пол, прямо напротив Крида, скрестив ноги и обхватив их руками. В голове гудело, не укладывалось то, что сейчас происходит, но мне ничего не оставалось, кроме как ждать. Что еще скажет человек с обрезанными ушами?

— Ты сел, это хорошо, — произнес Крид. — Ты правильно сделал, что сел. А то бы упал, когда Крид открыл бы тебе всю правду. Ведь ты еще не знаешь всей правды? Так было предсказано — что ты не узнаешь всего, а Крид или Урсула должны были рассказать тебе. Урсула не дождался. Урсулу расстреляли, когда он поднялся на поверхность, чтобы посмотреть на тебя. Но Крид знал, что тебя там не было. Крид всегда больше знал!

— Что ты знал?

— Все! Всю правду! Крид еще на Блессте взял книгу и прочел ее, всю от корки до корки. Все, что было рассчитано и предсказано!.. — Он замолчал на секунду, меряя меня взглядом. — Крид говорит непонятно, правда? Он должен рассказать все по порядку, чтобы тебе стало ясно, что ты должен сделать.

— Да, — согласился я, — расскажи по порядку, а то мне совсем ничего не понятно.

— Крид знает порядок. — Человек плавным движением поднял книгу и протянул ее мне. Я приподнялся, чтобы взять ее, и ощутил, какая она тяжелая. — Это твоя книга, — сказал Крид, — в ней Правила нашей жизни. Все Правила, которые мы должны выполнять, чтобы жить! Не существовать, а жить! Я ясно излагаю?

Я положил книгу около себя:

— Так вы тоже, значит, игроки?

— Нет, — покачал головой Крид. — Игра — это понятие, придуманное людьми для определения нашей жизни. Они так и не поняли до конца, что Правила существуют не для того, чтобы играть по ним, а для того, чтобы жить по ним и в гармонии с ними. Крид объяснит тебе, что все это значит.

— Почему ты говоришь о людях в третьем лице? — удивился я. — Разве вы сами не люди? Или вы и есть те самые Создатели?

— Мы не люди, но и не Создатели. Крид говорит, что все это — миф о Создателях, образовавших глупую

Игру — всего лишь определение для человеческого ума, не способного принять чистое понятие! Тогда это были не Создатели, а лишь двое из нас, которые впервые хотели наладить контакт с людьми, вступить с ними в общение. И что получилось? Люди все обернули на свой лад, решив, что это Боги играют с ними в Игру. А ведь все совсем не так. Поверь мне. Тебя как зовут?

— Виталий, — не удивившись, ответил я.

— А меня Крид, если мы еще не познакомились. — Человек хихикнул — Ты, Виталий, наверное, думаешь, что Крид несет здесь чушь, но все, что он говорит, — правда. То же самое должен был сказать и Урсула, но его расстреляли люди в касках. Он для них был "швайне", если я точно выразился. Всего лишь маленьким "русиш швайне". Крид понятно изъясняется?

— Нет, — признался я, — что-то я ничего не могу понять. Игра, значит, на самом деле не Игра, а что-то другое, а Создатели — это не Боги, а вы. Но кто тогда вы?

— Крид и Урсула и те, кто летит сюда, — блессты! — пояснил человек с обрезанными ушами. — Жители Блессты, планеты, находящейся на той стороне Солнечной Системы.

— Планеты? — выдохнул я, — Ты сказал — планеты?1 Невероятно! Так вы инопланетяне?

— В вашем понимании — да! Но тогда, когда двое из нас хотели наладить контакт, люди приняли нас за Богов. А наш уклад жизни за Игру.

— Постой, постой, — что-то начинало складываться в моей голове, — то есть вы хотели наладить контакт с людьми, но не учли того, что они еще не были столь высоко образованы, и хотели навязать им свой уклад жизни, такой политический строй, при котором вы жили на своей планете?

— Крид не понимает, что ты, Виталик, имеешь в виду под словами "политический строй", — поморщился человек. — В твоих руках книга Правил, по которым мы живем. И никакого строя.

— Книга Правил, — я провел пальцами по вишенке на обложке, только сейчас осознавая, какую страшную силу таит в себе эта книга. Ведь с нее и началась борьба сумеречных и игроков Зари на Земле. Люди, не разобравшись толком, что к чему, взяли эту книгу и превратили ее в Правила Игры, как они думали, напрочь отбросив даже мысль о том, что какая-то цивилизация хотела вступить с ними в контакт, предложить свои силы и поэтому отдала им свои законы, свою конституцию. Люди решили, что это Игра. Таков склад нашего ума — на все смотреть со своей точки зрения, не обращая ровным счетом никакого внимания на то, что говорят другие. И с этой ошибки началось все. Люди уже не были людьми, игроки стали врагами, началась бессмысленная война, которая, в конечном счете, едва не привела к гибели всей Земли. А инопланетяне, видя такой оборот дела, решили, что людям еще рано знать о них и решили не показываться.

— Исправители... — пробормотал я задумчиво. — Исправители тоже были блесстами?

Крид покачал головой:

— Ты видел хоть одного из них? Те, кого ты называешь Исправителями, были плодом воображения людей. Тех людей, которые заглянули в Правила и обрели дар! Крид сказал уже тебе или, может, забыл, что Книга Правил меняет любое существо, прочитавшее ее. А люди не только прочитали, но и выучили наизусть каждое ее правило и верили в то, что их надо придерживаться. И поэтому они изменились. Научились летать, преобразовываться в других существ, жить по много столетий...

— Так они не бессмертны?

— Смерть приходит всегда. Только к некоторым раньше, а к некоторым позже. К Урсуле, например, она пришла вместе с людьми с автоматами и в касках, а к Криду придет только после того, как он расскажет тебе все, Виталик.

— Но при чем здесь я? Я же даже не знал этой дурацкой Игры до тех пор, пока не встретился с Вероникой!

— Тебе и не надо было знать, — пожал плечами Крид. — Тебе было предначертано

явиться сюда сегодня, в тот самый день, когда блессты придут на Землю, чтобы стать их проводником!

— Что?! — я едва не захлебнулся воздухом, *который* показался мне вдруг горячим настолько, что *обжиг горло*.

— Блессты летят, — спокойно сказал Крид, — они уже близко. Насолько, что Крид различает их пульсацию. Они даже послали на землю маяк, чтобы знать, куда приземлиться.

— Маяк? — Что-то мелькнуло в моей голове, и я догадался. — Ты говоришь о том неизвестном предмете, который обнаружили около Луны и теперь хотят доставить его на Землю?

— Уже доставили. Маяк исправен и работает, подавая сигналы кораблям блесстов. Они уже близко, Крид видит их, чувствует!

Я смотрел на человека с обрезанными ушами и пораженно молчал. Вот, значит, все как обернулось. Совершенно иначе, чем мог предположить кто-либо из игроков! Как же они жестоко ошибались, следуя своим соображениям, слухам и выдуманным мифам! Никто и никогда не дал бы им бессмертие за убийство других игроков! Никто бы не убивал их за нарушение Правил, если бы они сами не выдумали Исправителей! И не было бы стольких жертв, если бы люди поняли, что попало им в руки, разобрались в Книге и наладили контакт с другой цивилизацией, Правила для которой не составная часть Игры, а образ жизни.

— Ну... а при чем я? — вопрос сам собой слетел с губ прежде, чем я понял ответ. Вернее, я уже знал его, только не догадывался.

— Блессты взяли одного из твоего рода. Давным-давно. Они знали, что им придется вернуться, и им нужен был кто-то, кто знает Землю, знает ее законы и понятия, ее людей, ее жизнь! Он должен будет объяснить им, как общаться с людьми, как установить с ними контакт, чтобы не ошибиться как в прошлый раз. На этот раз ошибок быть не должно. И поэтому блессты оставили Крида и Урсулу на Земле, чтобы они ждали вместе с Книгой, следили за твоим родом, чтобы смогли вовремя объяснить тебе, что делать и, главное, как делать! Урсула не дожил, Урсулу расстреляли люди в касках, а Крид готов подсказать тебе, что нужно делать. Только после этого Крид сможет наконец спокойно умереть!

— Значит, я дипломат, — пробормотал я, водя пальцем по обложке Книги. Мне показалось, или она действительно стала чуть теплее?

— Ты контактер, Виталик! — гордо сказал Крид. — Открой Книгу! Открой ее и начни читать! Ты должен очистить свой разум от всего лишнего, понять жизнь блесстов и, следовательно, знать, что они должны делать! Блессты хотят Земле только счастья. Не пугайся их. Они всего лишь другие.

Повинуясь ему, я открыл Книгу на первой странице и различил едва видимые, немного искрящиеся закорючки. Как же я смогу их прочесть, если они написаны на другом языке?

— Знания есть в самом тебе, — словно прочитав мои мысли, сказал Крид. — Этим и определяется твой дар! Расслабься и прочти Книгу. У тебя получится, Крид уверен. Урсула тоже был уверен, но его...

Я дотронулся указательным пальцем до одной из закорючек, и она, как живая, наполнилась голубоватым светом, шевельнулась и... И мне стал понятен ее смысл. Вдруг я увидел все, что было написано на первой странице, и утонул в информации! Она буквально наполнила меня всего, проникая в само сознание, в мой разум, очищая его и заполняя все новыми знаниями.

Знаниями о блесстах, иной цивилизации, которая приближалась, чтобы наладить с нами контакты!

Господи, как же бессмысленно все стало вокруг! Вся эта война сумеречных и игроков Зари, вся мелочность и зверство Штамма, задумавшего уничтожить людей! Неужели и он не понимал, что нельзя ничего изменить в привычном укладе вещей! Листы сами переворачивались от одного моего взгляда и прикосновения пальцев! Буквы лились мне в глаза, вставая в мозг! Я уже не видел, как Крид вдруг склонил голову и стал медленно рассыпаться в прах. На губах его все еще играла блаженная улыбка, когда кожа его стала

превращаться в труху и разлетаться, несомая легким ветерком, по комнате. Прах этот оседал на книгах, освещая их таинственным светом, и словно наблюдал за мной со всех сторон сразу, шепча в уши слова благодарности, что я все-таки пришел!

А как же иначе?! Ведь я проводник! Контактёр!

Разум мой вдруг сделался легким и неуправляемым. Словно я заснул наяву, но одновременно с этим и не спал.

Что-то отделилось от меня и полетело куда-то... Неизвестно куда.

Вот я увидел коридор, в котором факелы плавно сменялись лампами дневного света и на стенах появлялась облупленная краска. Вот — мертвые люди, лежащие в разных, неестественных позах и среди них, особенно четко, Вася, который тащит на своей спине Акопа.

Куда тащит? Неизвестно. Наверное, тоже пытается найти выход, хотя я уже знаю, что выхода из этого коридора нет и не будет, кроме отверстия, которое проделал взрыв.

Вероника.

Сидит все в той же позе у стены и не шелохнется. Жалко ее. Но что поделать? Она сама выбрала себе путь. Пусть она и свято верила в Правила и в Игру, но и она тоже ошибалась, как и многие другие, которые до сих пор сражаются друг против друга в городах и деревеньках.

Частичка моей души замерла на секунду перед девушкой с распущенными волосами и, подпитываемая информацией, взлетела под небеса! Сквозь стены, сквозь людей, сквозь мебель. Сквозь все! Так, наверное, чувствовал себя Вася, когда переходил в состояние потока информации, или так чувствует себя умерший человек. Не знаю!

Душа моя вылетела на улицу, и я увидел, что идет дождь. Пока еще не сильный и очень теплый. Люди внизу, как муравьи, перебегали через улицу, размахивая зонтиками. Тучи сталкивались, недовольно урча и разбрасывая молнии, а я летел еще выше. Туда, где в окружении миллиардов звезд, в полной тишине и пустоте приближались к Земле корабли блесстов. Может, они придут, чтобы дать людям новую жизнь, а может — новую смерть. Как их поймут люди? Смогут ли они вообще понять? И насколько люди стали отличными от тех, кто видел первых пришельцев и читал эту Книгу? Черт возьми, я не знаю. Мне дано знать другое, то, чего никому не понять! И там, в глубине космоса, в вечной пустоте, наблюдая за тем, как рождаются и умирают вокруг меня звезды, я готов был отдать блесстам все знания, которые имел.

Думаю, что так оно и будет.

Декабрь 2000 — июль 2001 гг.